ВКУС

СКАНДАЛА

Интимные тайны Советского Союза

Эдуард МАКАРЕВИЧ

Страсть в Советском Союзе?! Массовая, сексуальная?! «Да такое невозможно!» — скажут оппоненты в один голос.

Еще как возможно.

Чем больше страна стиснута жестокими обстоятельствами, тем больше в ней накапливается сексуальной энергии и тем изощреннее становятся способы разрядки этой энергии.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге Эдуарда Федоровича Макаревича рассказывается об интимной сфере жизни советских людей, которая долгие годы не предавалась огласке. Вопреки известному утверждению о том, что в Советском Союзе секса нет, автор доказывает обратное: сексуальная жизнь советского человека была не менее насыщенной, чем на Западе. В СССР существовали и свои секс-символы, такие, как Валентина Серова, Зоя Федорова, Лидия Смирнова, и свои «секс-бомбы» – Лиля Брик, Зинаида Райх и другие, – которые оказывали значительное влияние на политику страны и на ее руководителей.

- Эдуард Федорович Макаревич
  - Предисловие
  - Часть 1
    - Когда секс вырвался на свободу?
    - Теория и практика Александры Коллонтай
    - Особенности любви по Коллонтай во времена НЭПа
    - Битва эротоманов и государственников. Секс и оппозиция
  - Часть 2
    - Оазисы чувственности и интриг – московские салоны 20–30-х годов прошлого века
    - Зинаида Райх, sex appeal
    - Лиля Брик, тоже sex appeal
    - Евгения Ежова, «рубенсовская» sex appeal
    - Герои и жертвы борьбы за женственность в большевистской России (20–30-е годы)
    - Советское кино с чувственными актрисами 30–40-х годов
  - Часть 3
    - Солдаты и женщины
    - Освобожденная Европа – арена второй сексуальной революции
    - Как делался миф об изнасилованной Европе
  - Часть 4
    - «Мы несем веселье в ледяную пустыню»
    - Дело Горизонта в эпоху глобализации
- notes
  - 1
  - 2

- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46

- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90

- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93

Эдуард Федорович Макаревич
Интимные тайны Советского Союза

Предисловие
О тайных страстях в Советском Союзе

Страсть всегда подразумевает тайну. Прежде всего интимную, то есть сокровенную, доверительную. Но что такое страсть? Выхождение человека из себя. Это по определению эмигрантского писателя Бориса Зайцева в ответ на бунинские рассказы о любви. Но как точно! Страсть как выход за границы самого себя, высшая точка вознесения. Что есть страсть, как не сильное чувственное влечение, как не воодушевление, окрашивающее дела поколения сексуальным мотивом.

Эта книга о жизни, о политике, о нравах, пропитанных страстью, умноженной на национальный характер. Страсть в Советском Союзе?! Массовая, сексуальная?! «Да такое невозможно!» – скажут оппоненты в один голос.

Еще как возможно. Здесь формула проста. Чем больше страна стиснута жестокими обстоятельствами, чем острее социальные конфликты, чем тверже социальный контроль публики, тем больше сублимируется сексуальной энергии и тем изобретательней становятся ее выходы, тем изощреннее способы оргастичской разрядки биологической энергии. Особенно, если страна под названием Советский Союз уже вкусила пряный запах сексуальной революции на пороге своего рождения.

Великая Октябрьская социалистическая революция шла рука об руку с великой сексуальной революцией в России, начатой Первой мировой войной. Об этой необычной революции пойдет речь, о героях и жертвах ее, о чувственности в эпоху Сталина, о том, как власть усмиряла эту чувственность, и что из этого вышло. Салоны – омуты страсти советской элиты, соединившие подругу Маяковского Лилю Брик и заместителя наркома госбезопасности Агранова, писателя Михаила Шолохова и Евгению Ежову – жену кровавого наркома внутренних дел, соединившие многих неожиданных людей под пологом московских квартир.

В год 45-й «советская» страсть полыхнула в Европе. Сдержать сексуальный натиск Красной Армии, добившей фашизм, стоило великих усилий кремлевской власти. Позже, когда рухнул Советский Союз, Европа вновь испытала сексуальный натиск – теперь уже внучек тех солдат, что когда-то освобождали ее. Павшая страна расплачивалась с Западом сырьем и женским

телом.

Такая была история страны. О ней речь на основе воспоминаний участников событий, многочисленных архивных документов: империя страсти, империя пассионариев глазами элиты, народа и спецслужб.

Часть 1
Советская Россия: от крылатого к бескрылому эросу

Когда секс вырвался на свободу?

Вряд ли можно утверждать, что во времена Сталина произошла в России сексуальная революция. Но что взросление ее пришлось на годы его правления, и эти годы набросили на нее соответствующую тень – скорее всего можно. Хотя есть устоявшаяся точка зрения, что сексуальный взрыв – это явление второй половины двадцатого века.

К сегодняшнему дню образовались горы литературы, исследований и мнений на сей счет. Одни увязывают эту революцию с «молодежной» революцией в Европе в 1968 году, другие с открытием противозачаточных таблеток, сделавших женщину свободной, третьи с мощным наступлением телевидения, Интернета, видео и даже колготок. Четвертые… А были пятые, шестые и седьмые… Двадцатый век оказался силен на всякие социальные потрясения и открытия, на прорывные технологии. Но все же, все же, какое событие «запустило» маховик сексуального смерча, трепавшего западный мир и Россию почти весь ушедший век? И прежде всего его первую половину, в России – сталинскую.

По размышлении оказывается, что все началось с мировой войны 1914 года, которая сумела загнать в окопы добрую половину мужчин из цивилизованных стран. Не профессиональные, а массовые миллионные армии держали фронты, делая противоестественной жизнь в тылу. Она, Первая мировая, вытолкнула секс из темноты на свет, потому что счет шел на миллионы. 20 миллионов солдат с обеих сторон, 10 миллионов смертей, 800 тысяч сестер милосердия в действующих армиях, около 4 миллионов мирных граждан, вовлеченных в сражения и пострадавших от них; около 20 миллионов оставленных матерей, жен, невест, чьи сыновья, мужья и женихи на несколько лет зарылись в окопы, около 7 миллионов невест и вдов, к которым не вернулись их парни и мужчины, погибшие на фронте.

Свидетели не врут. Особенно те, кто был втиснут в водоворот этой похоти, как немецкий художник Ганс Грундиг: «Женщины, повсюду было множество женщин, – у штампов, у токарных станков, у автоматов; истощенные, пожелтевшие, они выполняли свою работу без улыбки, без смеха. Пожилые мужчины, уцелевшие от последней мобилизации, стояли у своих станков в угрюмом безмолвии, работали без единой шутки. А среди них во всех цехах сновали мальчики-подростки. Только они и были в хорошем настроении. Странный мир открылся мне! Люди

говорили почти исключительно о еде! Чем кормят сегодня в столовой? Где бы раздобыть несколько картофелин? Что бы обменять на продукты в воскресенье у крестьян? Не помню, шла ли когда-нибудь речь о жестокой войне. Ее словно куда-то отодвинули, каждый старался о ней забыть. Но она все-таки была здесь, незримая, зловещая, страшная для каждого из нас. Незримо присутствовало и нечто другое – нездоровое напряжение, которое исходило от женщин, стоявших у станков, и захлестывало юношей, едва достигших шестнадцатилетнего возраста. Прошло очень немного времени, и у них появились победоносные повадки – прямо петухи в курятнике… Однажды я случайно оказался свидетелем бурной оргии любви и соития; это произошло в обеденный перерыв на материальном складе. Словно баран перед новыми воротами, остановился я как вкопанный на пороге и просто не знал, куда деваться от смущения. Для меня бы, вероятно, все на этом и кончилось; разумеется, я никому бы и словом не обмолвился. Однако так легко отделаться мне не удалось. А все из-за Гертруды, которая с тех пор начала то и дело со мной заговаривать. „Ты никому не расскажешь?“ – „Ну конечно, не расскажу“, – твердил я… „И все-таки ты расскажешь, – заявила она, – если только не сделаешь со мной то же, что видел на складе. Вот тогда ты и в самом деле будешь держать язык за зубами…“ Но что же было существенно в те времена? Прежде всего голод, вгрызавшийся людям в желудок, затем любовь, которой они были лишены. Но где же, где были молодые мужчины, полные сил, блестящих способностей и дарований? Они гнили во Фландрии и на Сомме, оторванные от родины, от жен и детей. Отвратительным кривым зеркалом любви был сексуальный угар, охвативший тех, кто остался дома…»[1]. Такова была действительность.

Через десять лет после войны, в начале 30-х годов, социальный психоаналитик Вильгельм Райх, отодвинув Фрейда с его теорией, обескуражил общественность понятием сексуальной энергетики. Как сексуальное влечение, сексуальная напряженность влияют на социально-экономические процессы? По его мнению – доверимся научному языку, – одной из важнейших общественных предпосылок возникновения сексуальной энергетики на социальном уровне послужило создание гигантских отраслей промышленности с огромным числом рабочих и служащих. Этот процесс и потряс до основания двух центральных столпов моралистической антисексуальной атмосферы – мелкое предприятие и семью. Но главный удар нанесла война. Вырвав мужчин с заводов, она привела туда женщин. Мужчины – фронт, тыл и промышленность – женщины.

Два полюса сексуальной энергетики.

Женщины и девушки, работавшие на фабриках и заводах, говорит Райх, усвоили более свободные представления о половой жизни, чем это удалось бы им сделать в условиях авторитарных семей их родителей. «Поскольку промышленные рабочие всегда отличались способностью к усвоению позитивных взглядов на сексуальность, процесс распада авторитарного морализма начал распространяться и в среде мелкой буржуазии. При сравнении современной мелкобуржуазной молодежи с мелкобуржуазной молодежью 1910 года нетрудно заметить, что разрыв между реальной сексуальностью и все еще господствующей социальной идеологией не только увеличился, но и стал непреодолимым. Идеал аскетической девушки стал чем-то постыдным»[2].

А на фронте миллионы отделенных от женщин молодых мужчин каждый день ходили по грани: жизнь – смерть, жизнь – смерть. В этом черно-белом существовании секс, забитый ожиданием смерти, становился едва ли не главным ощущением прошлой жизни и главным желанием будущей, если доведется выжить. Война порождала желание женщины, и она же убивала его. Вернувшиеся фронтовики, истерзанные газами и пулями, осколками снарядов и мин, не могли унять сексуальную лихорадку встретивших их женщин.

«Когда я был в итальянской армии, меня изрешетили шрапнелью, и мне пришлось провести некоторое время в урологическом отделении. Там я навидался этих несчастных – у них все было разорвано. Большинство пострадало от пехотных мин, которые были устроены так, чтобы разорвать все между ног. Непреложная теория гласит: ничто не может эффективнее и быстрее вывести солдата из строя, чем расстрел его яиц» – так рассказывал Эрнест Хэмингуей, великий американский писатель, о своих ощущениях войны.

Пехотной миной по яйцам – это изобретение все той же, Первой мировой, по театрам сражений которой он таскался в своем санитарном автомобиле. Потом он эти ощущения связал с героем своего лучшего романа «Фиеста. И восходит солнце» Джейком Барнсом. Тот страдал от физической боли и сексуального бессилия при огромной любви к леди Эшли – героине того же повествования.

Светлый и печальный роман. Хэмингуей так вжился в образ Барнса, что совершенно не мог заниматься любовью со своей второй женой Полин, как Барнс не мог проделывать это с леди Эшли. А Хэмингуею, как и Барнсу, было всего-то от роду 25 лет. Врачи не помогли, не помог даже ежедневный стакан крови из свежей телячьей печени по утрам. И тогда любящая жена сказала

просто: «Сходи в церковь, помолись». Атеист Хэмингуей так и сделал. Вернулся, обнял Полин, и все получилось – мощно и чисто.

А Джейку Барнсу, солдату Первой мировой, ничего не помогло. Ему осталась только боль, окрашенная любовью и переданная так, что ее ощущаешь, как свою. Война разбудила эту любовь, и она же сделала ее несчастной – любовь без наслаждения сексом.

Такова война – она и разбудит, она и накажет. Боль, страдание, секс и смерть. Если не смерть, то часто искалеченная жизнь. Об этом же и документы французской контрразведки: «25 процентов французских солдат, побывавших в отпуске в Париже, заразились венерическими болезнями». Власти разражались сентенциями о патриотизме: «Солдат, заболевший сифилисом, – не боец», призывали к осторожности, напоминали о семье. Какая семья? Разбуженное фронтом желание не знало границ. Никакие увещевания не помогали. Тогда моралистов подвинули и ситуацию отдали на откуп врачам. По их совету солдат вооружили ртутной мазью. Сексуальный накал становился жарче, но заболеваемость только по Парижу снизилась до 5 процентов.

Из Первой мировой войны Европа вышла другой. Военная отрава изменила мироощущение мужчин и женщин, пределы доступного, границы любви, наслаждения и боли. Оставшиеся в живых потащили это в мирную жизнь. Эрнест Хэмингуей, Эрих Ремарк, Ричард Олдингтон писали о потерянном поколении, изувеченном войной. Антивоенный настрой этого поколения тихо потом растворялся в омуте разврата. Чувства к женщине все чаще окрашивались в цвета грязи, пошлости, хулиганства плоти. Второй роман Хэмингуея после «Фиесты» – «Прощай, оружие!» можно назвать «Прощай, любовь!». Любовь кончается, и наступает пустота нарастающего греха. Любовь, отравленную ядом изощренной сексуальности, породила послевоенная Европа. Сексуальная энергетика нашла себя в стремительности сексуальных контактов вне семейного и любовного поля.

Во время войны и после изменилась сексуальная температура общества в Германии, во Франции, в России, да и во всех развитых промышленных странах, вовлеченных в военную мясорубку. Только Америка задержалась – далеко была. Это был новый феномен – резко взлетевшее сексуальное напряжение в обществе. Дьявола выпустили. И он прекрасно нашел себя в цивилизации двадцатого века, окрепнув потом в испытаниях и Второй мировой войны, и холодной. И породил бесчисленных героев и жертв новой сексуальности, ставшей постоянным спутником современного мира.

Теория и практика Александры Коллонтай

В России ситуация особая. После Первой мировой и потом Гражданской войн (шесть лет боевых действий) женщин в стране стало на 4 миллиона больше, чем мужчин. Причем, женщин в расцвете лет. Они-то и стали сияющим полюсом сексуальной напряженности в обществе. И власть, к тому времени большевиков, придала этой напряженности идейную заостренность, обернутую в теоретические изыскания.

Теретиком выступила заметный деятель Российской коммунистической партии Александра Михайловна Коллонтай. Целый свод работ по социологии секса выпорхнул из-под ее пера. Еще в дореволюционной эмиграции, предвосхищая Вильгельма Райха, она сочиняет «Социальные основы женского вопроса» (1909). В 1919 году в роли наркома пропаганды и агитации Крымской советской республики и начальника политотдела Крымской армии она пишет труд под названием «Новая мораль и рабочий класс». С 1920 года она заведует женским отделом Центрального Комитета большевистской партии, партии у власти. И здесь она выдает сочинение «Семья и коммунистическое государство», и следом самое заметное и громкое произведение «Дорогу крылатому эросу» (1923). А позже, на дипломатической работе, рождает не менее знаменитую книгу «Любовь пчел трудовых» (1924). А сколько статей, заметок, полемических ответов в газетах и журналах! Все написанное – гимн сексуальной свободе. Она выступает за сверхсвободную любовь и с большевистской откровенностью говорит о необходимости разрушения семьи, потому что семья подрывает основной «принцип идеологии рабочего класса – товарищескую солидарность». Райх скажет потом: семья один из столпов антисексуальности. А по Коллонтай – семья бьет по сексуальной энергетике, сексуальной свободе. «„Половой коммунизм“ вместо семьи» – теоретическое достижение Коллонтай. А практический лозунг для России: «Дорогу крылатому эросу!» Чему и следовала сама в жизни.

Откуда она взялась в короне большевистской партии, этот сексуальный самородок? Дочь царского генерала Домонтовича Шуринька (так называли ее в семье) рано познала половую жизнь. Конечно, по тем временам. В 17 лет Шуринька по своей охоте вышла замуж за молодого офицера Владимира Коллонтая. И через год уже родила сына. И тогда же записала в дневнике: «Женщина во мне не была разбужена». Но скоро нашелся тот, кто разбудил. Друг семьи, тоже офицер, Саткевич. Вместе читали

Чернышевского «Что делать?». Сеансы чтения кончились постелью.

Но хотелось большего, не только полового удовлетворения. Как-то бывшая учительница Шуриньки свела ее со Стасовой, известной большевичкой, соратницей Ленина. Так Шуринька попала в среду профессиональных революционеров. Там ее научили премудростям политической борьбы, которая и стала тем большим, чего она хотела. Но получалось так, что ее революционные дела всегда шли в обнимку с сексом. Сразу влюбилась в Петра Маслова, известного экономиста, по убеждениям социал-демократа и меньшевика, да еще и женатого. Роман и здесь быстро закончился постелью.

Да что там Петр Маслов! У нее роман с первым русским марксистом, с человеком, прививший марксизм России, женатым и солидным господином – Георгием Валентиновичем Плехановым. И следом, на одном дыхании с Карлом Либкнехтом – главным немецким социал-демократом. От теоретиков и вождей – к рабочим! Ее очередное увлечение – Саша Шляпников, рабочий из мещан, профессиональный большевик. Мировоззрение она ему выправила, да так, что он сочинил даже книгу «По заводам Франции и Германии». И в постели она его кое-чему научила.

Все же Александра Коллонтай являла собой женщину темпераментную и раскованную, никак не из тургеневских, и даже не из чеховских барышень. С такими данными только в агитаторы. Она и стала агитатором партии. Пламенным, как ее называли.

В преддверии Октябрьской революции Ленин отправил ее к матросам Балтики, чтобы возбудить их революционный пыл и одновременно заставить слушаться революционных командиров. Миловидная ладная женщина в черной кожанке смело входила в матросский круг. И держала речи. Аура у нее была сочная, жгучий взгляд с привораживающим голосом творили чудеса. Матросская братва сначала раздевала глазами, а потом внимала речам. Хлопала, ревела в поддержку, даже бескозырки бросала. Реакция десятков, а на линкорах и сотен мужиков в матросских робах на женщину, источающую женственность, была бешеная. Но рядом с ней был надежный человек, выделенный Центробалтом, матрос Дыбенко, эдакий медведь по сложению. Сильный, симпатичный мужик, волосы волной. Он ее скоро подавил своей энергетикой. А она и не сопротивлялась: «Люблю в нем сочетание крепкой воли и беспощадности». В нем она, наконец-то, нашла свою настоящую любовь. А его не остановило то, что она старше на семнадцать лет.

В феврале 1918 года наркомвоенмор Дыбенко провалил

операцию под Нарвой. Арестовали военмора. И тогда Коллонтай у Ленина поручилась за него. А через пару дней оба исчезли. Троцкий, глава Реввоенсовета Республики, рвал и метал. Ведь власть на волоске! А они в Крыму нежились на море – «медовый» месяц.

«Расстрелять!» – зверел Троцкий.

«Расстрел не наказание, – парировал Ленин. – Предлагаю приговорить их к верности в течение пяти лет».

Ленин ошибся – верность кончилась через три с половиной года. У Дыбенко появились молодые любовницы. А у Коллонтай взыграла ревность, против которой она так рьяно выступала в своих теоретических изысканиях. Она к тому времени заведует женотделом в ЦК партии и пишет новому партийному хозяину Сталину, чтобы ее направили на работу за рубеж: «Куда угодно по заданию партии». И здесь же категорическое: «Прошу больше не смешивать имена Коллонтай и Дыбенко. Наши пути разошлись».

Сталин внял, ее отправили главой дипломатической миссии и одновременно торгпредом в Норвегию. Она хорошо развернулась там, далеко от российской политики, от которой она устала больше, чем от Дыбенко. Но в которой, тем не менее успела перед Норвегией развернуться весьма шумно. С прежним своим любовником Александром Шляпниковым, тогда одним из руководителей советских профсоюзов, она создала группу «рабочей оппозиции». Их с Сашей идея – профсоюзы управляют народным хозяйством, а партия не вмешивается. И вообще в партии нехорошие тенденции – отрывается от рабочих, обрастает бюрократией. За эти взгляды и дал им бой Ленин на десятом партийном съезде. Их оппозицию разгромили. А Ленин обиделся, бросил ей в сердцах, проходя мимо: «Не ожидал! Теперь разрыв».

А в Норвегии хорошо. Пришла в себя. И вспыхнуло желание опять прижаться к Дыбенко. Выхлопотала визу. Приехал с радостью, красный комиссар. Каждая ночь была их. Расстались со скандалом, случайно узнала, что шлет телеграммы новой любовнице в Союз. Столько переживаний, а вот уехал, и что-то оборвалось. Самый дорогой ее мужчина. А скоро почувствовала, что беременна. Ужаснулась – в 51 год! Пришлось ложиться в клинику.

Все же, какая постылая бывает жизнь. Одна отрада, когда целиком уходишь в размышления по поводу свободной любви. Сколько написано, но теория недосказана. И вот еще одна попытка – готова рукопись и придумано название «Любовь пчел трудовых». Сочинительство, даже теоретическое, хорошо успокаивает. Появился и новый друг – французский коммунист Марсель Боди. Он из тех, кто может понять, душу успокоить.

А в Советском Союзе внутрипартийная борьба не утихает. Громы долетают и до нее. Коллеги-послы – многие симпатизируют Троцкому – с ней отношения держат. Она теперь в Москву наведывается по сугубо деловым причинам. В столице визиты и встречи, и в служебных кабинетах, и в квартирах: разговоры, прощупывание взглядами, полунамеками. Интересно, но выматывает. Приверженцы Троцкого тянут к себе. Она осторожничает, мысль молоточком: подальше от них.

Вызвали к наркому Чичерину. Московский контролер вскрыл в посольстве перерасход средств. И на что? На платья для нее. В Берлине куплены почти пятьдесят. Она спокойна: элегантная одежда «работает» на престиж страны. Тем более, когда посол женщина. Чичерин, ломкий интеллигент, возмущен: «Вы представляете государство рабочих и крестьян, у нас другая мораль и другие вкусы». Не спорила, попросила оставить на дипломатической работе. Была Мексика, потом опять Норвегия, и, наконец, Швеция. Посол Советского Союза. Ее не тронули. В марте 1945 года сдала дела и тихо жила в Москве, предаваясь воспоминаниям и хлопоча за внука.

Чаще всего вновь переживала то хмельное время революции и Гражданской войны, романтичное, сексуально раскрепощенное. Вспоминала идеи свои в бесчисленных публикациях и лекциях, что были брошены ею в массы, возбужденные «Первой империалистической», а потом и Гражданской войной, и горевшие праведным сексом.

«Для классовых задач пролетариата совершенно безразлично, принимает ли любовь формы длительного оформленного союза или выражается в виде преходящей связи. Идеология рабочего класса не ставит никаких формальных границ любви»[3].

«Что победит ревность? 1). Уверенность каждого мужчины и каждой женщины, что, лишаясь любимых ласк данного лица, они не лишаются возможности испытать любовно-половые наслаждения (смена и свобода общения служат этому гарантией). 2). Ослабление чувства собственности, отмирание чувства ПРАВА на другого…3). Ослабление индивидуализма, из которого вытекает стремление к самоутверждению себя через признание себя любимым человеком».

«Когда говорят о слишком свободных отношениях, то при этом совсем забывают, что эта молодежь почти совсем не прибегает к проституции. Что, спрашивается, лучше? Мещанин будет видеть в этом явлении „разврат“, защитник же нового быта увидит в этом оздоровление отношений»[4].

Но она не просто бросала идеи, она стала активно их продвигать в массы. Всей своей богатой любовной практикой.

Особенности любви по Коллонтай во времена НЭПа

В 1923 году, когда она зажгла над советской Россией идею крылатого эроса, ее первой поддержала творческая интеллигенция. Та быстро переложила ее теоретические постулаты в жизненные правила:

«Жены, дружите с возлюбленными своего мужа»,

«Хорошая жена сама подбирает подходящую подругу своему мужу, а муж рекомендует жене своих товарищей».

Россия после Октябрьской революции стала страной, где секс не знал границ, а половая мораль превратилась в условное понятие. Походов к проституткам, правда, не было. Но появились иные формы вольного секса, по рецептам Коллонтай. Среди молодых ленинградцев особенно популярны стали «вечерки». Журнал «Смена» о нравах: «У нас распространены вечерки, где идет проба девушек, это, конечно, безобразие, но что же делать, раз публичных домов нет». По мнению молодого рабочего, девушки на такие «вечерки» приходят сами, – и ничего зазорного в этом нет, хотя может быть и похоже на публичные дома[5].

Прокурор Ленинграда М. Л. Першин приехал как-то на завод «Красный путиловец» рассказать молодежи о сексуальных преступлениях. Потом в ряду записок получил такую: «А если у ребят невыдержка, нетерпежка, что делать?»[6]. Ничего прокурор не ответил. А в 1929 году в Ленинград пожаловала комиссия ЦК ВКП(б) по расследованию случаев так называемого «нетоварищеского обращения с девушками»[7]. Были тому большие причины. Тогдашние исследователи поизучали ситуацию в Выборгском районе Ленинграда. Картина впечатляла. Половую жизнь до 18 лет начали 77,5 процента мужчин и 68 процентов женщин, а 16 процентов юношей вступили в половую связь в 14 лет. Многие молодые люди одновременно имели по два-три интимных партнера, особенно здесь выделялись комсомольские активисты. А в целом 56 процентов активной молодежи относилось к группе легкомысленной и распущенной[8].

Количество внебрачных детей довольно-таки весомый показатель бесконтрольных половых связей. Здесь рабочий класс был в авангарде. В Ленинграде в 1927 году на 100 мужчин-рабочих родилось 3,3 внебрачных ребенка, а на 100 служащих – 1,5, а на 100 хозяев – 0,7[9].

В 1923 году на совещании агитаторов по вопросам рабочего быта звучали такие речи.

Председатель губернского союза текстильщиков Марков: «Я предупреждаю, что на нас надвигается колоссальное бедствие… „свободная любовь“. От этой свободной любви коммунисты натворили ребятишек. Коммунистов потом мобилизовали, и на иждивении завкома остались чуть ли не две тысячи ребятишек. И если война дала нам массу инвалидов, то неправильное понимание свободной любви наградит нас еще большими уродами».

Секретарь Московского совета Дорофеев: «Революция внесла разложение в семью. Многие рабочие озорничают и не так понимают свободу, расходятся со своими женами».

Заведующая женотделом Московского комитета партии Цейтлина: «В литературе недостаточно освещаются вопросы отношений мужчины и женщины… Я знаю агитаторов, которые отвечают по тезисам товарищ Коллонтай. И на этой почве растет подбрасывание ребят».

И Троцкий, подводя итоги: «Надо признать, что семья, в том числе пролетарская, расшаталась».

Так было у рабочих. А что в студенчестве, самой отзывчивой части интеллигенции? Все тот же эрос без границ.

Только в России, в той атмосфере сексуальной суперсвободы, могло возникнуть летом 1925 года общество под призывным названием «Долой стыд!». Энтузиасты из студентов-гуманитариев, основавшие его, вдохновленные призывом Коллонтай, решили бороться со стыдом как с буржуазным предрассудком. Устраивая рекламные акции, они голыми маршировали по улицам. На желтых лентах, пересекавших наискось их потные тела, теснились слова «Долой стыд – буржуазный предрассудок». Особенно эффектно выглядели девушки: в одних туфельках, и с сумочкой в руке. Хождением по улицам дело не ограничилось, самые смелые активисты голышом ездили в трамвае, ходили в кино, обедали в общественных столовых. «У, нечистая сила», – шипели им вслед старушки, а дети бросали в них камни. Старшее поколение возмущалось, а молодое забавлялось такими сексуальными инновациями от «питерских» и московских студентов.

Студенты того времени были весьма охочи до секса. Некто Д. Ласс исследовал сексуальную жизнь студентов одесских вузов в 1926 году и написал книжку «Современное студенчество». Оттуда мы узнаем, что каждый пятый студент начал половую жизнь до 15 лет, половина между 17 и 19 годами. 63 процента юношей и 49 процентов девушек имели постоянные сексуальные контакты, как правило, случайные. Внебрачные связи были у 25 процентов женатых и замужних. И при этом 23,6 процента опрошенных

вступали в связь с одним лицом, а 60,7 процента – с несколькими. Верили в любовь более 56 процентов. Но 85 процентов опрошенных в своем стремлении к сексу видят лишь способ удовлетворения физического влечения. Вслед за Лассом московский социолог Гельман выявил, что в начале двадцатых среди студенчества более 80,8 процента мужчин и более 50 процентов женщин имели кратковременные половые связи. И только лишь 4 процента парней объяснили свое половое сближение с девушкой любовью к ней[10].

Об этом известный рассказ тех лет Пантелеймона Романова «Без черемухи», где главный герой, уложивший после первой прогулки девушку в постель, высказывается однозначно: «Ведь все равно это кончается одним и тем же – и с черемухой и без черемухи… что же канитель эту разводить?» А перед этим «социологический» монолог героини рассказа: «Любви у нас нет, у нас есть только половые отношения, потому что любовь презрительно относится у нас к области „психологии“, а право на существование у нас имеет только одна физиология. Девушки легко сходятся с нашими товарищами-мужчинами на неделю, на месяц или случайно – на одну ночь. И на всех, кто в любви ищет чего-то большего, чем физиология, смотрят с насмешкой, как на убогих и умственно поврежденных субъектов»[11].

Почему такой всплеск безграничной сексуальности у студенческой молодежи? Ну да, весьма восприимчива к коллонтаевским идеям. Но это теоретическая подкладка, хотя и удачно сопрягающаяся с социальными обстоятельствами. В высших учебных заведениях появилось огромное количество девушек, и большая часть их жила в общежитиях. А там вольница. Девушки и юноши с рабфаков, у них нравы простые – нравы фабричных и деревенских посиделок.

А что у нэпманов и интеллигенции? Там тайные дома свиданий. Один такой в Москве, в Благовещенском переулке, и содержит его бывшая от царских времен генеральша. Ее квартиру навещают крупные нэпманы, инженеры, врачи и советские чиновники, солидные и женатые господа-товарищи. И за деньги сходятся с милыми женщинами, которых «навербовала» генеральша. Она их находила в дамских парикмахерских, у модных портних, в косметических магазинах и «кабинетах красоты». Среди ее женщин две опереточные актрисы, три балерины и тридцать одна домашняя хозяйка – все замужем. Дело генеральши Апостоловой вел следователь прокуратуры Лев Шейнин, который впоследствии изложил его в «Записках следователя». А когда он начал заниматься им, то ему неожиданно позвонил заместитель начальника

контрразведывательного отдела ОГПУ и попросил не торопить события эдак месяца три. Оказывается в квартиру генеральши на тайные свидания захаживали участники чекистской операции «Трест». Под «Трестом» подразумевалась деятельность придуманной Дзержинским и его соратником Артузовым «Монархической организации Центральной России» для борьбы с воинствующей белой эмиграцией в Европе. Некто Эдуард Стауниц-Оперпут, агент ОГПУ, игравший роль заместителя председателя Политсовета по финансовым делам в этой монархической организации, и прибывший из Парижа от генерала Кутепова для контроля штабс-капитан Гога Радкевич любили захаживать в уютный салончик в Благовещенском, в котором любовные утехи с благовоспитанными дамами определенного круга еще больше убеждали парижского контролера в существовании второй, тайной жизни советской элиты, а отсюда в возможности антисоветского переворота. Потом ответственный сотрудник из контрразведки сказал Шейнину, чтобы эти люди не фигурировали в деле о доме свиданий. Правда, любитель сексуальных приключений Гога Радкевич спустя два года все же попал в милицию – учинил скандал в пивной. По оперативным соображениям дело тоже замяли.

Битва эротоманов и государственников. Секс и оппозиция

Но высшее достижение теории и практики крылатого эроса – его законодательное оформление. В 1926 году в Советском Союзе появился закон о браке, семье и опеке. Такого вольного закона тогда не имела ни одна страна мира. Акт брачной регистрации представлял простой статистический учет. А чтобы осуществить развод нужно было только заявление одного из супругов без объяснения причин. Тогда другому посылалась по почте копия записи о прекращении брака. Нарком юстиции Дмитрий Иванович Курский, инициатор этого закона, стал кумиром молодежи и интеллигенции.

Но реальная жизнь била больно. К 1927 году в стране полмиллиона детей не знали своих отцов. И число их угрожающе росло. Власть забила тревогу. Сначала в виде дискуссий. «Правда» публикует статью под названием «О любви». Автор солидный – член Всесоюзного ЦИК Петр Смидович. Он ратовал за возвращение к «традиционной» любви и к семейным ценностям.

Коллонтай ответила и тезисы ее были как всегда оригинальны. Так как мужчины не смогут содержать внебрачных детей (зарплата мала), то они, мужчины, ограничат свою интимную близость с женщинами. Но это плохо, ибо приведет к понижению полового тонуса населения, снизит сексуальную энергетику. Прямо по Райху, хотя он еще только готовился писать об этом. Поэтому, – продолжает Коллонтай, – для обеспечения сексуальной энергетики нужно создать специальный фонд для содержания внебрачных детей. Подразумевалось, что финансировать фонд должно государство, общественные организации и отчисления от граждан (по 2 рубля с человека по курсу 1926 года).

Оригинальность суждений Коллонтай затмила скучную логику партийного чиновника Смидовича. Его беспомощно поддерживает на страницах журнала «Смена» заведующая отделом ЦК ВКП(б) С. Смидович: «Лишь развращенные буржуазки ласкают свою кожу прикосновением шелка»[12]. Но подобные аргументы вызывали смех. В этой полемике защитников традиционных семейных ценностей загоняли в угол.

И тогда партия бросила на дискуссию лучшие силы. Коллонтай и ее единомышленникам-эротоманам противостояли член партийного ЦК Емельян Ярославский, нарком просвещения Анатолий Луначарский, нарком здравоохранения Николай

Семашко, директор «Института Маркса и Энгельса» Давид Рязанов и несколько сервильных профессоров. Призвали даже авторитет недавно умершего Ленина, разыскав его слова, произнесенные в беседе с немецкой коммунисткой Кларой Цеткин: «Несдержанность в половой жизни – буржуазна, она признак разложения… Вы, конечно, знаете знаменитую теорию о том, что будто бы в коммунистическом обществе удовлетворить половые стремления и любовные потребности так же просто и незначительно, как выпить стакан воды. От этой теории „стакана воды“ наша молодежь взбесилась, прямо взбесилась… Я считаю теорию „стакана воды“ совершенно не марксистской и сверх того противообщественной… В любви участвуют двое и возникает третья жизнь. Здесь кроется общественный интерес…»[13].

Отшумела дискуссия. И Коллонтай, чтобы больше не искушала партию и публику своими сексуальными теориями, определили на сей раз в дальнюю дипломатическую командировку, в Мексику. А любимца молодежи и интеллигентов Курского направили послом в Италию. Крылатый эрос уходил в бескрылый. И нужно было умерить пыл.

Сцену чистили от идеологов вольного секса, теперь ее занимали государственники. Эти вознесли семью, чем хорошо ответили на здоровые инстинкты народа. Семья – ценность для России традиционная, и не дело разрушать семью как буржуазный институт. Так вещали государственники. Они знали, что говорили. Интересы страны на переломе от 20-х к 30-м годам требовали прогнозируемого воспроизводства населения; требовали нового поколения, здорового, сильного, способного к винтовке и плугу. Идеология вольного секса загонялась в подполье. И от нее исходило уже только приглушенное свечение, как манящая мечта.

Теоретиком государственников стал некто доктор А. Залкинд, как его именовали, «врач партии», недавний страстный почитатель теории коллонтаевского крылатого эроса. Когда власть взялась за вольный секс, вот тут-то и объявился этот доброволец-теоретик. Теперь он спорит с Коллонтай и Райхом, изъясняясь бескрылым псевдонаучным слогом: «Пролетариат в стадии социалистического накопления является бережливым, скупым классом, и не в его интересах давать творческой энергии просачиваться в половые щели»[14].

Залкинд обогатил государственников «открытием», которое долго отравляло жизнь соотечественникам. И имя ему – антисексуализм. В это понятие доктор, а потом и профессор, умудрился вогнать процесс изменения среды, который «ненужные половые желания» переводит в полезное для рабочего класса

русло. Новая среда, то есть новые отношения на производстве, культурные раздражители, общественно-классовое мнение, партийная, комсомольская и профсоюзная этика, классовая дисциплина, – над созданием которых трудились большевики, – эта новая среда, по Залкинду, отлучала от ненужных половых желаний. А нужные сводились к минимуму для воспроизводства потомства. Частью антисексуализма стало другое открытие Залкинда: «бессильная хрупкая женственность» – это результат «тысячелетнего рабского положения женщины», а современная пролетарская женщина «физиологически должна приближаться к мужчине»[15]. И к черту модную одежду, косметику и украшения – эти буржуазные предрассудки. Ближе к мужчине и никакого вольного секса – резюме из залкиндовской теории.

С конца 20-х годов прошлого века антисексуализм жестко сцепился с сексуализмом. Эти крайности долгие годы высвечивали аромат эпохи, победы и поражения в сексуальной жизни людей Советского Союза. Власть от дискуссий споро шагнула к привычным и жестким постановлениям. Семья – ячейка силы, поэтому надо защитить ее принудительными мерами. В конце концов Родине нужно здоровое поколение.

27 июня 1936 года, на фоне набирающих силу репрессий против политических оппозиционеров, появляется постановление правительства «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве об абортах». За десять лет скачок от свободного партнерства, обозначенного в кодексе о браке 1926 года, к жестким карам за аборты, за последствия половой жизни вне брака.

Самое удивительное, что в Советском Союзе еще продолжали существовать гражданские браки, отголоски коллонтаевского свободного эроса. Были, по сути, неофициальные, незарегистрированные семьи. Но их прописывали, выделяли им жилплощадь, не требуя свидетельства о браке. Гражданские браки чаще всего заканчивались рождением детей, что поощрялось, и тогда они оформлялись официально. Конечно, это было нетипично. Но встречавшаяся в то время эта нетипичность оборачивалась мягким переходом от свободного сексуального партнерства к традиционной семье. А что было типично?

После секса 20-х, секса без берегов, власть загоняла его в русло, а он уходил в подполье. В 30-е свобода секса расцветала подпольем, как во власти, так и среди публики: рабочих,

крестьян, интеллигенции. Страдали женщины: любовь и секс не выправишь законом. Подпольные аборты все больше сопровождали сексуальную жизнь. За сладкие ночи женщины расплачивались здоровьем, а то и жизнью.

Исаак Дунаевский, музыкальный творец образа советской эпохи, вошедшей в историю летящей мелодией «Широка страна моя родная», он же поклонник женской сексуальности, очень болезненно переживал ситуации, которые толкали тогда женщин к мимолетному соитию, и к абортам. Хотя, правда, и сам нередко создавал такие ситуации. А мыслил по этому поводу вот что: «За пару заграничных чулок, за красивую жизнь, измеряемую одним ужином с паюсной икрой и бутылкой прокисшего рислинга в номере гостиницы „Москва“ с командировочным пошляком, люди, женщины, иной раз честные, хорошие, расплачиваются своей честью, чтобы только на секунду забыть плесень на углах своего жилья… Нельзя же не делать абортов, если отец зарабатывает 300 рублей в месяц и живет в комнате 10 метров с семьей в пять человек. А нам говорят – плодите детей. Нельзя проповедовать чистоту отношений, когда не очищена сама жизнь, когда быт загрязнен мучительными и тягостными мелочами…»[16].

Но родина заставляла думать о детях, а не о сексуальном наслаждении. Какой-то публицист, созвучный партийным чиновникам, сказал как припечатал: «Родине нужны солдаты, а не презервативы».

В НКВД считали иначе. Затеянная вместе с Наркоматом здравоохранения проверка выполнения постановления о запрещении абортов выявила удручающую картину. Если в 1935 году в стране насчитали 1,9 миллиона абортов (чем не косвенный показатель сексуализма), то после постановления 1936 года их число сначала резко снизилось, а потом неукротимо рвануло вверх: 1937 год – 570 тысяч, 1938 – 685 тысяч, 1939 – 755 тысяч[17]. Это были официально зарегистрированные аборты. А «подпольные», те, которые выявляло НКВД и за которые предусматривалась уголовная ответственность? По их сводкам тоже неуклонный рост.

Крик души некоего офицера Анисимова – телеграмма в Кремль. «Москва Кремль Верховный Совет Калинину [Во] время пребывания [в] отпуску [в] Кисловодске [моя] жена Анисимова имела сожительство [.] Результатом стала беременность [.] Имею семью двух взрослых детей [,] прожив 20 лет [.] Вследствие беременности Анисимова оставила семью [.] Прошу решения прервать беременность [,] возвратив [к] нормальной жизни семью 4 человека [.] После прервания Анисимова возвращается [в]

семью [.] Ваше решение шлите [:] Хабаровск [,] санитарное управление армии [,] Анисимову»[18].

Начальник секретно-политического отдела ГУГБ НКВД П. В. Федотов пристально вчитывался в заскорузлые строки канцелярской справки по абортам. А потом сумел в служебной записке передать всю драму вторжения в сексуальную жизнь запретительного правительственного постановления, жертвами которого становились сотни тысяч женщин. Упомянул при этом и секретное распоряжение Наркомздрава, которое предписывало изъятие из торговой сети противозачаточных средств. Глава НКВД Лаврентий Берия, сластолюбец по жизни, на федотовском «послании» с визой начальника управления начертал резолюцию: «Какие предложения?». Предложения последовали через день: обязать Баковский завод по производству противогазов освоить в дополнение к основной продукции производство презервативов. И Берия, с молчаливого одобрения Сталина, тогда сумел добиться в правительстве включения в план Наркомата химической промышленности выпуска нескольких миллионов презервативов ежегодно.

Скоро подмосковный Баковский завод резинотехнических изделий вслед за «Изделием № 1» (противогазы) освоил «Изделие № 2» (презервативы). Но несколько миллионов презервативов в год – капля в океане сексуальных контактов. Не мог один завод обеспечить весь секс в Советском Союзе. Танки в первую очередь, презервативы в последнюю. За танки и за любовь расплачивались женщины. Сначала сельские. Трудно до села доходили отечественные презервативы. Как выяснилось, опережали их электричество, радио и велосипед.

Часть 2
Апологеты новой сексуальности

Оазисы чувственности и интриг – московские салоны 20–30-х годов прошлого века

Вместе с Москвой рабочей, хозяйственной, партийной жила Москва театральная, музыкальная, пьющая, гулящая – Москва 20–30-х годов. В этой другой, необычной Москве властвовала богема: писатели, поэты, музыканты, актеры, художники. С ними находили вдохновение партийные вожди, наркомы, чекисты, военные и дипломаты, наши и иностранные. Дружить с ними было модно и престижно.

Центром этой красивой богемной жизни стали московские салоны. Там собиралась творческая и присоединившаяся к ней разночинная публика, там всегда можно было почувствовать настроения, узнать, кто что делает, кто с кем в каком конфликте, каких отношениях, кто кого оставил и кто с кем сошелся. Атмосфера там была шальная. Знакомства заводились быстро, симпатией проникались с первого взгляда, в первый же вечер определялись объекты сексуального поклонения. Оттуда по Москве расползались слухи, анекдоты, «ударные» словечки, манеры, стиль, мода. Самые известные московские салоны тех лет держались на привлекательности хозяек – Зинаиды Райх, Лили Брик и Евгении Фейгенберг-Хаютиной, жены тогдашнего наркома внутренних дел Николая Ежова, от упоминания которого знавшим его людям становилось тоскливо и страшно. А хозяйки на удивление были хороши: яркие брюнетки – Зина и Женя, и огненно-рыжая Лиля, все в общении легкие, все модные, сообразительные, и притом сексуально-одаренные.

Зинаида Райх, sex appeal

Зинаида Райх, жена Всеволода Мейерхольда, мэтра новаторской режиссуры, работала в его театре – Театре Мейерхольда. Этот театр он, по сути, бросил к ее ногам – из-за нее ушли великая Мария Бабанова, Эраст Гарин, Сергей Эйзенштейн. Но посредственная театральная актриса Зинаида Райх была великой женщиной. Сергей Есенин, первый ее муж, расстался с ней через два с половиной года, а продолжал любить до конца жизни, ненавидя ее. Не мог простить за тот обман, будто он у нее был первый. Оказалось, и Мейерхольд не последний. Сколько их, поклонников из элиты, вилось вокруг нее.

Человек из того времени, музыкант вахтанговского театра Борис Елагин, не скупился на подробности[19]: «Райх была чрезвычайно интересной и обаятельной женщиной, обладавшей в очень большой степени тем необъяснимым драгоценным качеством, которое по-русски называется „поди сюда“, а на Западе известно под именем sex appeal. Всегда была она окружена большим кругом поклонников, многие из которых демонстрировали ей свои пылкие чувства в весьма откровенной форме.

Райх любила веселую и блестящую жизнь: вечеринки с танцами и рестораны с цыганами, ночные балы в московских театрах и банкеты в наркоматах. Любила туалеты из Парижа, Вены и Варшавы, котиковые и каракулевые шубы, французские духи, (стоившие тогда в Москве по 200 рублей за маленький флакон), пудру Коти и шелковые чулки… и любила поклонников. Нет никаких оснований утверждать, что она была верной женой В. Э. (Мейерхольда. – *Э. М.*), – скорее есть данные думать совершенно противоположное. Так же трудно допустить, что она осталась не запутанной в сети лубянской агентуры… Общительная и остроумная (у нее был живой и острый ум) Райх была неизменно притягательным центром общества. И привлекательность и очарование хозяйки умело использовали лубянские начальники, сделав из мейерхольдовской резиденции модный московский салон с иностранцами».

К созданию такого салона приложил руку Яков Саулович Агранов, начальник секретно-политического отдела ОГПУ, впоследствии заместитель наркома внутренних дел. Всеволод Мейерхольд в письме драматургу Николаю Эрдману называет состав художественного совета своего театра. И в этом совете – Агранов, имя которого упоминается с большим уважением. Дружили они, Мейерхольд и Агранов. У них был свой круг

общения.

И вновь спешу к свидетельству современника[20]:

«…Московская четырехкомнатная квартира В. Э. в Брюсовом переулке стала одним из самых шумных и модных салонов столицы, где на еженедельных вечеринках встречалась элита советского художественного и литературного мира с представителями правительственных и партийных кругов. Здесь можно было встретить Книппер-Чехову и Москвина, Маяковского и Сельвинского, знаменитых балерин и певцов из Большого театра, виднейших московских музыкантов так же, как и большевистских вождей всех рангов, за исключением, конечно, самого высшего. Луначарский, Карахан, Семашко, Енукидзе, Красин, Раскольников, командиры Красной Армии с двумя, тремя и четырьмя ромбами в петлицах, самые главные чекисты – Ягода, Прокофьев, Агранов и другие – все бывали гостями на вечеринках у Всеволода Эмильевича. Веселые собрания устраивались на широкую ногу. Столы ломились от бутылок и блюд с самыми изысканными дорогими закусками, какие только можно было достать в Москве. В торжественных случаях подавали приглашенные из „Метрополя“ официанты, приезжали цыгане из Арбатского подвала, и вечеринки затягивались до рассвета. В избранном обществе мейерхольдовских гостей можно было часто встретить „знатных иностранцев“ – корреспондентов западных газет, писателей, режиссеров, музыкантов, наезжавших в Москву в середине и в конце 20-х годов.

Атмосфера царила весьма непринужденная, слегка фривольная, с густым налетом богемы, вполне в московском стиле времен нэпа. Заслуженные большевики, командиры и чекисты ухаживали за балеринами, а в конце вечеров – и за цыганками, иностранные корреспонденты и писатели закусывали водку зернистой икрой и вносили восторженные записи в свои блокноты о блестящем процветании нового коммунистического общества, пытаясь вызывать на разговор „по душам“ кремлевских комиссаров и лубянских джентльменов с четырьмя ромбами на малиновых петлицах. Тут же плелись сети шпионажа и политических интриг.

Сейчас может создаться впечатление, что квартира Мейерхольда была выбрана руководителями советской тайной полиции в качестве одного из удобных мест, где с помощью всевозможных приятных средств, развязывающих языки и делающих податливыми самых осторожных и осмотрительных людей, можно было с большим успехом „ловить рыбку в мутной воде“.

Но только ли инициатива Лубянки была в этом шумном,

суетном образе жизни В. Э.? Был ли это приказ по партийной линии знаменитому режиссеру, в течение всей первой половины своей биографии отличавшемуся исключительной скромностью и сдержанностью во всем, что касалось его личной жизни? К сожалению, это было не так. Советско-светский салон под сенью ГПУ вошел в быт Мейерхольда лишь как следствие. Причиной же этой разительной перемены в его жизни, так же как и перемены в нем самом, была его вторая жена Зинаида Райх…»

Кончила Райх плохо. После ареста Мейерхольда, обвиненного в сотрудничестве с право-троцкистской организацией и во враждебной театральной деятельности, спустя два месяца, 14 июля 1939 года, ее зверски убили в той же четырехкомнатной квартире в Брюсовом переулке, где столь недавно славно шумели «салонные» страсти. 17 ножевых ударов – бедная женщина! Еще был жив Мейерхольд – его расстреляют 28 января 1940 года. Но уже не было Маяковского, Раскольникова, Ягоды, Агранова, Енукидзе, Красина и многих других завсегдатаев ее дома. Она уходила последней. Кончился салон.

Не исключаю, что Райх в каких-то случаях помогала Лубянке. Впрочем, так же, как Лиля Брик, хозяйка другого салона, человек, дорогой Маяковскому.

Лиля Брик, тоже sex appeal

У Маяковского, на Таганке, встречали новый 1930 год. Журналист-историк В. Скорятин достаточно полно воспроизводит то застолье, которое было так похоже на множество других в салоне Маяковского – Брик: «Сыпались остроты. Сочинялись стихотворные экспромты. На стенах пестрели шутливые лозунги… Собралось немало гостей: Асеевы, Каменский, Мейерхольд, Штернберги, Шкловский, Кассиль, Лавут, Полонская, Яншин… Среди этих давних знакомых был и Я. Агранов»[21].

Опять Агранов, свой в среде писателей, режиссеров, актеров. Его и звали там просто и мило – «Янечка», «Аграныч». Его не тяготились, зная, где он работает, его охотно принимали. И общением с ним дорожили.

Конечно, к Лиле Брик шли не на Агранова, а на Маяковского, на нее саму, на ее именитых гостей. Только муж ее, Осип Брик, оставался в тени. Так и жили одной семьей в одной квартире в доме 13/15 по Гендрикову переулку – Маяковский, Лиля и Осип. Она даже условие поставила: «Всегда ночевать дома, независимо от других отношений. Утро и вечер должны принадлежать нам, чтобы ни происходило днем».

История отношений и любви большого поэта современности Владимира Маяковского и Лили Брик увековечена в десятках повествований и воспоминаний. И во всех эта трагически неразрешимая любовь заканчивается самоубийством поэта. Хотя стрелялся он из-за Вероники Полонской, мхатовской красавицы, за этим выстрелом незримо стояла тень Лили Брик. В предсмертном письме крик, обращенный к ней: «Лиля – люби меня!»

Она, конечно, поклонялась ему как гению стиха и любила по-своему. Но и ее любили многие. Свою женскую силу она почувствовала еще девочкой, с того момента, когда Шаляпин, увидев ее с сестрой на Тверском бульваре, раскатисто-вальяжно протрубил: «Боже, какие прелестные создания!» Рыжая, большеглазая, она, дочь известного московского юриста Юрия Кагана, забеременела в шестнадцать. По тем временам – это было вызывающе сильно. Перепуганные родители сделали все, что нужно, но детей она уже не могла иметь. И это делало ее свободной для секса как никогда. С того времени в ее жизни один роман спешил сменить другой. Лишенная всяких предрассудков и условностей, интеллектуально раскрепощенная, манящая какой-то тайной, деликатная и воспитанная, легко болтающая на

немецком и французском, – она сводила с ума. Восхитительно одевалась и замечательно пахла, – по воспоминаниям любовников. Ее откровенное кредо: можно любить кого угодно, когда и где угодно, но без уз! Вот чего не мог понять Маяковский: без уз!

А вот другое, сказанное ею: «Надо внушить мужчине, что он замечательный, или даже гениальный, но что другие этого не понимают. И разрешать ему то, что не разрешают ему дома. Например, курить или ездить куда вздумается. Ну, а остальное сделают хорошая обувь и шелковое белье». Это ее техника обольщения.

Но такая она вызывала ревнивое раздражение. У той же Анны Ахматовой, которая о ней: «Лицо несвежее, волосы крашеные, и на истасканном лице – наглые глаза». Но муж Ахматовой – Николай Пунин Лилиной постели не избежал.

Пожалуй, Лилин поэтический вкус был безупречен. Для Маяковского в поэзии она высший судия. Впрочем, как и для других пишущих, ставших потом известными. К ней и тянулись. Когда Лиля со своими мужчинами въехала в новую квартиру в Гендриковом переулке – заслуга Маяковского, – она там оборудовала уютную гостиную-столовую. И каждую неделю в ней заседала редколлегия журнала «ЛЕФ» («Левый фронт искусств»), потом «Новый ЛЕФ», которую возглавлял Маяковский. Редакционные посиделки быстро переросли себя. Уже собиралась публика разная, но талантами меченая. Слава богу, для истории оставил свидетельства Василий Катанян, ставший, по его словам, душеприказчиком Лили Юрьевны: «Народу бывало много всегда. Все трое притягивали к себе людей, это был „литературный салон“, выражаясь языком прошлого или настоящего. Но в двадцатые годы, в борьбе за новый быт и новые отношения, слово „салон“ презирали, и это был просто „дом Бриков и Маяковского“, где собирался литературно-артистический люд, где поэты читали только что написанные стихи, где хозяйкой салона… была Л. Ю. (Лиля Юрьевна. – *Э. М.*), а главной фигурой, разумеется, Маяковский… Самая большая комната в квартире была всего четырнадцать метров, и непонятно, как в нее набивалось огромное количество народу в дни, когда поэт читал новые стихи. Правда, круг людей, которые посещали их квартиру, постоянно менялся в силу всевозможных дел, связывавших хозяев с нужными людьми. Сегодня искусствовед Николай Пунин, завтра журналист Михаил Кольцов или кинорежиссер Борис Барнет, американский писатель Синклер или актеры японского традиционного театра „Кабуки“… А просто хорошие приятели, портнихи, врачи, родные или приезжие?»[22].

Чекисты бывали там не забытыми гостями. И вниманием пользовались. Как уже упоминавшийся Агранов, как Горожанин, весьма культурный и образованный спецпрофессионал, как резидент советской разведки в Париже Волович по приездам в Москву, и другие, не менее значимые фигуры ОГПУ. Люди из разведки больше общались, отдыхали душой, а принадлежавшие к секретно-политической службе, Агранов прежде всего, – впитывали разговоры и мнения. Это уже для аналитических докладов о настроениях интеллигенции.

Многие догадывались об этом, но не терзались присутствием чекистов. Собеседники они были интересные. Уж никак не глядящие исподлобья и не взвешивающие каждое слово. И за каждым дела, окутанные тайной. Поэтому, с почтением к ним. Поэтому и слетело в момент вдохновения из уст Эдуарда Багрицкого: «Механики, чекисты, рыбоводы, я ваш товарищ, мы одной породы…» А Бабель, тот вообще собирался писать роман о чекистах. Правда, стоило это ему потом головы. Удивительно, но все поэты и литераторы, дела которых вел Агранов, – Клюев, Ганин, Мандельштам, Васильев, – никогда не переступали порог этого салона, о котором Лидия Чуковская язвительно скажет: «Салон, где писатели встречались с чекистами».

Но в центре Лиля, привечавшая таланты, избиравшая себе любовников. Наблюдая занятную ситуацию, поощрительно кивал Агранов. Нет, он в любовниках не числился. В друзьях, да. Семейный друг, душевный. Но любовные интриги почитал. Сколько их было у Лили? Самые яркие, оставившие след, – с кинорежиссером Кулешовым, с главой Дальневосточной республики Краснощековым, с чекистом Горожаниным.

Лев Кулешов, красавец на американский лад, мэтр советской кинорежиссуры, как и Маяковский, был ярым фетишистом, что Лиля Юрьевна находила очень забавным. Если у Маяковского фетиш эротизма – черные чулки, держащие образ в его любовной лирике, у Кулешова – женские ноги и собаки. Изображением и тех и других он перебивал киношные сюжеты. Известная актриса и через семьдесят лет вздрогнула, вспомнив кулешовский вопль на съемочной площадке: «Подтяните чулки! Если хотите сниматься в кино, купите себе новые подвязки!» Кулешов «запал» на Лилины ноги, и загорелся роман, бурный и нескрываемый. Пораженная жена Кулешова чуть не полезла в петлю, на что Лиля изрекла: «Бабушкины нравы». Вот такие салонные страсти терпел Маяковский.

Лиля Брик сама становилась фетишем для своих любовников, волнующим не только аурой тела, но и осязаемостью вещичек, что были на ней. Советское производство не успевало за ее

вещественными желаниями, и Запад был свет в окне. Маяковскому, отправляющемуся в деловую поездку в Берлин и Париж, она педантично перечисляет то, что он должен купить для нее, что должно быть на женщине ее круга.

«В Берлине:

Вязаный костюм № 44 темно-синий (не через голову). К нему шерстяной шарф на шею и джемпер, носить с галстуком.

Чулки – очень тонкие, не слишком светлые (по образцу)…

Синий и красный люстрин.

В Париже:

2 забавных шерстяных платья из очень мягкой материи.

Одно очень элегантное, эксцентричное из креп-жоржета на чехле. Хорошо бы цветастое, пестрое. Лучше бы с длинным рукавом, но можно и голое. Для встречи Нового года.

Чулки. Бусы (если еще носят, то голубые). Перчатки.

Очень модные мелочи. Носовые платки.

Сумку (можно в Берлине дешевую, в K.D.W. (известный большой универмаг. – Э. М.).

Духи: Rue de la Paix, Mon Boudoir и что Эля скажет (сестра Лили Брик – Эльза Триоле, известная в те годы писательница, которая жила в Париже. – Э. М.*). Побольше и разных. 2 кор. пудры Arax. Карандаши Brun для глаз, карандаши Haubigant для глаз».*

Ну и, конечно, автомобиль. Маяковский, которому удалось заключить договор на сценарий для Рене Клера и получить предварительный гонорар, купил ей «Рено». Светло-серый, с черными крыльями. Тот, что она хотела: «Машина лучше закрытая – conduite interiere – со всеми запасными частями, с двумя запасными колесами, сзади чемодан». И к ней – «игрушку для заднего окошка, часы с заводом на неделю, автомобильные перчатки, всякую мелкую автомобильную одежу». Она быстро освоила вождение. И в 1929 году считалась в Москве второй женщиной за рулем. Первая была жена французского посла.

Элегантная одежда, макияж, автомобиль – все у Лили было. Денег для любимой женщины Маяковский не жалел. Она и не тяготилась ролью содержанки. Его Лиля, любимая многими, задавала жизненный стандарт потребления для советской элиты. Она провоцировала ее на обладание вещами и демонстрировала собой образ желаемой женщины, к которому нужно стремиться.

Впрочем, как и Зинаида Райх. И это находило отзвук. Не только у Агранова, у его красавицы-жены, но и у деятелей более высшего уровня, и, конечно, их жен. Речь не о Генрихе Ягоде, наркоме внутренних дел, любителе жизни, а, допустим, о жене Молотова, второго человека во власти, – Полине Жемчужиной, эффектно выглядевшей, но и много сделавшей для производства женских «маленьких радостей» в Советском Союзе.

Агранов действительно был своим в салоне Маяковского и Лили Брик. И когда случилась трагедия, – застрелился поэт, – Агранов не исчез из окружения Лили. Более того, он замыслил «литературную операцию», чтобы имя Маяковского вошло в революционную историю страны, а его поэзия «работала» на новое мировоззрение граждан. Главные лица в этой операции – Лиля Брик и Сталин. В ноябре 1935 года после долгого разговора с Аграновым, Лиля пишет вождю.

> *«После смерти Маяковского все дела, связанные с изданием его стихов и увековечиванием его памяти, сосредоточились у меня.*
>
> *…*
>
> *Прошло почти шесть лет со дня смерти Маяковского, и он еще никем не заменен, и как был, так и остался крупнейшим поэтом революции. Но далеко не все это понимают. Скоро шесть лет со дня смерти, а Полное собрание сочинений вышло только наполовину, и то в количестве 10 000 экземпляров.*
>
> *Уже больше года ведутся разговоры об однотомнике.*
>
> *Материал давно сдан, а книга даже еще не собрана.*
>
> *Детские книги не переиздаются совсем.*
>
> *Книг Маяковского в магазинах нет. Купить их невозможно.*
>
> *После смерти Маяковского в постановлении правительства было предложено организовать кабинет Маяковского при Комакадемии, где должны были быть сосредоточены все материалы и рукописи. До сих пор этого кабинета нет.*
>
> *…*
>
> *Года три тому назад райсовет Пролетарского района предложил мне восстановить последнюю квартиру Маяковского и при ней организовать районную библиотеку имени Маяковского.*
>
> *Через некоторое время мне сообщили, что Московский совет отказал в деньгах, а деньги требовались очень небольшие.*

…

Неоднократно поднимался разговор о переименовании Триумфальной площади в Москве и Надеждинской улицы в Ленинграде в площадь и улицу Маяковского, но и это не осуществлено.

Это основное. Не говоря о ряде мелких фактов, как, например: по распоряжению Наркомпроса из учебников по современной литературе на 1935 год выкинули поэмы „Ленин“ и „Хорошо!“. О них не упоминается.

Все это вместе взятое указывает на то, что наши учреждения не понимают огромного значения Маяковского – его агитационной роли, его революционной актуальности.

Недооценивают тот исключительный интерес, который имеется к нему у комсомольской и советской молодежи.

Поэтому его так мало и медленно печатают, вместо того чтобы печатать его избранные стихи в сотнях тысяч экземпляров.

Поэтому не заботятся о том, чтобы – пока они не затеряны – собрать все относящиеся к нему материалы.

Не думают о том, чтобы сохранить память о нем для подрастающего поколения.

Я одна не могу преодолеть эти бюрократические незаинтересованности и сопротивление – и после шести лет работы обращаюсь к Вам, так как не вижу иного способа реализовать огромное революционное наследие Маяковского. Л. Брик».

Кажется, будто Агранов водил ее рукой. А потом письмо передали в секретариат Сталина, и Агранов поспособствовал, чтобы оно поскорее оказалось на столе у адресата. Реакция последовала незамедлительная. Сталин начертал программную резолюцию, круто изменившую посмертную судьбу Маяковского: «Ежову!.. очень прошу… обратить внимание на письмо Брик. Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Безразличие к его памяти и его произведениям – преступление… Свяжитесь с ней (Брик)… Сделайте, пожалуйста, все, что упущено нами. Если моя помощь понадобится, я готов». В начале декабря слова Сталина из этой резолюции опубликовала «Правда». Страна услышала сталинскую оценку поэта.

И Маяковский «зазвенел»: его стихи заговорили миллионными тиражами, их «ввели» в школьные программы, ему

посвящали литературоведческие исследования. Скоро он стал одним из символов советской эпохи, притягательным для того поколения молодых: «…Читайте, завидуйте! Я – гражданин Советского Союза!»

Со временем публика совсем забыла, а ей и не напоминали, что был и другой Маяковский – певец всепоглощающей страсти. Иногда от тоскливой безысходности, когда Лиля с Осипом занимались любовью, а его, Володю Маяковского, «брутального» мужчину, запирали на кухне. «Он рвался, хотел к нам, царапался в дверь и плакал», – на склоне лет исповедовалась Лиля Юрьевна. Не тогда ли, от бессилия за дверью, выплеснула истерзанная душа:

Если вдруг подкрасться к двери спаленной,
Перекрестить над вами стеганье одеялово,
Знаю —
  Запахнет шерстью паленой,
И серой издымится мясо дьявола.

Сексуальная тоска гнала его порой из Москвы, туда, на Запад, в Европу, в Америку. И там накатывалось неудержимое:

Нам смешны дозволенного зоны.
Взвод мужей,
  Остолбеней,
    Цинизмом поражен!
Мы целуем
  – беззаконно! —
    над Гудзоном
ваших длинноногих жен.

Все же остался верен Владимир Владимирович классовому чутью, даже в свободной любви.

Но Агранов, втянув Лилю в процесс увековечивания памяти Маяковского, по сути, спас ее от ареста в 1936 году. Вот, что этому предшествовало.

После смерти поэта Лиля скоро сошлась с красным комбригом Виталием Марковичем Примаковым, нередко посещавшим еще их с Володей вечера. Он был крупный военный, и для Лили это оказалась интересная партия. В начале 30-х он обзавелся кооперативной квартирой на Арбате – просторной, в несколько комнат. И Лиля с Осипом (опять с Осипом), покинув Гендриков переулок, переехали к нему. Так и жили втроем –

только вместо Володи Маяковского теперь уже Виталий Маркович.

Салонная жизнь продолжалась. Появились новые действующие лица – друзья Примакова, герои Гражданской войны. Тухачевский, Егоров, Уборевич, Якир… Новый 1937 год встречали большой компанией. Лиля придумала маскарад. Тухачевский нарядился бродячим музыкантом и играл на скрипке. Он ведь и неплохой скрипичный мастер был. Примаков выступал как мушкетер, Якир – под личиной короля треф. А Лиля – русалка, распущенные рыжие волосы, ночная рубашка с пришитыми картонными рыбками. На фотографии, оставшейся с того памятного вечера, они живописны, улыбаются, пенится шампанское в бокалах… Веселая новогодняя ночь. Для большинства – последняя. Чувствовали они, что их ждет? В чем грешны были, по мнению властителя?

Ну, конечно, разговоры о безграмотном Ворошилове, туповатом Буденном, о сомнительной политике Сталина, об убийстве Кирова, об этих троцкистско-зиновьевских блоках и начавшихся судебных процессах. В выражениях не стеснялись. Язвительно интеллигентных, но от того еще более разящих. Они-то и выпархивали за пределы этого арбатского салона.

Все участники того новогоднего вечера из военных были арестованы в наступившем году и проходили по делу о так называемом военно-фашистском заговоре. Ежовское НКВД слепило заговор военных достаточно споро, суд оказался еще более скорый. И в июне 1937 года их расстреляли: Лилиного гражданского мужа Примакова, Тухачевского, Якира, Уборевича, Егорова, Корка, Путну, Эйдемана, Фельдмана.

Лилю не тронули. Формально она не была женой Примакова. Правда, это вряд ли остановило бы НКВД. Здесь иное. Аресты продолжались. Подручные Ежова готовили списки новых кандидатов на репрессии, а тот показывал Сталину. Однажды в ряду имен деятелей культуры, а Лиля проходила в НКВД по этой категории, Сталин увидел и ее фамилию. Вычеркнул:

– Не будем трогать жену Маяковского.

Спасибо Агранову. Ведь это он намертво связал ее с именем поэта. И эта связь так весомо прозвучала два года назад в письме вождю. Он и читал его как обращение законной жены.

Михаил Кольцов, главный редактор «Огонька», известный советский журналист, арестованный НКВД, в своих показаниях на допросе 31 мая 1939 года ломает образ Лили Брик, созданный Аграновым: «Брик, Лили Юрьевна, являлась с 1918 года фактической женой В. Маяковского и руководительницей литературной группы „Леф“. Состоящий при ней ее формальный

муж Брик Осип Максимович – лицо политически сомнительное, в прошлом, кажется, буржуазный адвокат, ныне занимается мелкими литературными работами. Л. и О. Брики влияли на Маяковского и других литераторов-лефовцев в сторону обособления от остальной литературной среды и усиления элемента формализма в их творчестве. Дом Бриков являлся ряд лет центром формализма в искусстве (живописи, театра, кино, литературы). После смерти Маяковского в 1930 г. группа лефовцев, уже ранее расколовшаяся, окончательно распалась. Супруги Брики приложили большие усилия к тому, чтобы закрепить за собой редакторство сочинений Маяковского, и удерживали его в течение восьми лет. Хотя выпуск сочинений затормозился, но Брики предпочитали не привлекать посторонней помощи, так как это повредило бы их материальным интересам и литературному влиянию. Брики крайне презрительно относились к современной советской литературе и всегда яростно ее критиковали. В отношении Маяковского Л. Ю. и О. М. Брики около двадцати лет (при жизни и после смерти его) являлись паразитами, полностью базируя на нем свое материальное и социальное положение…[…] Записано с моих слов верно, мною прочитано в чем и расписуюсь (М. Кольцов). Допросил: Ст. следов. следчасти ГУГБ лейт. гос. без. (Кузьминов)».

Через девять месяцев после того, как был расстрелян Агранов, лейтенант Кузьминов принес руководству откровения Кольцова о писателях и деятелях искусства, в которых были слова и о семействе Брик. Их не тронули. Защитная линия для Бриков, возведенная Аграновым в виде резолюции Сталина на письме Лили, выдержала и этот поздний натиск НКВД. Умел он все-таки беречь своих агентов.

Лиля Брик дожила до 86 лет и скончалась 4 августа 1978 года, наглотавшись таблеток намбутала. Незадолго до этого она сломала бедро, и вынести наступившую неподвижность никак не могла.

О ней в мемуарной литературе характеристики россыпью. Но вот как о хозяйке салона чрезвычайно редко. Тем ценнее свидетельство Леонида Зорина, журналиста-международника, увидевшего ее на исходе лет: «Лиля Юрьевна была яркой женщиной. Она никогда не была красива, но неизменно была желанна. Ее греховность была ей к лицу, ее несомненная авантюрность сообщала ей терпкое обаяние; добавьте острый и цепкий ум, вряд ли глубокий, но звонкий, блестящий, ум современной мадам Рекамье, делающей ее центром беседы, естественной королевой салона; добавьте ее агрессивную

женственность, властную тигриную хватку – то, что мое, то мое, а что ваше, то еще подлежит переделу, – но все это вместе с широтою натуры, с демонстративным антимещанством – нетрудно понять ее привлекательность».

Евгения Ежова, «рубенсовская» sex appeal

Еще одна хозяйка салона, совратившая многие творческие натуры – Евгения Хаютина, жена наркома внутренних дел Николая Ивановича Ежова, палача партии, организатора массовых репрессий 1937 года. Она с ним познакомилась летом 30-го, когда он, еще незаметный чиновник из ЦК партии, отдыхал в Сочи. Ну, конечно, такая вызывающе красивая женщина не могла быть не замечена.

Девичья фамилия ее Фейгенберг, родом из Гомеля, из многодетной еврейской семьи. К моменту знакомства с Ежовым ей двадцать пять, и она имеет уже второго мужа. Первого познала в семнадцать, слесарь Хаютин подарил ей свою фамилию. Тогда она стучала на машинке в редакции одного одесского журнала. Девушка способная, хватавшая на лету, сумела понравиться директору московского издательства «Экономическая жизнь» Алексею Гладуну. Теперь он ее новый муж, и она уже в Москве. Гладуна скоро двинули на дипломатическое поприще, и Евгения оказалась с ним в Лондоне. Должность у нее невидная – машинистка в полпредстве, но в Лондоне. А потом был Берлин, тоже полпредство, и та же работа. Мужа отозвали в Москву, а она осталась. Она нужна, у нее получается – чисто печатает, недурственно редактирует, и все мужчины-дипломаты в нее влюблены.

И тут в Берлин приезжает Исаак Бабель – звезда новой советской литературы, обаятельный и влюбчивый. Вот что он сам написал у следователя на допросе в НКВД, когда его арестовали в 1939 году, якобы за изменническую, антисоветскую деятельность:

«С Евгенией Ежовой, которая тогда называлась Гладун, я познакомился в 1927 году в Берлине, где останавливался проездом в Париж. Гладун работала машинистской в торгпредстве СССР в Германии. В первый же день приезда я зашел в торгпредство, где встретил Ионова, знакомого мне еще по Москве. Ионов пригласил меня вечером зайти к нему на квартиру. Там я познакомился с Гладун, которая, как я помню, встретила меня словами: „Вы меня не знаете, но вас я хорошо знаю. Видела вас как-то раз на встрече Нового года в московском ресторане“. Вечеринка у Ионова сопровождалась изрядной выпивкой, после которой я пригласил Гладун покататься по городу в такси. Гладун охотно согласилась. В машине я убедил ее зайти ко мне в гостиницу. В этих меблированных комнатах произошло мое сближение с Гладун, после чего я продолжал с ней интимную связь вплоть до дня своего отъезда из Берлина».

Каков стиль, ведь пишет под надзором следователя.

Но вернемся к Ежову. Сочинское знакомство не дает ему покоя. Он постоянно думает об этой женщине, с таким приятным именем Евгения. И однажды дарит ей перстень – золотой, старинной работы. И объясняется в любви. А она уже давно все решила, и без промедления уходит от Гладуна. Теперь у нее новый муж – Ежов. И он к тому времени нарком земледелия. Через несколько лет у него новый карьерный взлет. Его назначают наркомом внутренних дел. Сталин наставляет его – главное сейчас очистить страну от остатков троцкистско-зиновьевских почитателей, от правых во главе с Бухариным, от бывших царских офицеров, бывшей буржуазной интеллигенции, от остатков меньшевистских и эсэровских партий – от всех тех, с кем не справился его незадачливый предшественник Ягода.

У Ежова начинаются горячие дни, но и Евгения не в праздной лености. Она теперь заместитель ответственного редактора популярного журнала, придуманного Максимом Горьким, – «СССР на стройке». И ведь получается. У нее, а по сути, у журнала, интересные авторы – известные писатели и журналисты. Она горазда придумывать затейливые журналистские ходы и сюжеты. В редакции она лидер – жизнерадостная, обаятельная, яркая. С ней ищут встреч и разговоров, стремятся попасть на глаза, атакуют идеями и проблемами.

А вне журнала у нее такая же яркая жизнь. Женя – свой человек в богемной среде. Писатели, артисты, художники, издатели с ней хотят общаться не только из-за того, что она жена всесильного Ежова, тем более многие ее знают еще до последнего замужества. Она сама по себе интересна, умна, весела и сексуально привлекательна. Украшение этого круга. Сын академика Отто Шмидта, Сигурд Шмидт, видевший ее тогда, и через 60 с лишним лет не мог скрыть восхищения, говоря о ней: эффектная, холеная дама, очень обаятельная, напоминавшая рубенсовскую Елену Фоурман, «такой особо красивый цвет лица, бронзовые волосы – все это производило впечатление, особенно рядом с таким сморчком, каким был Николай Иванович Ежов».

Все чаще у нее дома собирается хорошая компания, иногда у ее подруги Гликиной. С ней она дружна еще с Гомеля, учились вместе, и секретов друг от друга нет. Гликина – секретарь иностранной комиссии Союза писателей. Тоже заводная женщина, не лишенная сексуальной отзывчивости.

Вот так и возник этот салон Ежовой – Гликиной. Достойные люди собирались. Уже известный нам Исаак Бабель, автор нашумевшей «Конармии» и одесских рассказов. И здесь же аристократ, бывший морской офицер императорского флота

Леонид Соболев, чей роман «Капитальный ремонт» нравился Сталину. Писатель Иван Катаев, однофамилец более знаменитого Валентина Катаева. Самуил Маршак, уже тогда популярный. Ну, и Михаил Шолохов, создатель бессмертного «Тихого Дона». В компании с ними главный редактор «Огонька», известный журналист Михаил Кольцов, прославившийся своими репортажами с фронтов гражданской войны в Испании. Здесь же ученый и полярник Отто Юльевич Шмидт, крупные издатели братья Семен и Владимир Урицкие. И первый красавец, тогдашний член редколлегии «Правды» Алексей Назаров, внешне так похожий на популярного тогда актера Столярова. И Леня Утесов, модный певец и актер. И еще не счесть многих ярких лиц. Все они сбегались на огонек Жени Ежовой, либо в московскую квартиру, либо на дачу. Иногда к Гликиной. Все зависело от того, где был сам Ежов. С ним не хотелось общаться.

Сбежавшись, веселились от души. У наркома стол хорош и всегда накрыт: водка, коньяк, икра, балык. Женя, очаровательная Женя, за роялем. Пела проникновенно. Тут уж все отвлекались от разговоров и поддерживали. А когда начинались танцы под патефон, жаждали ее. Ту, которая от мужского прикосновения буквально плавилась, растворялась в партнере. Качество, повергавшее в дрожь мужскую половину. Бабелю, Кольцову, Шолохову дозволялось идти дальше… Они ей все нравились, но особенно Шолохов, который скажет спустя двадцать лет: «Не за узкие брюки нас девки любили», поведя взглядом вниз.

Уже в феврале 1938 года она почувствовала приближение несчастья. Пошли аресты. Арестовали ее второго мужа Гладуна, потом первого – Хаютина, затем брата – Илью Фейгенберга. И уже давно арестован главный редактор ее журнала Межлаук. Она сама уже фигурирует в показаниях известных и близких ей людей. Еще пытается продлить эту ускользающую жизнь и лихорадочно пишет мужу: «Колюшенька! Очень прошу… настаиваю проверить всю мою жизнь, всю меня… Я не могу примириться с мыслью, что меня подозревают в двурушничестве, в каких-то несодеянных преступлениях».

Но время Колюши на посту наркома внутренних дел сочтено. За полтора года он выполнил кровавое расстрельное поручение, провел процессы над Бухариным и Рыковым, над маршалами и генералами. И теперь по воле вождя должен уйти из этой жизни. Нарком, набивший руку на массовых репрессиях, превратился в политического уголовника. Опустившегося, без стакана водки трудно соображающего, его отстраняют от большей части дел в НКВД, и делают по совместительству наркомом водного транспорта. Оттуда ему дорога в тюремную камеру.

А Женя Ежова в мае 1938 года неожиданно увольняется из журнала. Мечется, ищет выход из ловушки, что подставила жизнь. Настроение скачет, то днями полное безразличие ко всему, то всплеск какой-то истеричной надежды и активности. Пытается говорить с известными и недавно близкими людьми. Ищет поддержку, хотя бы словесную. Не получается. Уходят от встреч под разными предлогами.

И тут в Москву приезжает Шолохов, старый добрый приятель. И по журналу, и по салону. Она бежит к нему в «Националь». Номер такой уютный и надежный, с видом на Кремль.

– Миша, что делать?! Чем это кончится?!

Шолохов тоже переживает не лучшие времена. Ждет встречи со Сталиным, чтобы рассказать о бесчинствах ростовских чекистов, о настроении донских казаков. Миша – верный человек, не отворачивается от женщины, с которой не однажды было хорошо, которая нравится. Настраивается на ее страхи, на ее боль.

Женя, милая Женя! Большущие глаза, сбивающийся голос, всклоченная челка. Как она хороша в горе! Вновь вспыхивает то, что знакомо только им…

Своим надзирающим бесстыдным взглядом запечатлела спецслужба НКВД эту встречу. Вот рапорт наркому внутренних дел, комиссару государственной безопасности первого ранга Берии от заместителя начальника первого отделения 2-го спецотдела НКВД лейтенанта госбезопасности Кузьмина.

> *«Согласно вашего приказания о контроле по литеру „Н“ (гостиница „Националь“. – Э. М.) писателя Шолохова доношу: в последних числах мая поступило задание о взятии на контроль прибывшего в Москву Шолохова, который… остановился в гостинице „Националь“ в 215 номере… Примерно в середине августа Шолохов снова прибыл в Москву и остановился в той же гостинице. Так как было приказание в свободное от работы время включаться самостоятельно в номера гостиницы и при наличии интересного разговора принимать необходимые меры, стенографистка Королева включилась в номер Шолохова, и узнавши его по голосу, сообщила мне, нужно ли контролировать. Я сейчас же об этом доложил Алехину, который и распорядился продолжать контроль. Оценив инициативу Королевой, он распорядился премировать ее, о чем был составлен проект приказа. На второй день заступила на дежурство стенографистка Юревич, застенографировав пребывание жены тов. Ежова*

у Шолохова. Контроль за номером Шолохова продолжался еще свыше десяти дней, вплоть до его отъезда, и во время контроля была зафиксирована интимная связь Шолохова с женой тов. Ежова».

А вот показания подруги Евгении – Зинаиды Гликиной, арестованной по обвинению в том, что якобы она, завербованная Ежовой, занималась с ней шпионажем в пользу иностранных разведок. Следователь просит Гликину самой написать показания о Ежове – все, что она знает о его вредительской деятельности. И Гликина на многих страницах излагает свои наблюдения, вмазывая в них свою подругу.

«…Не намерена, однако, представиться совершенно безгрешной и признаю себя виновной в том, что, будучи в курсе антипартийной деятельности Н. И. Ежова, я благодаря своим близким отношениям к жене Н. И. Ежова и лично к нему вследствие безграничной преданности им, скрывала все известное мне в этой части и никому об этом не сообщала. Теперь же, хотя и с опозданием, я считаю своим долгом довести до сведения следствия обо всем, что мне в этой части известно. Может возникнуть вопрос – что общего у меня с Ежовым? Откуда мне могут быть известны факты его разложения и разврата? Я объясню это.

Познакомилась я с Н. И. Ежовым…, когда он женился на Евгении Соломоновне Хаютиной. С Хаютиной же я знакома и находилась в приятельских отношениях издавна. Вместе с ней я училась в Гомеле, а затем часто встречалась в Ленинграде и с 1924 г. в Москве.

До начала 1935 г., несмотря на то что я нередко посещала квартиру Ежовых, отношения мои с Н. И. Ежовым были обычными. Затем между мной и Ежовым установились хорошие отношения. Этому способствовало то обстоятельство, что я в то время развелась со своим мужем… и Хаютина-Ежова предложила мне поселиться в их квартире. Таким образом, приятельские мои отношения с Хаютиной-Ежовой постепенно переносились и на Н. И. Ежова.

Моя исключительная близость с Хаютиной-Ежовой, частое посещение их квартиры дало мне возможность быть до деталей в курсе личного быта Ежова. В силу этого еще в период 1930–1934 гг. я знала, что Ежов систематически пьет и часто напивается до омерзительного состояния… Ежов не только

пьянствовал. Он наряду с этим невероятно развратничал и терял облик не только коммуниста, но и человека…

…Некоторые лица, в том числе и я, не имевшие никакого отношения к органам НКВД, осведомлялись от почти всегда пьяного Ежова о некоторых конспиративных методах работы Наркомвнудела… Ежов неоднократно рассказывал о существовании Лефортовской тюрьмы, что там бьют арестованных и что он лично также принимает в этом участие… Ежов в моем присутствии рассказывал также о технике приведения в исполнение приговоров в отношении осужденных к расстрелу… заявлял о своем личном участии в расстреле осужденных…

После назначения Л. П. Берии заместителем Наркома Внутренних Дел Союза ССР Н. И. Ежов начал почему-то волноваться и нервничать. Он стал еще сильнее пьянствовать и часто выезжал на работу только вечером. В разговоре со мной по поводу назначения Л. П. Берии Хаютина-Ежова заметила: „Берия очень властный человек, и вряд ли Николай Иванович с ним сработается…“

Являлась ли Хаютина-Ежова подобна Н. И. Ежову в разложении и разврате или было наоборот, но факт тот, что она не отставала от него…», – пишет Гликина, лучшая подруга Жени Ежовой.

А дальше еще откровеннее.

«Теперь хочу довести до сведения следствия о заслуживающем особого внимания обстоятельстве интимной связи Хаютиной-Ежовой с писателем Шолоховым. Весной 1938 г. Шолохов приезжал в Москву и по каким-то делам был на приеме у Ежова… После этого Ежов пригласил Шолохова к себе на дачу. Хаютина-Ежова тогда впервые познакомилась с Шолоховым, и он ей понравился (Гликина ошибается – Ежова познакомилась с Шолоховым раньше, где-то осенью 1937 года. – Э. М.). Хаютина-Ежова также вызвала у Шолохова особый интерес к себе… Летом 1938 г. Шолохов снова был в Москве. Он посетил Хаютину-Ежову в редакции журнала „СССР на стройке“, где она работала, под видом своего участия в выпуске номера, посвященного Красному казачеству (скорее всего это было в мае, в июне Ежова уже не работала в журнале. – Э. М.). После разрешения всех вопросов, связанных с выпуском номера журнала,

Шолохов не уходил из редакции и ждал, пока Хаютина-Ежова освободится от работы. Тогда он проводил ее домой. Из разговоров, происходивших между ними, явствовало, что Хаютина-Ежова нравится Шолохову как женщина. Однако особая интимная близость между ними установилась позже. Кстати сказать, Ежов был осведомлен от Хаютиной-Ежовой в том, что ей нравится Шолохов.

В августе 1938 г., когда Шолохов опять приехал в Москву, он вместе с писателем Фадеевым посетил Хаютину-Ежову в редакции журнала (вряд ли это было в редакции журнала, ибо с мая Ежова там уже не работала. – *Э. М.*). *В тот же день Хаютина-Ежова по приглашению Шолохова обедала с ним и Фадеевым в гостинице „Националь“.*

Возвратившись домой поздно вечером, Хаютина-Ежова застала Ежова, который очень интересовался, где и с кем она была. Узнав о том, что Хаютина-Ежова была у Шолохова в гостинице „Националь“, Ежов страшно возмутился. В связи с этим случаем мне стал известен один из секретных методов органов НКВД по наблюдению за интересующими его лицами. Я узнала о существовании, в частности в гостинице „Националь“, специальных аппаратов, посредством которых производится подслушивание разговоров между отдельными людьми, и что эти разговоры до мельчайших деталей фиксируются стенографистками.

Я расскажу сейчас, как все это произошло.

На следующий день после того, как Хаютина-Ежова обедала с Шолоховым в „Национале“, он снова был в редакции журнала и пригласил Хаютину-Ежову к себе в номер. Она согласилась, заведомо предчувствуя стремление Шолохова установить с ней половую связь.

Хаютина-Ежова пробыла у Шолохова в гостинице „Националь“ несколько часов… На другой день поздно ночью Хаютина-Ежова и я, будучи у них на даче, собирались уже было лечь спать. В это время приехал Ежов. Он задержал нас и пригласил поужинать с ним. Все сели за стол. Ежов ужинал и много пил, а мы только присутствовали как бы в качестве собеседников.

Далее события разыгрались следующим образом.

После ужина Ежов в состоянии заметного опьянения и нервозности встал из-за стола, вынул из портфеля какой-то документ на нескольких листах, обратившись к

Хаютиной-Ежовой, спросил: „Ты с Шолоховым жила?“ После отрицательного ее ответа Ежов с озлоблением бросил его в лицо Хаютиной-Ежовой, сказав при этом: „На, читай!“

Как только Хаютина-Ежова начала читать этот документ, она сразу же изменилась в лице, побледнела и стала сильно волноваться. Я поняла, что происходит что-то неладное, и… решила удалиться, оставив их наедине. Но в это время Ежов подскочил с Хаютиной-Ежовой, вырвал из ее рук документ, ударил ее этим документом по лицу и, обращаясь ко мне, сказал: „Не уходите, и вы почитайте!“ При этом Ежов бросил мне на стол этот документ, указывая, какие места читать.

Взяв в руки этот документ и частично ознакомившись с его содержанием, с таким, например, местом: „Тяжелая у нас с тобой любовь, Женя“, „уходит в ванную“, „целуются“, „ложатся“ и – „женский голос: – Я боюсь…“, я поняла, что этот документ является стенографической записью всего того, что происходило между Хаютиной-Ежовой и Шолоховым у него в номере и что это подслушивание организовано по указанию Ежова.

После этого Ежов окончательно вышел из себя, подскочил к стоявшей в то время у дивана Хаютиной-Ежовой и начал ее избивать кулаками в лицо, грудь и другие части тела. Лишь при моем вмешательстве Ежов прекратил побои, и я увела Хаютину-Ежову в другую комнату. Через несколько дней Хаютина-Ежова рассказала мне о том, что Ежов уничтожил указанную стенограмму.

В связи со всей этой историей Ежов был сильно озлоблен против Шолохова, и когда Шолохов пытался несколько раз попасть на прием к Ежову, то он его не принял. Спустя примерно месяца два с момента вскрытия обстоятельств установившейся между Хаютиной-Ежовой с Шолоховым интимной связи Ежов рассказывал мне о том, что Шолохов был на приеме у Л. П. Берии и жаловался на то, что он – Ежов – организовал за ним специальную слежку и что в результате разбирательством этого дела занимается лично И. В. Сталин. Тогда же Ежов старался убедить меня в том, что он никакого отношения не имеет к организации слежки за Шолоховым, и поносил его бранью…»

Не пожалела Гликина красок для Жени Ежовой. Хотя той уже

было все равно. В октябре того же 1938 года она легла в подмосковный санаторий. Диагноз как приговор – «астено-депрессивное состояние». 21 ноября Ежова скончалась. В акте о вскрытии тела записано: «Труп женщины 34 лет, среднего роста, правильного телосложения, хорошего питания… Смерть наступила в результате отравления люминалом».

Тогда Ежов еще не был арестован, а только передвинут в наркомы водного транспорта. Поэтому похоронили Евгению Соломоновну Ежову как жену наркома, на Донском кладбище в Москве. Несчастливо завершился ее салон.

А Ежов, арестованный в апреле 1939 года, даже в следственной тюрьме, избитый и сломленный, исходил ревностью к своей жене Евгении, уже ушедшей из жизни. На допросах он мстил ей. Мстил за ее любовников, за ее добрый женский нрав, за ее однажды пойманный взгляд, который будто говорил стеснительно и жалостливо: да, я знаю о твоей извращенной мужской неполноценности. И тогда он попросил у следователя бумагу и накатал показания на восемнадцати страницах, где описал свои любовные похождения и половые связи с подругами жены. При этом суетливо заметил, что она знала об этом, так же как он о ее любовных похождениях с писателями и журналистами, собиравшимися в его квартире.

И дальше он лепит то, что от него ждут: «Каждый из нас жил своей интимной жизнью, а связывали нас только общие шпионские дела». Что с нее уже взять? Она уже в могиле, поэтому угодим следствию, настаивающему на тезисе о совместном шпионстве. Ежов развивает его: второй муж ее – Гладун, конечно, английский агент, и она вышла за него по требованию английской разведки. А потом, став моей супругой, она и меня втянула в эту шпионскую сеть.

Эх, Женя, Женя. Каких только собак на нее мертвую не навешали! Все, что можно, что требует следствие. Она не ответит, ее уже не расстреляют.

Больше всего Ежов не мог ей простить Бабеля и Шолохова. Бабеля, которого он привечал в своем доме. Тот работал над романом о ЧК, и ему необходимо было понять внутренний мир чекистов. Общение с Ежовым и его коллегами – какой подарок для писателя на свободе. Но для Ежова Бабель – это любовник жены, выпытывающий у него подробности душевного состояния чекиста. И когда следователь с кровавой славой по фамилии Родос, по заданию Берии возводивший «„ежовское“ дело», потребовал назвать сообщников по антисоветской заговорщицкой организации, Ежов в числе первых назвал Бабеля.

– На основании моих личных наблюдений, я подозреваю, что

дело не обошлось без шпионских связей моей жены с Бабелем, с которым она знакома с 1925 года. И моя жена пыталась скрыть от меня эту шпионскую связь с Бабелем.

Бабеля арестовали 16 мая 1939 года.

Но с Шолоховым у Ежова не вышло. Ростовские чекисты получили ежовское указание разоблачить и ликвидировать Шолохова как врага народа. Разработали целую операцию. Некто инженер Погорелов из Новочеркасска должен был войти в доверие к Шолохову, пообщаться с ним, а потом заявить, что тот готовит восстание казаков на Дону. Так планировал в общих чертах операцию Каган, заместитель начальника Ростовского управления НКВД. Но не на того поставил, просчитался. Погорелов пришел к Шолохову и все рассказал: и как того арестуют, и как повезут, и как пристрелят по дороге. И Шолохов тут же садится писать письмо о проделках местных чекистов. А потом, не теряя времени, хитрым маршрутом на товарняке отправляется в Москву, чтобы через Поскребышева (помощник Сталина. – *Э. М.*) передать это письмо вождю. Вышло все удачно. В Москве ждал аудиенции несколько дней. Наконец пригласили. В кабинете Сталина уже находились Молотов, Ежов, Погорелов, секретарь Вешенского райкома партии Луговой и ростовские «энкавэдэшники», среди которых и изобретательный Каган.

Сталин вперил немигающий взгляд в Погорелова. Тот не смутился: «Я говорю правду. Вот у меня бумага, где Каган все изложил. Провокаторы они, товарищ Сталин!»

Каган бледен как простыня, лепечет: «Да, я писал».

А Сталин итожит: «Дорогой товарищ Шолохов, напрасно вы подумали, что мы поверили бы этим клеветникам».

А дальше жест истинно иезуитский. Подозвал Ежова.

– Ну, что, Николай Иванович, будем снимать с него кавказский поясок? – кивает на Шолохова.

Осклабился Ежов, да тут же смыл ухмылку. Тон Сталина не сулил хорошего.

– Выдающемуся русскому писателю Шолохову должны быть созданы хорошие условия для работы.

И Ежов понял: Шолохов ему не по зубам. А Сталин еще больше утвердился в мысли, что Ежова нужно убирать, он перешел грань и уже не соображает, что делает в своей преданности. И через несколько недель предложил назначить его наркомом водного транспорта по совместительству. Плавный вывод под расстрел начался. Время массовых репрессий кончилось, вернулась эпоха выборочных.

Но Женя Ежова ничего этого уже не ведала.

Герои и жертвы борьбы за женственность в большевистской России (20–30-е годы)

От середины двадцатых сексуальное напряжение в Советском Союзе становилось осязаемым. Его можно было пощупать. Новая экономическая политика и призывы Коллонтай к сексуальной свободе делали свое дело. Мода и косметика отчаянно «работали» на секс.

На юге сексуальный стиль диктовал Ростов. Казачки из станиц Волги и Дона, приехавшие учиться в этот южный загадочный город, попадали под его обаяние. Только что отошли короткие юбки, и открытие улицы – молодые женщины в обтягивающих и наглухо закрытых длинных платьях, белых с бегущими вдоль тела голубыми полосами. А от ворота до низу сплошная череда пуговиц, что держали это привлекательное одеяние. «Мужчинам – некогда» – так его окрестила улица. Женщинами в струящихся платьях, в ажурных чулках, со стрижкой под мальчика, с сочными южными губами, все равно залитыми помадой, терпко пахнущими – такими женщинами блистал Ростов. Зажиточными женщинами, порожденными новой экономической политикой.

Но пролетарки и крестьянки с казачками смотрели на них не с классовой ненавистью, а с завистью. Ненависть размягчали шелковые чулки, лакированные туфли, помада и пудра. Пролетарки и крестьянки тоже хотели этого. Рабочая девчонка с Путиловского завода в Ленинграде за модные туфли отдается без особых терзаний – всего за 40 рублей по курсу 1924 года. А шолоховская Лушка, двадцатипятилетняя казачка с хутора Гремячий Лог, заказывает из Новочеркасска не круглые, стягивающие икры резинки, а городские, с поясом, обшитые голубым. «Чужих, Макарушка, нету, – это она мужу, твердокаменному коммунисту. – Нынче чужой, а завтра, ежели захочу, мой будет».

А что в Москве? А в Москве толстовская Ольга Вячеславовна Зотова, та, что «гадюка», купеческая кровь, с красными вкусившая рубку Гражданской войны, однажды сбросила с себя мужские штиблеты и ситцевую серую кофту, и предстала перед сослуживцами Треста цветных металлов в черном шелковом платье и чулках телесного цвета, лакированных туфельках из московского ЦУМа, со стрижкой, блестевшей как мех. Сослуживцы остолбенели, а начальник молвил: «Ударная девочка». В новом обличье Зотова почувствовала себя так же

легко и свободно, как в годы Гражданской войны, когда не расставалась с боевым конем и кавалерийской шашкой.

В Ленинграде у молодых работниц популярны крепдешиновые платья, обтягивающие пальто, лакированные бежевые туфли-лодочки, шелковые чулки с яркой стрелкой, эффектный, кокетливый джемпер, пузырчатый чемоданчик вместо сумки. А у молодых рабочих – пиджак с «обхваткой» в талии, коротенькие брюки-дудочки с манжетами, клетчатые английские кепи с огромным прямоугольным козырьком, остроносые желтые ботинки, полосатые носки и кашне «а ля апаш»[23]. Такова была та мода – увертюра к сексу.

Но время менялось стремительно. Крылатый эрос сдавал позиции под натиском государственной машины, жаждущей крепкой семьи и роста деторождаемости. Наступили дни, когда эрос уже не рвался, а перестраивал ряды под напором новых обстоятельств – коллективизации и индустриализации. Страна, ведомая большевиками, отбросив мелкое крестьянское хозяйство, исковеркав судьбы миллионов крестьян, спешно создавала колхозы и гиганты индустрии – электростанции, металлургические и машиностроительные заводы. В эту созидательную гонку были брошены миллионы людей, огромные деньги и материальные запасы.

Все совпало – жестокий строительный бум, сжатие свобод, подавление сексуальности, безразличие к моде и эстетике быта. Число стандартов женского готового платья с 80 в 1925 году упало до 20 в 1929–1930 годах, а потом до 4 в 1930–1931 годах[24]. Четыре модели платьев на десятки миллионов женщин! И даже пошить было не из чего – ткани исчезли из товарооборота. На это денег у государственной казны не было. Шло наступление серо-зеленых ватников и летних курток-штурмовок – спецодежды для индустриального взлета.

И здесь началось сопротивление. Выступили женщины, принадлежавшие к советской элите. В начале тридцатых, на фоне неустроенности жизни и хаоса первой индустриальной пятилетки, они явили вызывающую демонстрацию женской сексуальности. Модой и аксессуарами. Привозили из-за границы, изощрялись и находили в стране. Женщины из московских салонов и жены советских руководителей.

Первой была Полина Семеновна Жемчужина – жена верного соратника Сталина, члена Политбюро Вячеслава Михайловича Молотова, с 1930 года председателя Совета Народных Комиссаров – советского правительства. Женщина властная, видная, с легким шагом и плавной фигурой. Жемчужина блистает в мехах, в модных платьях и сверкающих туфлях, купленных в

Берлине. А супруга наркома образования Луначарского Наталия Розенель, как ехидно пишут немецкие газеты, приобретает в берлинских и парижских магазинах массу женских вещей, среди которых платье за внушительную сумму – 9000 франков (500 рублей по официальному курсу). А парижские газеты отмечают непревзойденные туалеты мадам Каменевой и Красиной (жена – полпреда СССР в Лондоне Л. Б. Красина). Каменева, сестра Троцкого, часто наезжавшая в Париж, не скупилась там на дорогие наряды. Злата Лилина, супруга Зиновьева, тоже демонстрировала определенный шик.

В «Правде» вышла статья известного деятеля партии Емельяна Ярославского, в которой он, ссылаясь на публикации в западных газетах и журналах фотографий жены «одного из наших ответственных товарищей», представшей в «богатых костюмах и украшениях», попенял наркому Луначарскому, что негоже его жене Розенель (а речь о ней) нескромно вести себя. Это вызывает возмущение рабочих и наносит ущерб интересам советского государства.

Рассерженный Луначарский ответил Ярославскому, а копии ответа послал Сталину, Рыкову, Бухарину, Калинину, Орджоникидзе: «Ее туалеты? Во-первых, все здесь безобразно преувеличено. Никаких драгоценностей у нас с женой нет и быть не может. В жизни она одевается скромно. У нее есть хорошие платья для сцены, экрана, для официальных вечеров и праздников – этого требует профессия артистки. Всякий человек, побывавший в современных магазинах, знает, что теперь все, вплоть до хорошо оплачиваемых работниц за границей, носят искусственные жемчуга и другие безделушки. И вот из-за этого две-три враждебные газеты постарались сделать клеветнический шум вокруг моей жены, которому совершенно неожиданно верите и который поддерживаете вы в „Правде“… Что касается большой немецкой прессы, то она отметила Наталию Александровну, как красивую, изящно одевающуюся русскую актрису и в то же время мою жену… Я самым решительным образом протестую против какой бы то ни было деградации моей жены, которая заслуживает полного уважения»[25].

В конфликт влез партийный сатирик Демьян Бедный, который настрочил эпиграмму.

Копейки копят рублики —
Нарком бьет прямо в цель:
Дарит лохмотья публике,
А бархат – Розенель.

Луначарский с ответом не задержался.

Все говорят: ты Беранже,
И только я не лицемерю, —
Ты просто «б», ты просто «ж»,
Что Беранже ты – я не верю[26].

Такие были нравы. Отличавшиеся нарядами плохо кончили, после разгрома оппозиции и известных судебных процессов. Кто оказался в концлагере, кто у расстрельной стенки. За исключением Полины Жемчужиной, ее время придет позже.

Обернувшийся кровью раскол между группой Сталина и оппозицией в лице Троцкого, потом Зиновьева и Каменева, впоследствии Бухарина, Рыкова, удивительным образом высветил элегантно-модных жен оппозиционеров на фоне скромных по большей части жен сталинских соратников. Среди последних выделялась супруга Сталина Надежда Аллилуева, которая одевалась хотя и со вкусом, но весьма скромно, приглушенно, не вызывающе.

А что мужчины, репрессированные советские боссы? Когда в марте 1936 года арестовали главу страшного НКВД Генриха Ягоду, причисленного к троцкистско-зиновьевской оппозиции, на самом деле симпатизировавшего ей, обыски на его квартире и даче шли девять дней. По завершении новый шеф НКВД Николай Ежов предъявил Сталину впечатляющий список изъятого: пальто мужских – 21, дамских – 9, кожаных – 4, каракулевых – 2, беличьих шуб – 4, котиковых манто – 2, кожаных и замшевых курток – 11, гимнастерок коверкотовых – 32, шляп дамских – 22, мужских кальсон шелковых заграничных – 43, кальсон заграничных «Егер» – 26, трико дамских шелковых заграничных – 70, сорочек дамских шелковых – 68, сигарет заграничных разных, египетских и турецких, – 11 075 штук. И здесь же ковры, отрезы ткани, меховые шкуры.

А в конце списка с абзаца: 11 порнографических фильмов, 3904 порнографических снимка и один «резиновый искусственный половой член».

Люди из правящей элиты, попавшие под топор репрессий, понимали толк в радостях жития и любви, умели делать жизнь комфортной, правда, нередко за государственный счет. Они же взвинчивали планку потребления и сексуального наслаждения элиты, расширяя пропасть между ней и массой простолюдинов. Коммунистическая элита раскалывалась на аскетов, и на жаждущих комфортной жизни. И те и другие жили рядом, все на глазах. Квартиры Молотова и Микояна разделял коридор, и жены

их, не дружившие, лишь обменивались взглядами. Анастас Микоян, хотя и устал от брюзжания своей супруги Ашхен по поводу манер Полины Жемчужиной, тем не менее тоже их не воспринимал: «Она вела себя по-барски, как „первая леди государства“ (каковой стала после смерти жены Сталина). Не проявляла скромности, по тем временам роскошно одевалась. Дочь воспитывала тоже по-барски… Еще Серго Орджоникидзе (нарком тяжелой промышленности. – *Э. М.*) возмущался: „Для какого общества она ее воспитывает“»[27].

А Полина Семеновна Жемчужина вполне следовала точке зрения Александры Коллонтай: «Можно быть хорошей коммунисткой и при этом элегантно одеваться и пользоваться помадой и пудрой».

Жемчужина чем-то напоминала Ольгу Зотову из толстовской «Гадюки». В девичестве она Пери Карповская, дочь еврейского портного, поработала и папиросницей на табачной фабрике в Екатеринославе, и кассиром в аптеке, пока не вступила в Коммунистическую партию и Красную армию. В армии комиссарила, не расставаясь с кожаной курткой и револьвером на поясе. После Гражданской войны ее стезя – партийная работа в Киеве, потом в Москве, в райкоме партии. Но это уже была не комиссарша в сапогах, а элегантная привлекательная женщина, будто от рождения знавшая туфли и модные платья. Такой и увидел ее Молотов. Она стала его супругой в 1921 году.

В середине двадцатых Жемчужина руководила трестом жировой промышленности Москвы, который занимался производством парфюмерии. А наркомом легкой промышленности был Любимов, старый большевик, не особо жаловавший парфюмерно-косметические дела. Одеть и обуть народ – это важно, по его понятиям. А «мазаться-краситься» – это женская блажь. Жемчужина при случае и рассказала Сталину о заблуждениях наркома. А что произошло дальше, поведал Анастас Микоян.

– Как-то раз позвонил мне Сталин и пригласил к себе на квартиру. Там был Молотов. Попили чаю. Вели всякие разговоры. Потом Сталин перешел к делу и сказал примерно следующее: жена Молотова, Жемчужина рассказала ему, что ими очень плохо руководит Наркомлегпром. В таком положении находится и ЛЕНЖЕТ (Ленинградский трест жировой промышленности. – *Э. М.*). С ее слов получалось, что они беспризорные. Вместе с тем Жемчужина говорила, что парфюмерия – это перспективная область, прибыльная и очень нужная народу. У них имеется много заводов по производству туалетного и хозяйственного мыла и всей косметики и парфюмерии. Но они не могут

развернуть производство, потому что наркомат не дает жиров; эфирных масел для духов и туалетного мыла также не хватает; нет упаковочных материалов. Словом, развернуться не на чем. А у женщин большая потребность в парфюмерии и косметике. Можно на тех же мощностях широко развернуть производство, если будет обеспечено материально-техническое снабжение.

«Вот, – говорит Сталин, – я и предлагаю передать эту отрасль из Наркомлегпрома в Наркомпищепром. Я возразил, что в этом деле ничего не понимаю сам и что ничего общего это дело с пищевой промышленностью не имеет. Что же касается жиров, то сколько правительство решит, столько я буду бесперебойно поставлять – это я гарантирую. Кроме эфирномасличных жиров, производство которых находится у Легпрома, а не у меня… Итак, все перешло к нам. Был создан в Наркомате Главпарфюмер, начальником которого была назначена Жемчужина… Под ее руководством эта отрасль развивалась успешно… Отрасль развилась настолько, что я мог поставить перед ней задачу, чтобы советские духи не уступали по качеству парижским. Тогда эту задачу в целом она почти что выполнила: производство духов стало на современном уровне, лучшие наши духи получили признание. Мы покупали за границей для этого сырье и на его основе производили эфирные масла. Все это входило в систему ее Главка»[28].

К трехсотлетию дома Романовых французский подданный, российский парфюмер Генрих Брокар сотворил духи и дал им название «Любимый букет императрицы». Супруге Николая Второго запах понравился. Их делали малыми партиями на московской фабрике «Империя Брокара». После Октябрьской революции фабрику назвали парфюмерно-мыловаренным комбинатом № 5. От такого невкусного названия воротило даже твердокаменных большевиков, не говоря уж о лириках типа Луначарского. И фабрика с таким названием выпускала только мыло. Но в 1922 году с приходом новой экономической политики и проповедей Александры Коллонтай в жизнь вернулись духи и помада. А на комбинате № 5 их производство как-то не заладилось. И тогда сам Август Мишель, главный фабричный парфюмер, ученик Брокара, предложил другое название – фабрика «Новая заря». Это понравилось власти. Но он пошел дальше, этот тайный эротоман, почитатель коллонтаевских идей. Как-то летом 1925 года достал он из сейфа рецепт «Любимого букета императрицы» и сделал пробную партию, которую послал в Кремль. Те кремлевские жены и женщины-коммунистки у власти, что рассматривали духи как сугубо женское оружие, восторженно приняли продукт Мишеля. Особенно Полина

Жемчужина, которая тогда же и предложила назвать эти духи – «Красная Москва». «Пусть императорский запах послужит не только большевистской элите, не только нэпмановской, но и рабоче-крестьянской России», – объявила она. Вероятно, под впечатлением курса марксистской диалектики, который слушала в Торгово-экономическом институте имени любовника Коллонтай – Плеханова.

А через год судьба ее тряхнула – она стала секретарем партийной организации «Новой зари». И первым делом потребовала от парфюмеров сделать все, чтобы «Красная Москва» завоевала женские массы. Для этого она действительно «выбивала» средства на заграничное сырье, на новое оборудование. Она быстро вошла в производственные заботы, и чаще к ней ходили решать проблемы парфюмерные мастера. Поистине духи скоро стали легендарными. Советские женщины в пределах крупных городов пахли «Красной Москвой» за 53 рубля и красились помадой «Новая заря» за 10 рублей. И не знали, что благодарить им за это надо Полину Семеновну Жемчужину, которая скоро обосновалась в кресле директора фабрики. И Мишелю нравилось с ней работать.

Ранним утром 22 июня 1941 года Молотов позвонил ей в крымский санаторий, где она отдыхала с дочерью: «Война, выезжай немедленно». Собрались быстро. Потом она вызвала парикмахершу. И пока та делала ей маникюр, она слушала по радио выступление своего супруга о вероломном нападении Германии.

Когда началось перемещение промышленности на восток, Жемчужина, тогда уже не связанная с «Новой зарей», все же попросила включить фабрику в число эвакуируемых объектов. Лаврентий Берия, всесильный нарком безопасности, входивший в Комитет Обороны, поддержал: «Сначала мыло для солдат, но и женщина в войну пусть пахнет хорошо». Один из цехов перевезли в Свердловск, потом от него родилась новая фабрика «Уральские самоцветы».

Духи и помада, конечно, помогали женскому счастью. Как и шелковые чулки – мечта каждой женщины, ищущей любви и сексуальных радостей. В то жесточайшее время конца 20-х годов в планы первой пятилетки под строкой об автомобильных и тракторных заводах, будущих танковых, вбили строчку о производстве женских чулок из вискозного шелка. В 1929 году женщины узнали о существовании Тушинской чулочной фабрики. Даже кремлевские вожди не предполагали, как это отзовется в мире.

«Красная Россия становится розовой», – вещал заголовок на

второй странице американской газеты «Балтимор сан» 18 ноября 1934 года. Так была названа заметка московского корреспондента газеты. Что же понимал автор под «порозовением» России? Это перемены в управлении предприятиями (больше самостоятельности), это сдельная оплата труда, отмена партмаксимума, растущий выпуск потребительских товаров. И как венец всего – массовое производство чулок из искусственного шелка, до последнего времени считавшихся «идеологически невыдержанными». А уж дальше автор писал и о распространении в Советском Союзе тенниса, джаза и фокстрота, того, что несколько лет назад именовали «буржуазным увлечением». Эту заметку увидели в советском посольстве, недавно обосновавшимся в Вашингтоне, перевели и послали в Москву. Там ее включили в секретный бюллетень переводов из иностранной прессы для Сталина. Вождь ее прочитал. Может быть, и под влиянием ее он развивал тему: «Жить стало лучше, жить стало веселей!».

А женщины, действительно, радовались этим шелковым произведениям. Еще не взошла эра нейлоновых чулок, а эти, тушинские, уже покоряли мягкостью, блеском, яркой двусмысленностью шва. Они оглушали, эти шелковые чулки с похабными стрелками, как определил их для эпохи хороший советский поэт Борис Слуцкий. И производство этого массового товара с похабной деталью, столь любимого женщинами, с 1939 года стало повседневной заботой все той же Полины Жемчужиной, возглавившей к тому времени текстильно-галантерейное управление в Наркомате легкой промышленности.

А предшествовали этому весьма драматические события. В конце 30-х годов отношения Сталина и Молотова обострились. И чем больше накапливалось вопросов к Молотову, тем больше у Сталина росло раздражение от супруги соратника. Ревностно оценивал, как одевалась, как вела за столом, с кем и как общалась Полина Семеновна. Глядя на нее, Сталин вспоминал Надю. Скромная Надежда Аллилуева и эффектно одетая, со вкусом накрашенная, волевая Полина Жемчужина. Как они были контрастны, хотя и дружили. У Жемчужиной все неплохо получалось. Сначала руководила парфюмерным главком, а потом выдвинули в заместители наркома пищевой промышленности. А через год с небольшим ей доверили Наркомат рыбной промышленности. Самостоятельна, не боится принимать решения. Остра на язык и на мысль. Да, такую женщину будешь уважать.

Ближайший сталинский соратник Никита Хрущев не мог забыть ее и спустя годы: «Я с ней много раз сталкивался, когда

работал секретарем Московского городского и областного партийных комитетов. Она на меня производила впечатление хорошего работника и хорошего товарища. И что было приятно – никогда не давала чувствовать, что она не просто член партии, а еще и жена Молотова. Она завоевала видное положение в московской парторганизации собственной деятельностью, партийной и государственной. Сталин относился к ней с большим уважением. Я сталкивался с этим, когда мы встречались. Несколько раз Сталин, Молотов, Жемчужина и я были вместе в Большом театре, в правительственной ложе. Для Жемчужиной делалось исключение: жены других членов Политбюро редко бывали в правительственной ложе, рядом со Сталиным. Правда, иногда оказывалась там жена Ворошилова Екатерина Давыдовна, но реже Жемчужиной. На грудь Жемчужиной сыпались ордена, но все по справедливости и не вызывали каких-либо разговоров».

И вот 10 августа 1939 года Политбюро по подсказке Сталина вдруг решило рассмотреть вопрос о Жемчужиной. Рассмотрели и приняли секретное постановление, а в нем формулировка: Жемчужина «проявила неосмотрительность и неразборчивость в отношении своих связей, в силу чего в окружении тов. Жемчужиной оказалось немало враждебных шпионских элементов, чем невольно облегчалась их шпионская работа». После таких обвинений Жемчужину ждало освобождение от поста наркома, но как изысканно выразилось Политбюро: проводить «эту меру в порядке постепенности»[29]. А ведь как дружна была со Сталиным, в свое время с его Наденькой. А теперь давят за неразборчивость в связях. И НКВД подбрасывает новые «факты» о ее «вредительской и шпионской работе», об аморальном поведении.

Никита Хрущев так излагал эту ситуацию: «Чекисты сочинили связь Жемчужиной с каким-то евреем-директором, близким Молотову человеком. Тот бывал на квартире Молотова. Вытащили на свет постельные отношения, и Сталин разослал этот материал членам Политбюро. Он хотел опозорить Жемчужину и уколоть, задеть мужское самолюбие Молотова. Молотов же проявил твердость, не поддался на провокацию и сказал: „Я просто не верю этому, это клевета“. Насчет „сочинений“, писавшихся органами НКВД, он лучше всех, видимо, был информирован, поэтому вполне был уверен, что тут документы сфабрикованы… Одним словом, все средства были хороши для… устранения Жемчужиной».

Но тогда, в 1939-м, Сталин остановился. НКВД так и не дождалось сигнала об аресте Полины Семеновны. 24 октября вновь собравшееся Политбюро оправдало Жемчужину, назвав, что

интересно, обвинения «клеветническими». Но кое-что в окончательном постановлении осталось: неосмотрительна и неразборчива в связях. От наркомовской деятельности освободили. И пришла она начальником главного текстильно-галантерейного управления в Наркомат легкой промышленности. А в феврале 1941 года ее вывели из кандидатов в члены ЦК партии. Осталась наедине с производством тканей, белья, платьев, костюмов и тех модных чулок из искусственного шелка, что сводили женщин с ума. Сколько сил она положила, чтобы раздвинуть их производство до потребительских масштабов, сколько нервов потратила на выколачивание средств и сырья для этого. В стране, охваченной подготовкой к войне.

Но облик женщин конца тридцатых годов в авторстве Полины Жемчужиной вновь становился женственным. Платья подчеркивали фигуру, подол останавливался на середине икры или выше, талия сужалась, юбки расширялись, рукава приподнимались подложенными плечиками. Оборки, рюши, плиссе-гофре… Венчали эти наряды шелковые чулки, туфли-лодочки на высоком каблуке. Но были еще и «босоножки-танкетки» на высокой пробке и туфли на деревянной подошве. С тканью было «неважнецки». Выручали штапель, крепдешин и саржа, вельвет и неотбеленный лен с коломянкой. Юные комсомолки конца тридцатых летом щеголяли в коротких белых юбках, трикотажных майках, рельефно подававших грудь, и белых носочках на загорелых мускулистых ногах.

А лица? Выделялись серповидные брови, губы акцентировались помадой – глаз не отведешь. И верх всего – приглаженные волосы с волнами, завитыми наружу, или подобранные, но обязательно с валиком локонов надо лбом.

Юрий Пименов, певец советского быта в живописи, в своей картине 1940 года под уютным названием «В комнатах», запечатлел для истории женщину того времени. Залитая светом квартира, хозяйка с подносом, на котором чашка и бутылка молока. Художник увидел ее со спины, от того еще более загадочную, с модной прической валиком, в струящейся юбке, модных туфлях и телесных чулках. Так и хочется сказать: «Ну, повернись!». Десятки тысяч женщин в крупных городах Союза уже вписывались в этот образ. В том числе стараниями Полины Семеновны, которая и сама взвинчивала кремлевских вождей, оставляя после посещения высоких правительственных и партийных кабинетов ворох требований и аромат женственности.

Она по-прежнему не давала покоя Сталину. От нее исходил какой-то сексуальный магнетизм, дразнивший вождя. После войны, через три с половиной года оживились его подозрения в

отношении Молотова. И опять их разожгла Полина Жемчужина. Сталин убедил себя в том, что именно она, Полина, влияла на безвольного Вячу (как она его звала), чтобы тот благоволил еврейским националистам в стране и проводил произраильский курс в международных делах. До войны ее обличали чуть ли не в связях с вредителями и шпионами, а на сей раз в связях с «еврейскими националистами». Записка МГБ напомнила Сталину, как она работала в Еврейском антифашистском комитете, родившимся в годы войны, как она дружила с его видными деятелями – главой комитета Лозовским, актерами Михоэлсом и Зускиным, литераторами Маркишем и Фефером. Это были люди ее круга. Они двигали идею передачи Крыма для еврейской автономии, что всерьез насторожило Сталина. И МГБ начало «разрабатывать» этих людей, Лозовского определили главарем сионистской «пятой колоны» в стране, другим тоже подыскали «достойное» обвинение. Против Михоэлса, как наиболее неистового, чекисты провели целую операцию – его раздавили грузовиком, инициировав несчастный случай. И Жемчужина на похоронах актера шепнула Зускину и Феферу:

– Это было убийство.

Через четыре года, осенью 1952-го, Сталин с трибуны партийного пленума бросит Молотову упрек: «Товарищ Молотов так сильно уважает свою супругу, что не успеем мы принять решение Политбюро по тому или иному важному политическому вопросу, как это быстро становиться известно товарищу Жемчужиной. Получается, будто какая-то невидимая нить соединяет Политбюро с супругой Молотова Жемчужиной и ее друзьями. А ее окружают друзья, которым доверять нельзя»[30]. Тогда в 1948 году МГБ выявило источники и каналы распространения политической конфиденциальной информации. И министр государственной безопасности Виктор Абакумов доложил Сталину:

– От Молотова к Жемчужиной, от нее – к еврейским кругам и к израильскому послу Голде Меир.

Источник надо было перекрыть, а заодно и обломать Молотова. Так началась очередная операция по Жемчужиной.

В начале декабря 1948 года Абакумов показал Сталину протокол допроса некоего Гринберга, который говорил о причастности Жемчужиной к преступной деятельности еврейских националистов. И Сталин сказал:

– Работайте дальше.

Ей предложили явиться 26 декабря в здание ЦК партии для очных ставок с арестованными к тому времени активистами «еврейского движения», согласившимися помогать следствию. На

этих перекрестных допросах активисты утверждали: «В течение длительного времени… поддерживала (Жемчужина. – *Э. М.*) знакомства с лицами, которые оказались врагами народа, имела с ними близкие отношения, поддерживала их националистические действия и была их советчиком… Вела с ними переговоры, неоднократно встречалась с Михоэлсом, используя свое положение, способствовала передаче… политически вредных, клеветнических заявлений в правительственные органы… Афишируя свою близкую связь с Михоэлсом, участвовала в его похоронах, проявляла заботу о его семье… и своим разговором… об обстоятельствах смерти Михоэлса дала повод националистам распространять провокационные слухи о насильственной его смерти. Игнорируя элементарные нормы поведения члена партии, участвовала в религиозном еврейском обряде в синагоге 14 марта 1945 г., и этот порочащий ее факт стал широким достоянием в еврейских религиозных кругах…»[31].

Через три дня на Политбюро Жемчужину исключили из партии. Молотов голосовал «за». У него тряслись колени, когда Сталин читал записку МГБ по Жемчужиной. К этому времени он уже разошелся с ней – Сталин так посоветовал. Жили теперь врозь, она у брата. А 21 января 1949 года ее арестовали. И дело на Лубянке пошло полным ходом.

В обвинение ей выставили незаконное получение средств на развитие текстильного и галантерейного производства, на расширенный выпуск тканей и чулок, незаконное премирование, пьянство, кумовство и фаворитизм – все, что она «творила» в должности начальника Главтекстильгалантерейпрома. Показалось мало. И ушлый следователь Сорокин заставил одного из ее подчиненных признаться в том, будто она склонила его к сожительству. На очной ставке она молчала, и только в конце ожгла «свидетеля» ненавистным:

– Подлец!

Пять лет ссылки в Кустанайскую область назначил ей скорый суд по рекомендации Сталина – не хотел он обижать верного соратника Вячеслава Михайловича Молотова. Но в марте того же 1949 года сместил его с поста министра иностранных дел. А спустя три года после этих событий, на партийном пленуме после девятнадцатого съезда партии Молотова не избрали в высшие органы власти.

Сталин объяснил, почему это произошло: «Молотов – преданный нашему делу человек. Позови, и, не сомневаюсь, он не колеблясь, отдаст жизнь за партию. Но нельзя пройти мимо его недостойных поступков. Товарищ Молотов, наш министр иностранных дел, находясь под „шартрезом“ на дипломатическом

приеме, дал согласие английскому послу издавать в нашей стране буржуазные газеты и журналы. Почему? На каком основании потребовалось давать такое согласие? Разве не ясно, что буржуазия – наш классовый враг и распространять буржуазную печать среди советских людей – это, кроме вреда, ничего не принесет… Это первая политическая ошибка товарища Молотова. А чего стоит предложение Молотова передать Крым евреям? Это грубая ошибка товарища Молотова… На каком основании товарищ Молотов высказал такое предложение? У нас есть еврейская автономия. Разве этого недостаточно? Пусть развивается эта республика. А товарищу Молотову не следует быть адвокатом незаконных еврейских претензий на наш Советский Крым…»[32].

Но Жемчужина и в ссылке не давала покоя престарелому Сталину. В конце января 1953 года по его распоряжению «объект-12» (так она именовалась в оперативных документах) привезли в Москву. Тогда МГБ занималось делом врачей-евреев, якобы замысливших уничтожение некоторых руководителей партии. Показания одного из них, Виноградова, следователи пытались увязать с ее делом. Он был лечащим врачом Молотова и ее, сопровождал Жемчужину однажды в поездке на отдых в Карловы Вары. Увязать не успели. Сталин умер. А уже 10 марта министр внутренних дел Берия распорядился отпустить Жемчужину на свободу. Через одиннадцать дней ее восстановили в партии.

В 1949 году закончилась эпоха Полины Жемчужиной в индустрии производства женских вещей. Все, что тогда, в тяжелые и кровавые 30-е и 40-е годы, делалось в Советском Союзе для украшения женщин связано с ней, самой модной женщиной советской властной иерархии.

Советское кино с чувственными актрисами 30–40-х годов

Известно, что Сталин в кино фривольностей не терпел. Мелодрамы не любил и крайне раздражался, видя на экране намек на сексуальные настроения. Однажды глава кинокомитета Большаков привез для очередного кремлевского кинопоказа иностранный фильм, где такие настроения не скрывались. Как только Сталин понял это, реакция последовала гневная: «Вы что, Большаков, бардак здесь разводите!» И вышел из зала. За ним покатились соратники по Политбюро.

«Каждая картина имеет большое общественно-политическое звучание» – эти слова Сталина, сказанные им как-то при обсуждении тематического плана, слишком хорошо усвоили руководители кинематографа тех времен. Поэтому ожидать картин «легкого» содержания с сексуальным сюжетом на экранах 30–40-х годов было немыслимо.

И тем более удивительно, что в этот период появлялись фильмы, несшие в советскую жизнь сексуальные ожидания и волнующую чувственность. Но это были не эротические картины, а по-прежнему общественно-политические и морально-нравственные. Но в них ожидания секса воплощали актрисы, отобранные режиссерами на роли. Не Любовь Орлова, воплощавшая голливудский стиль в социалистическом реализме, не Марина Ладынина и Людмила Целиковская, игравшие народный характер в общественно-политической упаковке. Нет. Советское кино тех лет породило актрис определенного толка – Татьяну Окуневскую, Валентину Серову, Лидию Смирнову, Зою Федорову. Они умудрялись все эти общественно-политические и морально-нравственные художественные фильмы, в которых снимались, напитать флером сексуальности, своим чувственным обаянием. И мужской зритель «заводился». С определенной минуты ему непреодолимо хотелось уже не только созерцать, но и потрогать экранное изображение.

Окуневскую открыл Михаил Ромм. Она так сыграла роль юной жены старого фабриканта в мопассановской «Пышке», что затмила своим женским очарованием саму Пышку. Хотя, может быть, тогда она была и не так трогательна, как в роли проститутки, в роли без слов, в спектакле «Бравый солдат Швейк» у Николая Охлопкова. Но публика стонала от удовольствия. Следом производственный фильм 1935 года «Горячие денечки» с ее участием, на котором зрительский народ таял от той же

чувственной экспрессии.

«Я стала взрослой, женственной, у мужчин успех», – это она о себе в то время. Но и женственный успех в театре и кино. Теперь у нового режиссера Леонида Лукова, заново открывшего ее. В фильме «Александр Пархоменко» он определил ей роль фанатичной контрреволюционерки. Фанатичность эту оттеняет бешеный темперамент и лицо-маска офицерской жены: выделанные кричащей помадой губы и углем пордведенные сверкающие глаза – вот она, белая кровь, кипящая от ненависти к красным. Образ, с которым она свыклась. После съемок Луков, нелюбимый режиссер Сталина, целовал ей ноги и причитал:

– Я теряю сознание, схожу с ума от ревности, когда на вас смотрят!

Вот за что ее так ненавидел Константин Симонов, близкий приятель ее мужа, писателя Бориса Горбатова. Потомственная аристократка, она отдавалась с экрана всем.

В войну в Алма-Ате Окуневская снялась в роли диктора радио в оккупированном Белграде в фильме «Ночь над Белградом» того же Лукова. Она там поет песню партизан. Поет под аккомпанемент джазового оркестра Генриха Варса, бежавшего из Польши. Но как поет! Потом она повторяла эту песню десятки раз на бесчисленных фронтовых концертах в действующей армии и в освобожденной Европе – в Югославии, Австрии, Венгрии, Румынии, Болгарии. Везде одно и то же: зал стонет, кричит, аплодирует, прорвавшиеся к сцене хватают за платье. Кругом густая атмосфера мужского поклонения и жгучего желания – еще, еще, пой, ходи, говори!

А Валентина Серова в фильме 1939 года Константина Юдина «Девушка с характером» в роли комсомолки, страстно зовущей ехать на нашенский Дальний Восток обустраивать его? В кинотеатрах очереди, смотрят не по одному разу. Героиня Серовой – комсомолка Катя Иванова, энергична, но нежна, по-женски обворожительна. Серова играла саму себя. Ее женское естество захлестывало социальность роли. Но оттого она и управляла настроением зала – желаниями и фантазиями на уровне подсознательного.

В 1941 году тот же режиссер снял ее в фильме «Сердца четырех». Любовная комедия – красный артиллерийский офицер Колчин влюбляется в университетскую преподавательницу математики Мурашову-Серову. Теплый, солнечный фильм о пронзительно-чистой, акварельной Москве, о сочной, яркой, пленительной подмосковной природе, и о любви, где элегантная женственная Мурашова в маске недотроги плавится от мужского прикосновения. И все понимают – эта женщина правит миром, но

никак не математика и артиллерия. Прозрачные глаза, в которых можно утонуть, и яркие губы, притягивающие сильнее магнита – какие тут, к черту, пушки, когда такая Серова на экране! И каждое движение ее кричит: «Я мягкая, я слабая, я управляемая!»

В 1941 году секретарь ЦК партии Андрей Жданов под влиянием Сталина выдал чиновничье-суконное: «Фильм легкомысленный». И потребовал не выпускать его в широкий прокат. Но в победном 45-м фильм взял свое. Успех был огромный – на экране торжествовал женский талант Серовой.

Но, конечно, самым ударным ее фильмом оказался «Жди меня» Столпера по сценарию будущего мужа Константина Симонова. Его стихотворение «Жди меня» в 1941 году неожиданно появилось в «Правде». Симоновские строки о силе женской верности запоминались сразу, особенно впечатляли бойцов и офицеров действующей армии.

Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло…
Не понять не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.

Два слова – «Жди меня», – начертанные на броне танков и бортах самолетов превратились чуть ли не в главный слоган Великой Отечественной войны, наряду с вошедшими в историю: «Папа, убей немца!», «Наше дело правое, враг будет разбит!», «За Родину, за Сталина!».

Тогда немногие знали, что Константин Симонов посвятил «Жди меня» любимой женщине Валентине Серовой. Потом Симонов написал непритязательный киносценарий, навеянный этим же стихотворением. И Серова сыграла в фильме по этому сценарию роль Лизы Ермоловой – жены летчика, которого ждет. Сыграла так, что, являя характер столь неверный в женской стихии, вдруг предстала символом неотразимой женской верности. Верности, явившейся в чувственной наготе образа. Все те же льняные локоны, воспаленные губы, прозрачные глаза, ладный стан, обволакивающий голос – так в кино. От экранной Серовой зал намагничивался энергетикой чувственности. Умела она разбудить сексуальную память о доме, о жене, о любимой подруге. Серова с экрана внушала: жить стоит и ради женщины, вот такой слабой, как я.

В 1940 году взошла звезда Лидии Смирновой. Звездной актрисой и любимой женщиной мужчин Советского Союза ее

сделал фильм «Моя любовь». Режиссер Корш-Саблин и композитор Исаак Дунаевский вылепили весьма привлекательный образ. Да и натура была с большими возможностями. В фильме героиня Смирновой – красавица, передовик производства – усыновила малыша. Это породило массу недоразумений в отношениях с поклонниками, где каждый явил свое лицо. Глуповатая картина, как определил ее Дунаевский. Но 19 миллионов человек посмотрело – ее любовь собирала полные залы. В окружении военных и политических фильмов так хотелось глотка обывательской жизни, пусть даже глуповатой.

А нашел ее, Смирнову, для этого кино, тот, кто написал сценарий – Иосиф Прут. Дунаевский задал мелодию для фильма, и тогда у него появилось свое виденье натуры. Актриса должна быть курносенькая, ладненькая, типично русская, заводная и чувственная. «Она, как молодой дог», – подытожил Дунаевский.

Такой и увидел Смирнову в толпе на Невском проспекте Иосиф Прут. Остановил, и сказал, что надо пойти на студию, к режиссеру Коршу, «чтобы тебя попробовали».

– Как так попробовали?

– Да не в том смысле, что ты подумала. Для этого у нас другие есть. А в смысле кино.

В то время в Ленинграде у молодежи слово «попробовать» означало переспать, заняться с девушкой любовью…

И глуповатый фильм стал гвоздем сезона. Дунаевский сделал Смирнову вожделенной мечтой, сексуальный имидж ее буквально взвился над страной. Но и сам не устоял, закрутила страсть не к образу – к живой натуре. Смирнова – Дунаевский! Пожалуй, это было самое яркое и красивое любовное приключение в стране в 1940–41 годах. Не устоял создатель образа, как не устояли и миллионы потребителей этого образа, зачарованные им в фильме. Влюбились и шли снова к экрану, чтобы продолжилось ощущение чувственного праздника.

В это же время заблистала и Зоя Федорова. В 1932 году в фильме «Встречный» режиссер Сергей Юткевич ее не разглядел, так же как и Игорь Савченко в музыкальной ленте «Гармонь». Ее по настоящему открыл Арнштам в фильме 1935 года «Подруги», о девушках с рабочей окраины Петрограда, отправившихся спасать город в 1919 году от белых интервентов. Боевая картина, но украшение ее – женственная Федорова. Податливая от рождения, она научилась женственности на танцах. В конце 20-х ей чуть за двадцать. Она обожает шелковые чулки и фокстрот, который позволяет прижиматься к партнеру. В 27-м одного из них арестовали, им уже давно интересовалось ОГПУ. А следом арестовали и ее. Правда, дело быстро закрыли и Федорову

отпустили. Но ОГПУ получило ценного агента. В 1937-м она снялась в фильме «На границе», где оператором был ее муж В. Рапопорт. А в 1940-м играла в «Музыкальной истории» в паре с обаятельным Сергеем Лемешевым. Это был новый успех, и новый шквал всеобщего мужского поклонения. Потом были «Фронтовые подруги» и Сталинская премия.

В 1938 году НКВД арестовало отца Зои Федоровой по традиционной тогда статье 58 УК – контрреволюционная пропаганда. Но она продолжала сниматься, НКВД не отлучил ее от экрана. Но за отца она билась. Сама пришла к всемогущему главе органов безопасности Лаврентию Берии просить за него. Берии нравилась Федорова, женщина его вкуса. И он понимал ценность ее женской привлекательности для мужчин, в сотни раз усиленной экраном. Да и она к нему ненавистью не исходила. Несколько было встреч, и летом 1941 года отца ее освободили. Когда немцы подступили к столице и НКВД лихорадочно создавал подпольную разведывательно-диверсионную сеть, Берия предложил ей агентурную работу в Москве в случае оккупации столицы. И Федорова согласилась. Он это оценил.

Еще перед войной она развелась с мужем и стала окончательно свободной женщиной. Ей нравилось вращаться в кругах. Особенно дипломатических, близких к иностранцам. Тогда она загоралась, в ней буквально пробуждался охотничий инстинкт. В 1942 году, осенью, на выставке американского кино в Москве под советским плакатом «Родина-мать зовет!» она подставилась корреспонденту американского агентства «Юнайтед пресс» Генри Шапиро. Ну как пройти мимо такой женщины! Была страсть и скорая любовь. И как потом говорили, Федорова стала первой советской женщиной в Москве, украсившей ноги нейлоновыми чулками американского производства.

А через три месяца Шапиро познакомил ее с заместителем главы морской секции американской военной миссии в Советском Союзе Джэксоном Тэйтом. Чем мог заниматься сотрудник военной миссии? Разведкой, конечно, в том числе. Но для Федоровой это был мужчина Запада, из далекой Америки, статный, лучезарный и хорошо пахнущий. По-мужски обаятельный и влекущий. Был тем же, чем она для него – симпатичная русская женщина с захлестывающей сексуальной энергетикой. Что стало ясно после первого же танца. На другой день после знакомства он повел ее в ресторан «Москва». Через год, в январе 1946-го, у нее родилась дочь. За полгода до этого Федорову неожиданно отправили на гастроли в Крым, а Тэйт получил предписание от советских властей покинуть страну. А она так надеялась уехать с Тэйтом в США. Хотя он тогда и не

догадывался о ее беременности.

Зою Федорову арестовали 27 декабря 1946 года. Следствие длилось более полутора лет. И в августе 1947 года за шпионаж в пользу иностранных государств ее приговорили к 25 годам лагерей и тюрьмы. В феврале 1955 года она вышла на свободу. Какая истинная причина ареста? Спустя годы офицер КГБ приоткрыл тайну: Федорова вращалась в высших кругах, была близка с Берией, а потом в сферу ее общения попали американский журналист и сотрудник военной миссии – разведчик. С ними она делила постель и откровенничала. Особенно о советских вождях и генералах. За это и арестовали.

Федорову «взяли» в конце 1946 года, а Окуневскую спустя два года, в конце 1948-го. Их «вели» разные следователи и в разное время. Но чувствовали одно и то же. Им, затянутым в китель с майорскими или полковничьими погонами, становилось не по себе, когда на допрос приводили их подследственных. Вот она, женщина, сводившая с ума миллионы, теперь сидит передо мной. Она оценивает меня как мужчину, презирает и ненавидит. И это бесит. С языка срывается: «Проститутка, стерва, подстилка!» Так они, полковники и майоры, защищались.

Когда Окуневскую после ареста и первых тюремных процедур привели в кабинет к министру государственной безопасности Виктору Абакумову, холеному, выбритому до синевы, тот остолбенел. Из камеры – в заграничных нейлоновых чулках, которые она поддерживала рукой (подвязки отобрали – не положено), губы, будто с них только-что стерли губную помаду, вызывающий взгляд. Охрип Виктор Семенович. Полыхнули щеки. Только и спросил:

– Что с вами?

– Я болею гриппом.

– Я распоряжусь, чтобы доктор посмотрел.

Долгая пауза, вылизывание взглядом, кнопка звонка:

– Уведите.

Кто был унижен? Министр, актриса? Министр чтил женщин красивых и ярких. Но тут случай особый – известная актриса, которая нравится всем, и ему тоже. Но надо вести ее дело, которое определили как измену Родине, и еще как антисоветскую агитацию.

На самом деле причина ареста та же самая, что и у Федоровой, – общение с иностранцами, откровения разного рода, становившиеся информацией для кого-то. Она желанный гость в венгерском, индийском, югославском посольствах. У нее много поклонников. Самый знаменитый – маршал Тито, глава Югославии, запомнивший ее по выступлению в Белграде. Он с

визитом в Москве, прием в «Метрополе», завораживающий вальс «Я люблю тебя, Вена». Неотразимая пара – она в красном бархатном платье, и он в маршальском мундире с золотым шитьем. В эти несколько вальсирующих минут он объясняется в любви и зовет в жены: «Думайте! Скорее, думайте! Я вызову вас в Белград с вашим спектаклем „Сирано…“ А связь через нашего посла Поповича». Посол Владо Попович, партизанский командир из окружения Тито. Как он красив, этот черногорец, нежный, тонкий. В Москве 1947 года он умудрился найти дом, где они встречались. Как она ждала эти встречи, эти горячие руки, эти безумные глаза, эти мягкие губы, так не свойственные темпераментным мужчинам. «Ну почему, почему, – спрашивала она себя, – эти европейские коммунисты интеллигентнее, человечнее наших!?».

И однажды сама о себе: «Я сверхэгоцентрична». Это значит, мир должен быть всегда у ее ног. Для этого она себя холит и лелеет. Гимнастика, лечебные ванны, маски – часть жизни. Даже в лагерь, где она отбывала срок, дочь постоянно посылала ей кремы, лосьоны, и можно догадаться – духи, помаду. Дочь ее вспоминает в интервью «Известиям»: «У нее был свой стиль, она очень красиво одевалась. К ней приезжала полячка-портниха… мама шила вызывающе эпатажные туалеты. У нее, например, было платье с вырезом на животе. Одевалась она роскошно, парча легкая, отделанная соболиным мехом, много других изысканных одеяний…»[33].

А вот это из дневника Окуневской.

«Ах, мой великий русский народ! В Евдокимове старушка зовет домой нежно свою корову: „Голубка, голубушка“. Та не идет. Старушка про себя: „У, блядь такая!“ И пастух кричит рядом тоже: „Блядь!“ И коровы побежали. Даже коров приучили!»

«Любовь – надстройка над половым актом…»

«На спящем можно наблюдать породу, национальность всех далеких предков… И я, выпившая, – в зеркале: на лице все Окуневские, все литовские, польские предки. И мамино плебейство во вдруг потолстевшем носе».

«Женские стихи всегда из менструального цикла»[34].

А это из ее воспоминаний «Татьянин день».

«Вчера на приеме, когда мы с Валей Серовой проходили по залу, я почувствовала змеиное шипение, и жало впилось: „Две продажные суки продали свою красоту и талант цековским холуям“.»

А у Смирновой и Серовой свои увлечения: знаменитости, но отечественные. Самый громкий роман Смирновой с композитором Исааком Дунаевским. В каждый его приезд в

Москву она бежала сломя голову к нему в номер в гостинице «Москва». Она нужна ему была для вдохновения и духовно, и физически. Ее забавляло, что такой талант ее хочет. И она не разочаровывала. Он настаивал на браке, она вразумляла: «Стать женой?… Но тогда кончится очарование тайных встреч, ожидание свиданий, письма, телеграммы, цветы…» Однажды она открыла свою женскую тайну: «Я всегда любила красиво одеться, взглянуть на себя в зеркало, остаться собой довольной и в таком настроении выйти из дома. На улице я видела реакцию мужчин, привыкла к ней. Видела, как они раздевали меня взглядом, смотрели на мои ноги, на мою походку, которой я придавала особое значение».

А что Серова?

Из поколения в поколение передается миф о том, как она влюбила в себя самого интеллигентного маршала Отечественной войны Константина Рокоссовского. Будто их роман начался в больничной палате, где залечивал ранение маршал. В первую встречу она читала ему Чехова. После этого еще долго не отпускало желание увидеть его еще и еще. Конец этому половодью положил Сталин. Чекисты доложили: «Серова с Рокоссовским, а творческая публика язвит – „Не жди меня, а жди ее“». И Сталин сказал своему любимому маршалу очень мягко: негоже так. И когда Серова в очередной раз прилетела к нему на фронт, он не захотел ее увидеть. Волей подавил звеневшее желание. Слишком свежо еще было отеческое напутствие вождя.

После смерти ее о ней ходили невесть откуда взявшиеся безжалостные строки, приписываемые Симонову.

Здесь лежит Серова Валентина,
Моя и многих мужняя жена.
Остановись, прохожий!
Здесь впервые спит она одна.

Еще одно сочинение в собрание слухов и легенд, превращающих женщину, актрису, в сексуальную звезду, которую хочет, жаждет толпа. Ведь эти строки, эти псевдоистории, передаваемые из уст в уста, – разве не творчество самой толпы, выражающее ее тайные мечты? Вероятно, когда-то и в чем-то актриса дала все же повод. И тогда закипели эти бродившие вокруг нее массовые желания, и шлюха-толпа родила свой образ.

Эти актрисы, и в кино, и в заэкранной жизни, сделали для чувственного воспитания публики столько, сколько не сделал бы и десяток эротических сочинений, изданных массовым тиражом. Своей жизнью и своими ролями они дарили мечту для мужчин,

сексуальную, часто не сбывавшуюся, но оставившую след в подсознании. И для женщин они являли пример. Не все впитывали уроки скрытой чувственности, но те, кто оказывался способен, а таких было много, становились украшением и укором этому жестокому и реальному повседневному миру.

Приходили им письма из действующей армии, от бойцов и командиров, попавших под обаяние их игры. Из дневника Окуневской: «Одна переписка перевернула мне душу: письмо пришло от расчета противотанкового орудия, они прислали свои фотографии – мальчики с открытыми глазами, я послала им свою из „Ночи“, они вставили ее в лафет орудия и шли воевать с моим именем, им, наверное, так было легче. Без слез невозможно было читать их письма, полные любви и жизни, поклонения мне, я знала их всех по именам и так поименно обращалась к ним в письмах, они были в восторге, а потом началось: погиб Саша, погиб Коля и последнее письмо пришло от командира части, в котором он извещал, что расчет героически погиб и он видел клочья моей фотографии и моих писем…»

Может, это она и придумала? Ведь в ее автобиографическом романе столько сочиненных мифов. Но это так красиво – получить письмо с фронта, а в нем признание: шли воевать с ее именем.

Часть 3
Красная армия в Европе: сексуальный оттенок, напугавший Черчилля

Солдаты и женщины

На Западе Европа от Гитлера освобождалась с юга Италии. Американцы, высадившись на Сицилии, скоро пришли в Неаполь. Американская армия пахла виргинским табаком, свежевыделанной кожей амуниции, пахла женщиной-блондинкой. Это впечатление Курцио Малапарте – итальянского писателя, от рождения наполовину немца, наполовину итальянца, на глазах которого разворачивалось американское освобождение.

От американской армии итальянцы заходились в восторге. Малапарте посвятил этому свой чудесный роман под названием «Шкура». Язвительный роман о вхождении янки в Италию, в котором философская ирония беспощадно разделывает освободителей и освобождаемых. Аристократ-итальянец говорит американскому полковнику: «Вы высадились в Италии с учтивостью, прежде чем войти в наш дом, вы постучали в дверь, как делают воспитанные люди. Если бы вы не постучали, мы бы вам не открыли».

Красная Армия, освобождавшая Европу с востока, в европейские двери не стучала. Она их взламывала ударами танковых клиньев и беспощадным огневым валом своей артиллерии. Вслед шла пехота, нещадно матерясь. И хотя немцы на востоке сражались, как одержимые, вал советского наступления неотвратимо катился по европейским землям. Немцы отдали сначала Польшу, потом Восточную Пруссию, Венгрию, Австрию, Румынию, Болгарию, Югославию, и, наконец, свою Германию, а под занавес – Чехословакию. Красная Армия пахла не женщиной-блондинкой, а потом, моршанской махоркой, порохом и ружейным маслом, лишь иногда перебиваемым офицерским «Тройным одеколоном».

Европа, истерзанная войной, встречала победителей где с радостью, где настороженно, где с ужасом. Победителей из страны, которая потеряла к тому времени более двух с половиной десятков миллионов человек – в боях, в огне, в плену, замученных и расстрелянных, умерщвленных в газовых камерах, погибших от бомбардировок, артобстрелов, от непосильных работ и террора на оккупированной территории. Трагедия не обошла почти ни одну семью.

Понятно с каким чувством входила армия в Германию. Ведомая ненавистью, вступала она на германскую землю – в «логово фашистского зверя», как тогда говорилось в листовках политуправлений фронтов. Ненавистью объективной, взращенной преступлениями немецкой солдатни против людей, живших в

СССР, и ненавистью, взращенной великими публицистами и пропагандистами, трансформированной в 1942 году в пронзительный и хлесткий, как удар бича, слоган «Папа! Убей немца!».

Воспитание ненависти стало ведущей и оригинальной идеей советской пропаганды с первых недель войны. Придумали ее Давид Ортенберг, главный редактор армейской газеты «Красная звезда», и писатель Алексей Толстой, автор «Петра Первого», «Хождения по мукам» и «Золотого ключика». На первой же встрече в редакции они договорились, как поднимать боевой дух и стойкость армии – нужно учить ее ненавидеть. В речи Сталина 3 июля, той, что поразила страну обращением «братья и сестры», они выделили фразу – «германский фашизм неукротим в своей бешеной злобе и ненависти к нашей Родине». Ненависть! Вот ключевое слово. Но ненависть не к политическому течению, именуемому «германский фашизм», а ненависть к немцам, они воплощают все зло, именуемое германским фашизмом. Фашизм – не образ, а вот фашист, немец – это образ. Поэтому нужно делать образ немца-врага, немца-«падшую сволочь», как выразился Толстой. А уж он-то хорошо понимал толк в образах. Так они вдвоем, Толстой и Ортенберг, перевели политический язык Сталина на язык военной пропаганды, на язык психологической войны. Уже 9 июля Толстой публикует программную статью с названием, как выстрел, «Я призываю к ненависти»:

«Мы должны объединиться в одной воле, в одном чувстве, в одной мысли – победить и уничтожить Гитлера. Для этой великой цели нужна ненависть. В ответ на вторжение Гитлера в нашу страну – ненависть, в ответ на бомбардировки Москвы – ненависть. Сильная, прочная, смелая ненависть!.. священная ненависть, которая объединяет и возвышает».

И дальше Толстой лепит образ немца, которого нужно ненавидеть. Он делает кальку, по которой работали потом другие таланты.

«Фашисты любят сильные ощущения. Книги, театр, кино могут дать только суррогат переживаний. То ли дело – подойти к белорусской колхознице, вырвать у нее из рук младенца, швырнуть его на землю и слушать, кривя рот усмешкой, как баба кричит и кидается, беспомощная и безопасная, словно птица, у которой убили птенца, и под конец, когда до нервов дошли эти вопли наглой бабы, – ткнуть ее штыком под левый сосок… Или приволочь с хутора на лесную опушку, где расположились танки для заправки, полтора десятка девушек и женщин, приказать им, – четкой мужественно-немецкой хрипотцой, – раздеться догола, окружить их, засунув руки в карманы и отпуская жирные

словечки, разобрать их по старшинству и чину, потащить в лес и наслаждаться их отчаянными криками и плачем, а потом вперевалку вернуться к своим танкам, закурить и уехать, чтобы впоследствии написать в Германию открытки о забавном приключении: „Должен тебе признаться, Фриц, эти проклятые русские девки под конец нам до смерти надоели своими воплями и царапаньем…“»[35].

А в августе в статье «Убей зверя», вышедшей сразу в «Правде», «Известиях» и «Красной звезде», Толстой заклинал: «Ты любишь свою жену и ребенка, – выверни наизнанку свою любовь, чтобы болела и сочилась кровью, – твоя задача убить врага с каиновым клеймом свастики, он враг всех любящих, он бездушно приколет штыком твоего ребенка, повалит и изнасилует твою жену… Так, наученный Гитлером, он поступит со всякой женщиной, как бы ни была она нежна, мила, прекрасна. Убей зверя, это твоя священная заповедь… убийство фашиста – твой святой долг перед культурой»[36].

Толстовскую идею ненависти к немцу развивали талантливые перья. Вот очерк Михаила Шолохова «Наука ненависти», уже из того, переломного 1942 года. Чтобы ощутить время, приведу строки оттуда, о случае, потрясшем главного героя этого очерка лейтенанта Герасимова.

«Вскоре перешли мы в наступление и тут действительно насмотрелись… Сожженные дотла деревни, сотни расстрелянных женщин, детей, стариков, изуродованные трупы попавших в плен красноармейцев, изнасилованные и зверски убитые женщины, девушки и девочки-подростки…

Особенно одна осталась у меня в памяти: ей было лет одиннадцать, она, как видно, шла в школу; немцы поймали ее, затащили на огород, изнасиловали и убили. Она лежала в помятой картофельной ботве, маленькая девочка, почти ребенок, а кругом валялись залитые кровью ученические тетради и учебники… Лицо ее было страшно изрублено тесаком, в руке она сжимала раскрытую школьную сумку. Мы накрыли тело плащ-палаткой и стояли молча. Потом бойцы так же молча разошлись, а я стоял и, помню, как исступленный, шептал: „Барков, Половинкин. Физическая география. Учебник для неполной средней и средней школы“. Это я прочитал на одном из учебников, валявшихся там же, в траве, а учебник этот мне знаком. Моя дочь тоже училась в пятом классе.

Это было неподалеку от Ружина. А около Сквири в овраге мы наткнулись на место казни, где мучили захваченных в плен красноармейцев. Приходилось вам бывать в мясных лавках?…»[37].

Думаю, что из «Науки ненависти» выросла потом хрестоматийная шолоховская «Судьба человека», оплавленного жизнью, обожженного ненавистью, но не ожесточившегося. Но это было уже послевоенное состояние. А тогда, в 1942-м…

Поэт Иосиф Уткин:

Чтоб честным людям не терзаться,
Чтоб небо стало голубей
Над родиной твоей, – мерзавца
Настигни и убей!
…
Вдова в ночи бессонной тужит,
Ребенок на руках у ней.
Кто их лишил отца и мужа?
Фашист. И ты его убей!
…
За черный ужас сел сожженных,
За стаи мертвых голубей,
За то, что плачут наши жены,
Отцы и матери, – убей!

А вот поэт, военный корреспондент Константин Симонов, в том же 1942 году:

Если дорог тебе твой дом,
Где ты русским выкормлен был,
…
Если мать тебе дорога…
…
Если ты отца не забыл…
…
Если ты не хочешь отдать
Ту, с которой вдвоем ходил
Ту, что долго поцеловать
Ты не смел, – так ее любил, —
Чтоб фашисты ее живьем
Взяли силой, зажав в углу,
И распяли ее втроем,
Обнаженную на полу;
Чтоб достался трем этим псам
В стонах, в ненависти, в крови
Все, что свято берег ты сам
Всею силой мужской любви…

Если ты фашисту с ружьем
Не желаешь навек отдать
Все, что Родиной мы зовем…
…
Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!

Но громче всех наука ненависти звучала у Ильи Эренбурга. Поразительная работоспособность: три-четыре памфлета, или очерка, репортажа, фельетона в неделю, в которых определяющей оставалась интонация ненависти в течение почти всех четырех лет войны. У него это хорошо получалось прежде всего потому, что он лично возненавидел фашизм, узнав его еще в Испании и Франции, где он представлял в конце 30-х годов газету «Известия». Потом он уже увидел дела немецких фашистов на земле СССР, и он не проводил никакой черты между подразделениями СС и вермахтом. У всех были руки в большой крови, и далеко не солдатской. Фашизм был ненавистен ему и как еврею, переживавшему трагедию еврейского народа, который гитлеровцы уничтожали по плану, изуверски, с немецкой основательностью и педантичностью. Публицистический дар и литературный темперамент обратили личную ненависть в такие тексты, которые действительно возбуждали ненависть у читавших их. Публикации Эренбурга пристально отслеживал и поощрял Сталин, который прекрасно понимал, какой дух нужно вселить в армию, чтобы армия ломала немца. И поэтому жесточайший по отношению к армии сталинский приказ № 227 «Ни шагу назад» в июле 1942 года доходил до сознания солдат и командиров вместе с текстами Эренбурга, Шолохова, стихами Уткина и особенно Симонова.

Но никак не Николая Асеева, который написал «Насилье родит насилье». Этот стих у него сложился, когда он увидел в одной подмосковной деревне, освобожденной от немцев, как мальчишки катались с горы на трупах немецких солдат вместо санок. Это его страшно поразило. И он написал:

Насилье родит насилье,
И ложь умножает ложь.
Когда вас берут за горло —
Естественно взяться за нож.
Но нож называть святыней

И, вглядываясь в лезвие,
Начать находить отныне
Лишь в нем отраженье свое, —
Нет, этого я не сумею
И этого я не смогу:
От ярости онемею,
Но яростью не солгу!
У всех увлеченных боем
Надежда живет в любом:
Мы руки от крови отмоем
И грязь с лица отскребем…

Да, «руки от крови отмоем и грязь с лица отскребем», но не сейчас, не в декабре 41-го, когда еле одолели немца под Москвой. Поэтому и жесток был к Асееву начальник Главного политуправления Красной Армии Александр Щербаков, определив это стихотворение как «политически вредное», уж никак не лелеющее ненависть. Ту ненависть, что сплачивает, задает энергетику войны, бросает на амбразуры и рождает героев. А такие рефлексирующие интеллигенты, как Асеев, пусть пока посторонятся, другие поэты и публицисты нужны войне.

Но вернемся к ненависти. Армия выстояла в 1942-м и 1943-м. А Эренбург и дальше продолжал свое дело взращивания ненависти, став заклятым врагом Геббельса и Третьего рейха. Это не преувеличение. Пропагандистская машина Третьего рейха действительно видела в нем врага, реагируя на его публикации где-то истерично, а где-то профессионально выстраивая «пиар»-защиту. Эренбург продолжал свое дело, ибо немец просто не сдавался. Он не сдавался, даже когда армия вступила на территорию Германии в январе 1945-го. Ненависть наступавших захлестнула и мирное население.

«По дороге на Берлин вьется серый пух перин» – это Александр Твардовский о тех днях. Грабежи мирных немцев, изнасилования женщин, убийства – было все.

«Они, сволочи, хорошо жили, вволю ели, имели скот, огороды, сады и напали на нас, дошли аж до моего города. И нет им пощады за это!» – тогдашнее кредо «идейных» насильников и мародеров.

Старшина Солов был из «идейных». Политотдел 18-й стрелковой дивизии ему даже посвятил целое донесение[38].

8 апреля 1945 г.

…Комсорг роты автоматчиков 424-го стрелкового полка старшина Солов, вступив в разговор с начподивом

(начальником политотдела дивизии), пытался доказать, что русских и полек насиловать нельзя, а немок можно. Когда разъяснил ему начподив о неправильности его мнения, он все равно твердил свое, настраивая на это других молодых воинов.

Впоследствии он был разобран на бюро ВЛКСМ, которое приняло решение отстранить его от должности комсорга роты и просить командование послать т. Солова в стрелковую роту.

Будучи уже в стрелковой роте в должности помкомвзвода, т. Солов дрался примерно. Несколько раз подымал в атаку бойцов, а когда выбыл командир взвода из строя, он принял на себя командование взводом, который первым вошел в дер. Брюкк. Только после окончания боя, будучи ранен, т. Солов ушел с поля боя. Командование представило его к ордену Красная звезда.

Солов – типичный случай «идейных» насильников. А «безыдейные» беспредельничали после изрядной выпивки. При этом неважно, кто был этот беспредельщик – сержант, лейтенант или майор – водка равняла всех в отношении женщин. О них тоже было сказано слово. Из вороха многочисленных архивных свидетельств выбираю выступление начальника Политуправления 2-го Белорусского фронта генерал-лейтенанта Окорокова на совещании работников отдела агитации и пропаганды фронта и Главного политуправления Красной Армии о морально-политическом состоянии советских войск на территории противника (протокол совещания, 6 февраля 1945 г.)[39]:

«Я особо хочу выделить вопрос об опасности явлений пьянства, барахольства, насилий, бессмысленных поджогов и т. п. Люди теряют облик воинов Красной Армии, ориентируются на легкую добычу, на легкую жизнь. Насилует сначала немку, а затем насилует и польку. Старший офицер приказывает ему прекратить, а он выхватывает пистолет и убивает офицера. Может ли такой человек самоотверженно бороться? Нет! Опасность этих явлений очень велика. Не случайно Военный Совет и Политуправление фронта с получением первых же сигналов собрали совещание нач. поармов (начальники политотделов армий) и прокуроров. После был издан приказ № 006» [40].

Старый немецкий профессор, осмелев от творившегося, но с интеллигентской деликатностью сказал советскому коменданту

города Лаутербург, что в Саксонии:

– У вас симпатичные солдаты, добрый и спокойный народ. Я на своих прогулках много наблюдал за ними. Но ваш пьяный солдат – это ужас…

И комендант, знавший больше этого профессора, чистосердечно признался: «Подвыпивший русский солдат почти так же плох, как трезвый немецкий».

Рисковые слова по тем временам. Но они вышли из-под пера хорошего писателя Эммануила Казакевича в его романе 1958 года «Дом на площади». Уравнять пьяного русского солдата с трезвым немецким, с гитлеровским – на это надо было решиться. Но Казакевич знал, что писал. К концу войны он был офицером разведотдела одной из армий и видел, что творилось в Германии.

У профессора Евгения Плимака, в те годы служившего в разведотделе 1-й гвардейской танковой армии, свои свидетельства: «В Померании… в нашу комнату, где в полном составе расположился разведотдел, ввели какую-то бледную немецкую женщину… я беру инициативу на себя и вывожу… женщину в соседнюю комнату, спрашивую: „Was ist los?“ („Что случилось?“) Мне, девятнадцатилетнему юнцу, не знавшему ни одной женщины, сорокалетняя немка говорит: „Ein Mann, zwai Manner… Aber so viel!..“ („Один мужчина, двое мужчин… Но столько! Это невозможно!“). Я смотрю изнасилованной немке в глаза, соображаю, говорю: „Спрячьтесь где-нибудь на два-три дня. Затем прибудет в город комендант“»[41].

Предотвратить насилие не удалось, но его все же сдержали. Сдержал приказ Сталина, подписанный 19 января 1945 года и требовавший не допускать грубого отношения к местному населению. Командующие фронтами ужесточили требование Верховного командующего.

Приказ маршала Рокоссовского, командовавшего 2-м Белорусским фронтом, предписывал расстреливать на месте мародеров и насильников. Приказ Военного Совета 1-го Белорусского фронта номер ВС/0143 от 1 марта 1945 года требовал суровых наказаний для пьяниц и дебоширов. Это о них строки приказа: «Все населенные пункты вдоль дорог на немецкой территории забиты машинами, повозками и военнослужащими, как проходящими, так и посланными из частей специально для барохольства. Офицеры и рядовые, бросив свои машины и подводы на улицах и во дворах, бродят по складам и квартирам в поисках барахла»[42].

Армию действительно надо было приводить в чувство. Множились случаи мародерства, пьяных дебошей, варварского насилия над женщинами. Чашу переполнило дикое убийство

командира танковой бригады, Героя Советского Союза, который попытался привести в чувство пьяных танкистов, глотавших водку на броне «тридцатьчетверки», стоявшей на обочине автострады. Генерал был в танкистском комбинезоне без знаков отличия, и его начальственный окрик стоил ему жизни. Пьяный башенный стрелок послал его подальше, сопроводив мат выстрелом из трофейного «парабеллума».

Военные прокуроры, выполняя приказы Верховного главнокомандующего и командующих фронтами, в январе – марте 1945 года возбудили уголовные дела против 4118 офицеров за пьяные дебоши, кражи, насилие над мирным населением. Все они были осуждены. А по указанию Сталина устроили еще и несколько показательных судебных процессов с вынесением смертных приговоров обвиняемым. Сурово карали прежде всего офицеров, возлагая на них ответственность за творящийся армейский беспредел. Но и рядовых наказывали отнюдь не мягко, и число их было в сотни раз больше.

Тогда, весной 1945-го, армию удержали, с трудом, но удержали в границах дисциплины и повиновения. Документы – безмолвные свидетели.

Из донесения начальника политического отдела 8-й гвардейской армии, гвардии генерал-майора М. Скосырева от 25.04.45 г.:

> *«В последние дни резко уменьшилось количество случаев барахольства, изнасилования женщин и других аморальных явлений со стороны военнослужащих. Регистрируется по 2–3 случая в каждом населенном пункте, в то время как раньше количество случаев аморальных явлений было намного больше».*

Из доклада начальника политуправления 1-го Белорусского фронта, генерал-лейтенанта С. Галаджева от 31.05.45 г.:

> *«Надо прямо сказать, что в частях фронта есть такие люди, которые никак не могут смириться с изменением отношения к немцам. Это в первую очередь те люди, семьи которых сильно пострадали от зверств немцев и имеют к ним личные счета мести. Особо распространены настроения, выражающие недовольство тем, что для немецкого населения установлены высокие нормы снабжения… Немцы в Берлине сейчас получают хлеба и других продуктов больше, нежели некоторые семьи военнослужащих в Советском Союзе».*

Из донесения члена Военного Совета 1-го Украинского фронта генерал-лейтенанта К. Крайнюкова от 04.04.45 г.:

> *«Немцы высказывают удовлетворение установленным для них режимом. Так, пастор города Заган Эрнст Шлихен заявил: „Мероприятия, проводимые советским командованием, расцениваются немецким населением как справедливые, вытекающие из военных условий. Но отдельные случаи произвола, особенно факты изнасилования женщин, держат немцев в напряжении“.»*

Черчилль выразил Сталину свои опасения случаями изнасилований европейских женщин советскими солдатами и офицерами. Сталин в присущим ему стиле заметил: «Конечно, в шестимиллионной армии, освобождающей Европу от Гитлера, не все ангелы. А чертей мы наказываем».

Следом за приказом Сталина о недопустимости насилия над немецким населением, через два месяца в «Правде» появилась статья начальника Управления пропаганды и агитации ЦК партии Александрова под названием «Товарищ Эренбург упрощает». Написанная по прямому указанию Сталина, статья предупреждала мастера науки ненависти о том, что пора перестроиться, что нельзя всех немцев считать преступниками и врагами.

Александров в основном обращался к памфлету Эренбурга «Хватит!», опубликованному в «Красной звезде» 11 апреля 1945 года. Все тот же знакомый, «сталинградский» эренбургский стиль: «Германии нет: есть колоссальная шайка, которая разбегается, когда речь заходит об ответственности. Капитулируют генералы и фрицы, бургомистры и помощники бургомистров, капитулируют полки и роты, города, улицы, квартиры. А в других ротах, в соседних домах или квартирах бандиты еще упираются, прикрываясь именем Германии».

И Александров указывает Эренбургу: советский читатель не может согласится с изображением Германии как единой «колоссальной шайки», не может согласится с утверждением писателя, что немцы все одинаковы и все они в одинаковой мере будут отвечать за преступления гитлеровцев. Красная Армия не ставит своей целью истребить немецкий народ.

Публичный выговор Эренбургу в меньшей мере был устроен для него. В конце концов его мог остудить и главный редактор «Красной звезды». Этот выговор публицисту скорее стал предупреждением для армии и обращением к ее англо-американским союзникам, к самим немцам. Статьей Александрова Сталин недвусмысленно дал понять, что осуждает

политику сплошной ненависти к немецкому народу.

Все было так. И в то же время член Военного Совета 1-го Белорусского фронта генерал Константин Телегин в докладе московскому начальству отмечает: «В настоящий момент в связи с переходом войск фронта на мирное положение, наибольшую опасность представляет общение военнослужащих с немецким населением. В мирных условиях это общение будет значительно шире, чем во время войны. Есть опасность, что наши люди будут сживаться с немцами, что в этой обстановке у военнослужащих может выветриться чувство ненависти к немецким поработителям»[43].

Опять ненависть. Генерал не дотягивал в своем понимании ситуации и находил единомышленников в Москве. При такой непоследовательности, противоречивой политике инерция ненависти, а заодно и разгильдяйства разных армейских чинов, укрощалась трудно.

Минуло почти полгода со дня окончания войны, а в справке Бюро информации Советской военной администрации в Германии от 3 ноября 1945 года констатируется: «Не изжитые до сего времени бесчинства военнослужащих Красной Армии также тормозят рост компартии (Германии. – *Э. М.*). Социал-демократы, и особенно буржуазные демократы умело используют подобные факты для своих внутрипартийных целей. Они говорят рабочим: „Вы намереваетесь стать коммунистами? Вот посмотрите, что творят красноармейцы. А кто такие красноармейцы? Это те же коммунисты. Неужели вы хотите стать такими?“»[44].

Но вот прошел и год с небольшим. И в январе 1947-го заместитель главнокомандующего Группой советских войск в Германии генерал армии Василий Чуйков на совещании командного состава говорит почти то же: «Несмотря на ряд моих приказов о водворении жесткой воинской дисциплины в войсках группы, военных комендатурах и общего порядка на территории советской зоны оккупации Германии, до сих пор отмечаются факты бандитизма, грабежей и насилия над местным населением и другие бесчинства. Все эти факты порочат Советскую Армию и способствуют враждебным элементам проводить агитацию и клевету против Советского Союза и Советской Армии»[45]. Конечно, бесчинств стало меньше, а за те, которые случились карали нещадно: рядовые и сержанты, уличенные в изнасиловании немок, получали 10–13 лет тюрьмы.

А ведь трудно было укротить эти сексуальные бесчинства уже не столько из-за ненависти насильников, она уже остыла, сколько из-за зависти, из-за вывернутой реакции на ухоженных женщин, даже переживших военные страдания, на небогато, но аккуратно

и кокетливо одетых, реакции на немецкий порядок, расчетливость и чистоту. Разность стилей жизни возбуждала не меньше, чем неконтролируемая похоть, провоцировала недалеких на бесчинства. И, конечно, оторванность от естественной жизни, в которой присутствуют женщины и дети.

А что американские оккупанты? Их вели в сексуальных приключениях прежде всего желания и чувство превосходства над немецкими, итальянскими и французскими женщинами. Их наказывали не сильно строго, хотя насиловали они не меньше красных воинов. Но насиловали «мягко». Женщин брали едой, сигаретами, нейлоновыми чулками, пенициллином и деньгами, в последнюю очередь. Здесь глаза открывает нам свободная пресса того времени – журналы и газеты «Тайм», «Лайф», «Нью-Йорк уорлд телеграф», Международное агентство новостей, агентство Ассошейтед Пресс и неистовый исследователь темы Остин Апп с его книгой «Изнасилованные женщины завоеванной Европы», сочинением, в котором автор остался не столько бесстрастным социологом, сколько пропагандистом. Но тем не менее ситуацию высветил.

Вот итальянская особенность принудительного секса. Житель Неаполя, рассказывает, что американские солдаты, среди которых большое число чернокожих, заставляли голодных и униженных итальянских женщинам отдаваться им. Так появилось поколение расовосмешанных детей, как наследие массовых изнасилований.

Вот свидетельские показания, данные в Сенате США 17 июля 1945 года. Когда колониальные французские войска под командованием Эйзенхауэра, – в большинстве своем африканцы, – вошли в немецкий город Штуттгарт, они согнали немецких женщин в метро и изнасиловали около двух тысяч из них. В одном только Штуттгарте войска под командованием Эйзенхауэра изнасиловали больше женщин за одну неделю, чем немецкие войска изнасиловали во Франции за целых четыре года.

Яркий американский писатель Джон Дос Пассос в журнале «Лайф» от 7 января 1946 года представляет читателям «краснощекого майора», считающего, что «похоть, виски и грабеж – награда для солдата». А вот другой американский военный откровенничает в журнале «Тайм» от 12 ноября 1945 года: «Многие нормальные американские семьи пришли бы в ужас, если бы они узнали, с какой полнейшей бесчувственностью ко всему человеческому „наши ребята“ вели себя здесь». Ему вторит армейский сержант: «И наша армия, и британская армия… внесли свою долю в грабежи и изнасилования… Хотя эти преступления не являются характерными для наших войск, однако их процент достаточно велик, чтобы дать нашей армии зловещую репутацию,

так что и мы тоже можем считаться армией насильников».

Журнал «Тайм» от 17 сентября 1945 года деловито информирует общественность, что правительство поставляло солдатам примерно 50 миллионов презервативов в месяц с занимательными картинками по их использованию. Это на трехсоттысячную американскую армию в Европе. При этом, как пишет тот же «Тайм» от 11 июня 1945 года, «приятное времяпрепровождение» американских солдат в Европе зависело в значительной степени от «сотрудничества» немецких и австрийских женщин. Сотрудничество за кусок хлеба, лекарства или за виски с сигаретами. «Крисчен сенчюри» 5 декабря 1945 года информирует публику: «Американский начальник военной полиции подполковник Джеральд Ф. Бин сказал, что изнасилования не являются проблемой для военной полиции, поскольку немного еды, плитка шоколада или кусок мыла делают изнасилование излишним. Задумайтесь над этим, если вы хотите понять положение в Германии».

Поежиться общественное мнение заставил доктор Джордж Н. Шустер, президент колледжа Хантер, который после посещения американской оккупационной зоны высказался на страницах «Католик дайджест» в декабре 1945 года: «Вы сказали этим все, когда вы говорите, что Европа является сейчас местом, где женщина проиграла многолетнюю борьбу за благопристойность, потому что только бесстыдные остались живы».

Сексуальная энергетика американских солдат воистину не знала границ. Когда жены американских солдат приехали в Германию, то они получили специальное разрешение носить военную форму, потому что американские солдаты не хотели, чтобы, оккупационные войска по ошибке приняли их за немок. Это сообщение лондонской Международной службы новостей от 31 января 1946 года. А в статье в «Нью-Йорк уорлд телеграф» от 21 января 1945 года ключевая фраза: «Американцы смотрят на немок как на добычу, подобно фотоаппаратам и люгерам».

И никак не пройти мимо одного из выводов медицинского отчета доктора Г. Стюарта, представленного генералу Эйзенхауэру: за первые шесть месяцев американской оккупации уровень венерических заболеваний возрос в двадцать раз по сравнению с уровнем, который был прежде в Германии.

Освобожденная Европа – арена второй сексуальной революции

К маю 1945 года Европа повержена и растерзана. Восточная прежде всего. Там немцы бились до последнего. Разрушенные, дымящиеся от пожаров города. Развороченные коммуникации. Развороченная жизнь, разорванный ежедневный порядок. В маленьких городках и селах поспокойнее. Но и там женщины без мужчин, дети без отцов. Все хотят есть. И тут приходят чужие солдаты. С запада и юга – американцы, канадцы, англичане, французы. С востока – русские. У них, западных и восточных солдат, есть еда, и они алчно смотрят на женщин. И часто не церемонятся. А женщины, уставшие без мужчин и без нормальной еды, готовы отдаться победителям и без насилия. В Вене один наблюдательный чиновник удивлялся бесцеремонности русских, искренне уверяя советских офицеров, что достаточно элементарной вежливости, чтобы добиться у австрийской женщины всего, чего захочется. И страх здесь был далеко не на первом месте.

Мораль и нравы катились вниз по всей Европе, превосходя сексуальные последствия еще не столь забытой Первой мировой войны. Женщины отдавались позорно легко. Здесь я буду обращаться к свидетельствам и наблюдениям нашего офицера-политработника, майора Бориса Слуцкого, потом известного советского поэта. Лучшее его творение – «Лошади в океане». Но это потом, в 50-е годы. А тогда, в 1945-м, Слуцкий, как офицер пропаганды, ориентированной на противника, прошел с войсками пол-Европы. Ценны его свидетельства в отношении того, что женщины уступали с позорной легкостью.

Почему в Венгрии светская дама, жена арестованного офицера, любившая своего мужа, отдалась советскому капитану на третий день их знакомства? Потому, что отчасти это вспыхнувшее влечение, отчасти беспутство, и, конечно, страх. Но вместе с густым и темным страхом, «раздвигавшим колени матрон и матерей семейств, были ласковость девушек и отчаянная нежность солдаток, отдававшихся убийцам своих мужей». Тех венгерских мужей, что не сдавались, а сопротивлялись до последнего патрона, в отличие от мужей румынских, легко сдававшихся, и болгарских мужей, перебежавших на сторону Красной Армии. Трагедия и загадка войны.

Как воспринимает все это наш офицер, интеллигент в

майорской форме? Послушаем его, очевидца тех сексуальных отношений, что захлестнули Европу 1945 года, и которые так закопало время: «Меня всегда потрясала, сбивала с толку, дезориентировала легкость, позорная легкость любовных отношений. Порядочные женщины, безусловно, бескорыстные, походили на проституток – торопливой доступностью, стремлением избежать промежуточные этапы, неинтересом к мотивам, толкающим мужчину на сближение с ними. Подобно людям, из всего лексикона любовной лирики узнавшим три похабных слова, они сводили все дело к нескольким телодвижениям, вызывая обиду и презрение у самых желторотых из наших офицеров. Конечно, знание языка способствовало ловеласам, так же как и нахальство, умение вовремя пригрозить, напугать. Но были люди, абсолютно бессловесные, к тому же девственники, которые развратились в заграничном походе, не выучив и десяти слов на иностранном языке»[46].

Вот это были истинные продукты той сексуальной революции, бушевавшей в Европе в 1945 году: девственники из тоталитарной страны, развратившиеся в заграничном походе.

Занятное дело – знакомиться с воспоминаниями фронтовиков о сексуальном беспределе в Европе. Пройдитесь по ним, и европейские страны засияют цветами сексуальной отзывчивости – от красного горячего до зеленого спокойно-нежного. Выражаясь сегодняшним языком, можно выстроить рейтинги сексуальной отзывчивости европейских стран победного 1945-го и первых послевоенных лет.

Конечно, Румыния здесь первая, горяче-красная. Слова «румынский разврат» понимались однозначно во всей наступающей Красной Армии. Что поражало наших в румынках, потомках древнего племени даков, уходящего корнями в индоевропейский этнос и обогащенного потом древними римлянами? Развитая, высокая грудь, которой было отмечено большинство этих жгуче-черноволосых женщин. Что свидетельствовало, говоря научным слогом, о высоком уровне полового гормона под названием эстрадил, стимулирующего половую страсть, гормона, который у этих женщин был в два-три раза выше в сравнении с женщинами с менее пышной грудью. Природная страсть румынок из века в век дополнялась социальными обстоятельствами. В румынской Констанце наши впервые встретились с борделями. Солдаты долго вспоминали Румынию 44-го как страну процветающего сифилиса. И в ходу была такая побасенка: румынский муж жалуется в советскую комендатуру по поводу того, что наш офицер не уплатил его жене договоренные полторы тысячи лей[47].

Следом Венгрия, страна, где «женщины, не столь развращенные, как румынки, уступали с позорной легкостью»[48]. Темноволосые, темпераментные венгерки, облагороженные легкостью поведения, передаваемого по наследству еще от тех времен, когда страна входила в Австро-Венгерскую империю, в которой царил культ еды, музыки и наслаждений, были открыты эросу. Он приходил к ним в разные годы, то в обличье крепкого мужика, то оборотистого хозяина, то элегантного господина своих же кровей, а теперь вот солдата из России, гнавшего немца на запад, и давал любой женщине – селянке, аристократке, красавице и уродке, молодой или солидной матроне – счастливый шанс в полной мере ощутить себя женщиной, дающей и наслаждающейся. Венгры не стеснялись говорить: «Когда другие идут на площадь, мы предпочитаем идти домой ужинать и в постель».

Австрия, третья в ряду сексуальной отзывчивости. «Австрийки не оказались чрезмерно неподатливыми. Подавляющее большинство крестьянских девушек выходило замуж „испорченными“. Солдаты-отпускники вермахта чувствовали себя как у Христа за пазухой. А уговорить жительницу Вены труда не составляло, если вы просто галантны»[49]. Такой менталитет – наследство все той же австро-венгерской монархии, особой венской культуры, открытой разным языкам и влияниям и впитавшей в себя нравы и особенности сексуального поведения, пришедшие из Черновиц, Германштадта, Триеста, Праги и Будапешта и расцветшие на австрийской ниве. По стечению обстоятельств, в свое время в Вене творил Зигмунд Фрейд, подаривший миру понятие «либидо», и это стало определенной торговой маркой австрийской женщины, как правило, не осознававшей этого, но остро чувствующей по Фрейду зависть к пенису.

С запада в наш рейтинг вклинилась Италия 45-го года, которую извращенный Курцио Малапарте представил как знамя: «истинное знамя Италии – не трехцветное полотнище, а половые органы… И весь патриотизм итальянского народа там, ниже лобка»[50]. Американские солдаты вволю насладились гостеприимством итальянок. По крайней мере, американцы были защищены презервативами, чего не хватало немцам, когда они там видели себя хозяевами. В руки советских генералов попал приказ по германской армии, в котором говорилось о срочных поставках больших партий презервативов для группы войск в Италии, где резко вырос процент венерических заболеваний среди немецких солдат.

Теперь Франция, пятая по счету в ряду сексуальной

отзывчивости в Европе 45-го года. Франция, страна, отягощенная давними сексуальными традициями, что гирями висели в ее недолгой войне с Гитлером. В 1940 году Франция легла под немца за восемь недель. В апреле немецкие солдаты перешли французскую границу, а 15 июня они топтали Париж. Французские солдаты разбежались после первых ударов, хотя оружием были не обделены. Полками сдавались. Почему?

В безыскусной фразе героини фильма Режи Варнье «Французская женщина», которую она обращает к своему мужу, отпущенному из плена, есть ответ: «Ты трус, а я шлюха!»

Безжалостная прямота от имени простых французов. А про состоятельных тогда говорили, что у них чувство собственности взяло верх над волей к победе. Благосостояние остановило решимость сопротивляться. Они хотели спасти свою собственность, парижские здания, спасти красоту Франции и покорились немецкому солдату. Приказ «Ни шагу назад!», что стал реальностью войны с тем же врагом в Советском Союзе, не мог появиться в цивилизованной Франции. Цивилизация предполагала другое: «Ты трус, а я шлюха!»

Мужчины в плен, женщины – в постель. Нет, с немцами пошли спать отнюдь не все женщины Франции. Но взрыв секса с соотечественниками накрыл страну, и оккупированную часть и марионеточную территорию – «зону Виши». Франция протестовала против оккупации, против «проклятых бошей» расцветом эротики и секса. Под немецким сапогом стране помог выжить французский секс, искрящийся, как шампанское, легкий и приятный, дарящий наслаждение и отрешение от мира сего хотя бы на полчаса.

Я обращаюсь к строкам теперь уже забытого во многом французского писателя Анри де Монтерлана, который откровенничал в своих парижских очерках 1944 года: «Парижанин не сделает ничего, чтобы спасти свою землю или свою жизнь. Но ради рожи, ради ляжек, ради зрелищ он обернется с изумительной расторопностью и восстановит положение буквально в несколько дней… Покупают мороженое (при отсутствии мороженного). Рубашки посетителей (ресторанов, театров и кино. – *Э. М.*) безупречны (при отсутствии прачечных). У всех добротная обувь, а зимой – перчатки (при отсутствии кожи). В маленьком ресторанчике с порционными блюдами, где я пообедал… я был, пожалуй, единственным, кто не питался на черном рынке».

После чтения Монтерлана я листаю журнал «Иллюстрасьон», майский номер 1940 года, вышедший за три недели до вступления немцев в Париж. Журнал переполнен рекламой.

«Корсет „Скандаль“, который работает на добрую славу французских товаров».

«Бриллиантин для женщин на касторовом масле по рецепту доктора Рожа».

«Подписывайтесь на облигации военного займа, который, как пулеметная лента, остановит врага».

«Изысканные чулки „Монтегю“ – матовые, прочные, прозрачные, последний крик моды».

Французские интеллигенты уверяют, что в годы оккупации им помог выжить еще и театр. После спектаклей актрис и женщин из публики, имевших связь с «черным рынком», объединяли общие интересы.

– Мне нужны бежевые нейлоновые чулки. Вы не узнаете, есть ли мой размер?

– Когда будут, я вам принесу.

– У меня нет сейчас денег, но мне очень хочется иметь такие чулки. А пока вот рисую их на ноге.

– Вы шутите?

– Нет! Сначала аккуратно рисуешь шов, потом общий фон – краской.

– Какая утонченность!

– Шов делается щипцами, но нужна помощь, желательно мужчины…

Француженки хотели выглядеть, хотели нравиться, хотели забыться в любовной горячке, пусть даже и откровенно похотливой. Когда генерал де Голль, стремившийся сохранить честь и достоинство Франции, призывал из Лондона сопротивляться немцам, идти в его армию, бороться за освобождение страны, его призыв достигал ушей немногих. Где-то было действительно французское сопротивление, была трагедия французских евреев, вывозимых в лагеря смерти, а французские обыватели жили сексом, бывшим для них средством выживания и сопротивления. Но и среди них появлялись коллаборационисты, которые сотрудничали и дружили с немцами. Это известный танцовщик Серж Лифарь, ярчайший актер французского кино Виго, знаменитая актриса Даниэль Дарье, не менее знаменитая актриса Арлети, не скрывавшая, что она любовница высокого немецкого чина. Имена сии можно множить, но после освобождения Франции де Голль их не простил.

А когда началась высадка союзников, когда американские и канадские солдаты, зацепившись за нормандские пляжи, потом пошли на Париж, в стране случился новый взрыв эротизма. Я обращаюсь опять к Монтерлану, его впечатлениям от тех головокружительных днях августа 1944 года: «Я с симпатией

вспоминаю и о взрыве эротизма с начала высадки союзников. Эротизма, обреченного на жестокую смерть, на которую нам оставляют право и пр. Бои идут в ста пятидесяти километрах от Парижа, часть Франции опустошена, французский народ живет в аду; и находятся женщины… которые готовы рисковать жизнью, чтобы утешить несчастных. Впрочем, я не могу исключительно порицать положение в Париже (и я буду последним, кто имеет право на это, потому что я в Париже и сам наслаждаюсь вовсю). Я вижу в этом испытание на живучесть».

Французские женщины восторженно принимали американцев и канадцев. Публичные дома сразу перешли от обслуживания немцев к обслуживанию клиентов-освободителей. В известный город Канн вдохнуло жизнь новое распутство, связанное с приходом союзников. Власти не трогали проституток. Они лишь отдали им особый квартал. Популярность у солдат придавала им смелость в тиражировании хмельного распутства. По всему канадскому побережью гремело имя «Мамочки» – тридцатилетней хозяйки публичного заведения, отличавшейся веселым нравом и завидными сексуальными достоинствами.

Но таких «мамочек» тогда во Франции было не счесть. У каждой своя история, но у всех общая вершина – день, когда будущая «мамочка» начала пропускать через себя мужчин. Жизнь рождала таких женщин, впрочем, как и тех, что посылали сыновей на фронт, после которого их сыновей ждала все та же «мамочка». И посещение ее после крови, грязи и вони войны очищало и умиротворяло. Среди солдат, вернувшихся с европейского фронта в свою Америку и Канаду, долго был в ходу при встречах тост: «За здоровье Мамочки, самой большой б… во всем мире!»

Типичная французская ситуация тех лет. Ликующие горожане встречают американских и канадских солдат. Танки, грузовики, джипы медленно ползут по запруженной народом улице, едут и шагают освободители. Нетерпеливые француженки, смело задирая платья, лезут на грузовики, целуют солдат, норовя все больше в губы. А ближе к вечеру встречи в темных провалах улиц и дворов… Она тоже долго и протяжно целовала канадца, жена булочника. Муж еще в плену, никаких известий. Ночь с канадцем была жаркой, а утро опустошенным и каким-то легким. А через месяц она почувствовала, что беременна. Сначала досада, злость на себя, а потом: «Ну и ладно». Когда подошло время, родила и оставила ребенка у кормилицы. А в мае 45-го неожиданно вернулся муж. Той же ночью, когда он, изголодавшийся по женскому телу, удовлетворил первую страсть, она призналась… Он больше не заснул. Он спустился вниз, достал выстаивавшееся

тесто и начал его месить. Молча и сосредоточенно, иногда с каким-то остервенением. А потом делал булки и пек их, методично загружая в печь противень за противнем. Все так же молча и сосредоточенно. Когда он испек весь хлеб, то сказал ей: «Мы расстанемся». Развели их быстро, ибо тогда во Франции с женами пленных не церемонились. Так и жила она потом одна, воспитывая дочь, нагулянную от канадского солдата. Тогда во Франции много было этих женщин, разведенных и не разведенных, но подаривших освободителям свое тело на несколько часов. Эти-то часы американцы и канадцы долго помнили у себя на родине. Мимолетные встречи, но впечатление, въевшееся на всю жизнь. Потому что контраст, потому что из горячки боя в мягкость постели, потому что рука, привыкшая держать автомат, в шоке от мягкой податливости груди.

А кто-то вообще тогда с головой погрузился во французское распутство и, вернувшись в родной штат Мичиган или Колорадо, предлагал своей жене или подружке любить себя по-французски. Освободители Франции в своей чопорной тогда Америке сгорали от желания научить своих женщин всему, что им показала «мамочка». И они таки научили своих жен и подруг французской любви. Незабываемые времена открытий и единения континентов и стран.

А вот и Германия, следом за Францией в рейтинге сексуальной отзывчивости. Германия в силу своей ментальности здесь выступала основательно и наследственно тяжело. Немецкая сексуальная жизнь, что портвейн или мадера вперемешку со шнапсом, и в отличие от легкого французского шампанского, основательно и тяжело хмелили голову. В 30-е годы в Германии женщина как награда, как предмет украшения, вожделения и производства потомства («Родине нужны солдаты – истинные арийцы»).

Зловещий рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер и глава партийной канцелярии Мартин Борман объединились в создании нового законодательства о браке. Педант Гиммлер, содержавший на свою зарплату жену и любовницу, имевшую от него детей, и Борман, жена которого нарожала ему и рейху восьмерых малышей, и который хвалился Гитлеру своей сексуальной агрессивностью, сначала озадачились философией брачного закона. За исходную ситуацию брали, конечно, войну и ее последствия. Оба считали, что после войны три-четыре миллиона немецких женщин останутся незамужними. Осчастливить этих несчастных можно было, только сделав их матерями. И право на это могло принадлежать «порядочным, волевым, физически и психически здоровым мужчинам». Для их отбора разрабатывался особый

порядок, который давал возможность «вступления в прочные брачные отношения не только с одной женщиной, но и еще с одной». Это предлагал Борман в своем меморандуме, а Гиммлер его дополнял: право вступления во второй брак дается как высокая награда героям войны, кавалерам золотого «германского креста» или «рыцарского креста». Потом это право касалось кавалеров «железного креста» первой степени и обладателей золотого или серебряного знака участника рукопашных боев. За этой логикой – философия поощрения воина, выдержанная в традициях Римской империи и непритязательно сформулированная Гитлером: «Лучшему воину достается самая красивая женщина… Если немецкий мужчина-солдат готов безоговорочно умирать, то он должен тогда иметь и свободу безоговорочно любить. Борьба и любовь всегда были связаны друг с другом. Пусть обыватель радуется, получив то, что ему останется». По-гитлеровски, воину-победителю лучшую женщину, всем остальным – что останется. Советскому солдату, вступившему в Германию в 1945-м – выходит тоже.

А в штабе рейхсфюрера СС по-хозяйски, педантично выстраивали параграфы уложений в соответствии с этой философией любви: «Все незамужние и замужние женщины, если у них нет четверых детей, обязаны до достижения возраста в тридцать пять лет произвести с безупречными в расовом отношении немецкими мужчинами четверых детей. Являются ли эти мужчины женатыми или нет, не играет при этом никакой роли. Каждая семья, уже имеющая четверых детей, должна отпускать мужа для этой акции».

Готовя нацию к введению этого закона, Гиммлер отдал приказ, в котором объявил, что патриотический долг каждого эсэсовца произвести по крайней мере четырех детей. В 1939 году он усовершенствовал приказной текст, и теперь, согласно его новой редакции, каждому мужчине в СС предписывалось «оплодотворять своих жен, и по возможности служить в качестве „помощников зачатия“ для бездетных женщин в возрасти тридцати лет и старше»[51].

А почему устанавливалась квота в четыре ребенка для эсэсовской семьи? А потому что, аргументировал Гиммлер, «народ, который имеет в среднем по четыре сына в семье, может отважиться на войну, ибо, если двое погибнут, то оставшиеся двое продолжат свой род». Ну а если среди четырех детей будут девочки, что нарушает военный баланс, то недостачу мальчиков предписывалось восполнить оплодотворением женщин на стороне. Что и предусматривалось данным приказом.

Для производства детей на стороне в порядке эксперимента

была создана опытная организация «Лебенсборн» («Источник жизни»). Цель ее, согласно учредительным документам, – содействие массовому рождению «высококачественных» в расовом отношении внебрачных детей, содержанию и воспитанию их. Женщинам-добровольцам организация подбирала арийских производителей. Организация состояла из сети родильных домов, и первый такой дом открылся в 1936 году близ Мюнхена. Родившиеся дети либо оставались у матерей, либо до определенного времени сохранялись в этих домах, а потом их отдавали на воспитание в семьи, отобранные нацистами. Дома «Лебенсборн» содержались за счет некоторого удержания из жалованья офицеров СС, а большей частью за счет банковских счетов и собственности евреев[52].

Одержимость сексуально-расовыми новациями терзала всю нацистскую верхушку. Даже жены лидеров рейха свято верили в важность массового производства побочных детей. Герда Бух, супруга Бормана, постоянно твердила о необходимости официального введения для «расово высокоценных» арийских мужчин института вторых, побочных жен. И даже разрешила иметь такую своему мужу – рейхсляйтеру Борману. В этой роли оказалась ее же подруга, киноактриса Маня Беренс. После первой ночи с ней Борман письмом информирует жену: «Я овладел ею, несмотря на ее отказы. Ты знаешь мою силу воли, и долго Маня не могла сопротивляться. Я буду долго в хорошей физической форме, так как моих сексуальных возможностей вполне хватит на двоих женщин».

Немецкий педантизм вкупе с филистерским романтизмом, столь свойственным деятелям рейха, диктовал идеал немецкой, именно «нордической» женщины, претендующей на роль побочной жены или самки-производительницы. Эти сильные, целеустремленные женщины, по проекту Гиммлера, должны были учиться в специальных женских академиях знаний и культуры, чтобы стать достойными представительницами германской расы во всем мире. Стоит процитировать Гиммлера, теоретика женского вопроса в Германии:

«Когда мужчина вынужден всю жизнь жить с одной женой, он начинает изменять ей, а потом превращается в лицемера, пытаясь скрыть измену. В результате между партнерами возникает отчуждение. Они избегают объятий друг друга и, в конечном счете, перестают производить детей. Именно по этой причине миллионы детей так и не появились на свет – детей, которые так нужны нации… Лично я считаю, что отмена моногамии станет шагом вперед в нашем развитии. Брак в современном виде – это дьявольская игра католической церкви… С введением

двоеженства одна жена будет стимулировать другую, и в результате обе будут соревноваться за любовь мужа – и больше никаких растрепанных волос, никакой неряшливости. Образцами для подражания станут красавицы с картин и с экранов кинотеатров»[53].

В гитлеровской Германии публичных домов, этого атрибута ущербных либеральных обществ, по мнению Гитлера, было мало. Германия того времени сама была одним гигантским публичным домом.

Об этом хорошо у Ремарка. Солдат приехал с фронта в отпуск и пришел к своей девушке.

– …Только выйди из комнаты, пока я переодеваюсь. А то фрау Лизер еще донесет, что я занимаюсь проституцией.

– Ну, на этом ей сыграть трудно. В отношении солдат это считается занятием патриотическим[54].

Женщина, как производитель отборных детей, – святая материя в Германии Гитлера. «Дети, дети и еще раз дети – как можно больше детей, вот почему в этом вопросе мы должны действовать смело и решительно, даже рискуя вызвать еще большее недовольство церкви» – это Гиммлер.

Марта была членом союза немецких девушек. Каждое лето члены союза отправлялись в летние лагеря. Там их образовывали и воспитывали походами, сельскохозяйственными работами, гимнастикой, играми и музыкой. Там Марта и забеременела. Родители возмущались. Но Марта принадлежала к новому поколению, и она знала, что в лагерях сексуальные отношения, кончавшиеся беременностью, поощрялись руководством союза. И рожденный ребенок назывался «кинд фюр фюрер» – ребенок для фюрера.

Женщина, как предмет украшения мужчины, элиты, общества, наконец. Об этом заботилась пропаганда, прежде всего киноиндустрия, выкраивая женский стиль, стимулирующий мужчин. Мужская элита сама выбирала себе женщин для украшения. Было устное указание Гитлера: на приемы, массовые акции, на всевозможные встречи и представления женщин приглашать самых видных, известных, красивых, сексуально привлекательных. Такой неприкрытой демонстрации женщин как вещей, мир еще не пережил. Рядом с вождями рейха постоянно видели известных, лицом красивых актрис или просто ярких женщин: Марику Рекк, Зару Леандер, Ренату Мюллер, Лиду Баарову, Маню Беренс, Ольгу Чехову, Лени Рифеншталь, Паулу Весселу, Лили Дагобер, Винифред Вагнер.

Ольга Чехова: «На одном из… приемов мне удается шокировать его (Гиммлера. – *Э. М.*): я являюсь в глубоком

декольте. Он каменеет от изумления. „Когда женщина сильно обнажается, это приводит его в исступление, – рассказывают мне те, кто его близко знает. „Это на него похоже“, – думаю я, „прошелестев“ мимо». Утилитарного, серого педанта Гиммлера декольте раздражало, яркого пропагандиста Геббельса – зажигало, толкало на сексуальные подвиги с актрисами.

Женщина в Германии Гитлера – это и предмет вожделения, скроенный по типу героинь из кинофильмов. Немецкая женщина равняется на киноэталон. Ей помогают равняться индустрия женской моды и косметики. Чего-чего, а в Германии действительно процветал вещный мир для украшения и обустройства женщины как предмета вожделения. По настоянию Гитлера в течение всей войны производство одежды, белья, пудры, помады, духов и презервативов сохранялось на высочайшем уровне. Это объяснялось необходимостью поддержания высокого морального духа. Даже в критические для Германии дни Гитлер запретил министру вооружений Шпееру привлекать женщин для работы на предприятиях. Однажды было заявлено, что «место немецкой женщины дома, а не на фабрике». И этому принципу следовали все годы существования рейха. На германских заводах работали пленные и работники с Востока, которых эшелонами вывозили в Германию.

Гитлер страшно гордился тем, что немецкие химики уже в 1938 году создали синтетическое волокно для чулок, обогнав американских спецов. В Германии уже в конце тридцатых немецкие женщины из высшего общества поражали мужчин матовостью и прозрачностью нейлоновых чулок, столь заманчиво украшавших их ноги. Американская компания «Дюпон» лишь в 1940 году создала нейлоновый бум для женщин Америки, но немцы создали свой нейлоновый бум первыми. Как первыми они оказались и в производстве искусственных фаллоиммитаторов. Один из таких поразил Василия Рясного, когда он, начальник отдела НКВД, утром 22 июня 1941 года проводил обыск в немецком посольстве в Москве и наткнулся на него, переворошив постель помощницы первого секретаря посольства. Рассматривая эту диковинную штуку с фирменным клеймом немецкой «резиновой» фабрики, он нечаянно сжал ее и получил плевок молоком в лицо. Большие искусники были немцы по части сексуальных утех. Наших солдат поражало огромное количество фривольных журналов и отличных по качеству порнографических открыток в захваченных немецких блиндажах. А ведь все это было частью немецкого повседневного быта.

После оккупации Германии войсками союзников в стране продолжали работать публичные дома, которые были

принадлежностью каждого среднего и крупного города. А витрины справочных бюро и стены домов в них украсились бесчисленными объявлениями типа: «Молодая вдова 29 лет, блондинка с правильными чертами лица, любящая природу, муж погиб на фронте, ищет человека не старше 50 лет с целью совместных прогулок. Брак не обязателен». Или: «Молодой человек 42 лет, брюнет, на хорошей должности, не принадлежал к нацистской партии, ищет молодую девушку 19–20 лет, блондинку, рост не меньше метра шестидесяти, с целью совместного времяпрепровождения».

Когда пришли в Германию русские с Востока, американцы с англичанами и канадцами с запада, немки встречали их с ужасом и интересом. Голод, кровь, разруха, парализованная жизнь, но у женщин сексуальный интерес к пришельцам, а у немецких мужчин – ревность к оккупантам, проявляющим интерес к их женской половине.

Не только нравы, скудная еда, разжигали страсть, а то и похоть. Европейский быт подталкивал к свободной любви. Властвовал принцип – право постоя. Это когда в любую семью, независимо от того, были ли там мужчины или пожилые женщины, определяли на жительство молодого офицера – русского, американца, англичанина. И при этом никакой огласки складывающихся отношений между постояльцем и хозяевами – европейские квартиры и дома стойко хранили тайны семьи от соседей, там не было общих коридоров, кухонь, туалетов и ванных комнат. Порой уклад квартиры или дома определял наполненность сексом. Это была другая, но весьма неожиданная грань сексуальной революции, столь победно шествующей тогда по Европе. Такая вот культурно-бытовая грань ширящегося секса. Как и другая – презервативы как сексуальный символ оккупации.

Что у нас было с презервативами в любвеобильной Европе? Как всегда, не хватало, а чаще просто не было. И еще Геббельс напугал европейских женщин, когда начал печатать в газетах документы о большевистских зверствах, выявленных при отвоевании города Фельбаха. И в них утверждалось, что все девушки и женщины, уцелевшие в городе от убийств, заражены сифилисом и триппером. В трактовке немецких газет, естественно, от советских солдат. Но вот прошло две недели, как советские войска вошли на территорию Германии. И городская лечебница Граца провела медицинское освидетельствование 174 женщин, изнасилованных в этой местности. И только семь из них оказались отмечены триппером. Наша армия оказалась самой чистой среди союзнических войск в Европе. Хвала санитарному управлению тыла Красной Армии. Геббельсовский бред о

поголовной зараженности советских солдат разбился о сексуальную практику германских женщин. Молва об этом перелетела границы Германии.

Перескажу одну историю, случившуюся в той же Германии, основываясь исключительно на воспоминаниях уже известного нам профессора Плимака. Она касалась его, тогда, в 45-м, двадцатилетнего парня. История в какой-то мере типичная для отношений наших военных с немецкими женщинами. Майор Никитин, командир разведывательного батальона, лихой был офицер. Самые невыполнимые задания вешали на него, зная, что будут выполнены. Пять честно заслуженных орденов были его. Но известен он был еще и победами на женском фронте. И не стесняясь называл число этих побед – 71, к тому времени, как с Плимаком они оказались в немецком городе Гера. Задача на сей раз была проста: подобрать особняки для отделов штаба армии и для проживания начальства. Разместившись в гостинице, вызвали бургомистра. Ему и изложил молодой Плимак приказ Никитина: очистить к утру дома, которые были выбраны. А когда бургомистр собрался было уходить, сказав, что все будет сделано, Никитин лениво произнес: «Да, переведи ему еще: пусть пришлет вечером двух баб». И бургомистр прислал. Приказ есть приказ. Пришли две женщины, брюнетка и шатенка, которую звали Анни. Быстро накрыли на стол, присутствовал традиционный набор – русская водка, американская тушенка, шоколад. Брюнетка набросилась на еду, а Анни сидела вцепившись в кресло и даже не пыталась что-то съесть. Разговор она не поддерживала, была напряжена и испугана. Майор, сначала было выбравший ее, махнул рукой и скоро уединился в своем номере с безотказной брюнеткой, ставшей теперь 72-й женщиной в его послужном списке. А девственник Плимак всю ночь просидел с этой Анни, которая постепенно оттаяла и рассказала о себе. Она оказалась беженкой из Берлина, где работала в какой-то фирме. Муж пропал на Западном фронте еще в 1944 году. А когда бомбежки столицы усилились и жить стало невыносимо, уехала с восьмилетней дочерью в Геру, к родственникам. Сбережений у нее не было, работу в переполненной Гере она не нашла и начала продавать себя. Сначала местным бюргерам, потом американцам, которые заняли Геру. И вот теперь в город пришли русские, и она получила приказ явиться к ним. В этой болтовне они встретили утро. Когда она уходила, Плимак всучил ей пачку немецких марок, благо их отбирали у пленных немцев немерено и зачастую выбрасывали. Анни была поражена такой щедростью. Для немцев эти деньги тогда никто не отменял. Прошло несколько недель. И Плимак встретил случайно на улице эту Анни. Она узнала его, и

они разговаривали уже как старые знакомые. Прощаясь, она сказала: «А может, у тебя в Гере есть свой особняк? Я бы пришла к тебе в гости…» Хитрый Плимак на другой день реквизировал на отдаленной от штаба улочке небольшой дом, с комнатой, имевшей отдельный выход. Анни пришла к нему в тот же вечер. Это была другая, нежели в гостинице женщина, веселая, нарядная, в платье в крупную клетку. Но как-то все не складывалось, не клеилось. И тогда она сказала зло: «Неужели все русские медведи такие робкие?» Встала, выключила свет и начала раздеваться… Теперь каждый вечер приходил Плимак на свидание с ней в эту комнату с темными обоями, с невнятным рисунком. Незабываемые вечера. Но все кончается когда-то. Анни решила вернуться в Берлин, у родственников в Гере жить становилось невмоготу. Пристроил ее Плимак на попутную армейскую машину. И уехала женщина, сделавшая его мужчиной. Но на этом история не кончается. Плимак скоро получил назначение в Берлин, в аппарат советской военной администрации. Там, в Берлине, он нашел свою Анни, которая жила во французской зоне оккупации. Холодным январским днем 1946 года он пришел в ее дом, на четвертом этаже разыскал ее квартиру, постучал… Вышла она, удивилась, прижалась к нему как раньше и сказала: «Не надо, милый, не ходи сюда больше. Муж жив, сейчас в Гамбурге, скоро вернется, не надо, не ходи…»

Вот такая история. Война, безденежье, голод, продажа себя, благодарность освободителю с Востока, возвращение к мужу, слова признания напоследок в память о скоротечной любви: «Милый, не ходи…» Это все случилось в Германии.

Но была одна страна в полосе наступления советских войск, что являла определенную сексуальную стойкость по отношению к освободителям. И она последняя в нашем рейтинге, вследствие своей сексуальной неотзывчивости. Страна эта – Болгария, самая стойкая твердыня в сексуальном угаре той, послевоенной Европы. Наших солдат поразила суровая недоступность болгарских женщин. Это единственная страна, где наших офицеров на гуляньях сопровождали местные мужчины, женщины никогда. Случаи насилия вызывали всеобщее возмущение. В Австрии болгарские цифры насилий остались бы незамеченными, а в Болгарии австрийские цифры привели бы к всенародному восстанию против нас – несмотря на симпатии и танки[55].

Как делался миф об изнасилованной Европе

В начале 1945 года в кинотеатрах Германии показали очередной выпуск кинохроникального журнала «Дойчевохеншау». Зрители были в шоке от кадров, запечатлевших женщин и девушек, по словам комментатора, изнасилованных и убитых советскими солдатами. Это эпизод оказался привязан по времени к осени 1944 года, а по месту – к району в Восточной Пруссии, который тогда на короткий период заняли советские войска.

Сюжет о насилии сделали по указанию Ханса Хинкеля, человека Геббельса, директора киноотдела министерства пропаганды и главного директора имперского кино. Хинкель после прихода нацистов к власти стал государственным комиссаром Пруссии по науке, искусству и народному образованию. А потом Геббельс сделал его спецкомиссаром по искоренению «еврейского» влияния в немецкой культуре. В середине 44-го года Хинкель с энтузиазмом взялся за претворение новой идеи Геббельса: лозунгом пропаганды должна стать тотальная борьба против большевизма, и этот лозунг нужно повторять снова и снова.

Тотальная борьба против большевизма требовала постоянной демонстрации ужасов и зверств его. Первая такая пропагандистская демонстрация была на тему о «зверских расправах большевистско-еврейского сброда над украинскими и латышскими националистами»[56]. Потом одноразовые акции свели в кампанию под слоганом «Большевизм – смертельный враг Европы». Когда в Катыни, что под Смоленском, полицией СД были обнаружены останки польских офицеров, расстрелянных чинами НКВД в 1940 году, германская радиослужба новостей провозгласила: «Массовое зверство евреев-большевиков в Катыне, жертвами которых пали двенадцать тысяч польских офицеров, вызвали возмущение всего цивилизованного мира»[57]. В мае 1944 года Розенберг сравнил большевизм, «это сатанинское мировоззрение» с новейшим типом диких орд, надвигавшихся на Европу из степей Центральной Азии, «извращенным неомессианством востока»[58]. И вот когда в октябре 1944 года войска генерала Ивана Черняховского, одного из самых способных и симпатичных сталинских полководцев, вошли в Восточную Пруссию и с боями пробивались к ее столице Кенигсбергу, Геббельс дал указание прессе и радио рассказать о жестоких изуверствах и пытках, которые выпали на долю

немецкого мирного населения[59]. В русле этого указания и действовал Хинкель.

Были небольшие города в полосе действий 3-го Белорусского фронта, которые наступавшие оставляли, потом снова брали. Один из таких оставленных городов Хинкель выбрал для съемок. Приходилось торопиться, ибо город уже брали с другого направления. Трупы женщин, погибших от артиллерийского огня, от действий войск на городских улицах, подготовили к съемкам: задрали на них юбки, стянули белье, раздвинули ноги. И главное – нашли «свидетелей». Несколько испуганных горожан лепетали о русских солдатах-зверях. А в кинохронике закадровый голос вещал, что русскими при взятии города 62 женщины изнасилованы и убиты. После таких сюжетов предполагалось, что немцы будут сражаться за каждую улицу, за каждый дом.

Вероятно, под влиянием таких сюжетов из геббельсовского кино и цитируемых нацистским радио слов из памфлетов Ильи Эренбурга командующий немецкой армейской группой «Норд» подписал приказ, что сочинили его штабные:

«Илья Эренбург призывает азиатские народы пить кровь немецких женщин. Илья Эренбург требует, чтобы азиатские народы наслаждались нашими женщинами: „Берите белокурых женщин – это ваша добыча“. Илья Эренбург будит низменные инстинкты степи. Подлец тот, кто отступит, ибо немецкие солдаты теперь защищают своих собственных жен».

Чем же ответил Эренбург, когда ему показали этот приказ? Он написал памфлет «Белокурая ведьма», который опубликовала «Красная звезда» 25 ноября 1944 года. 27 строк всего. Но каких?! Разжигающих ненависть по обе стороны фронта. Зовущих мстить одних, а других держаться до последнего. Вот частичка этого жалящего текста:

«Цитаты, которые немецкий генерал приписывает мне, выдают автора: только немец способен сочинить подобную пакость. Фрицы – это профессиональные насильники, это блудодеи с солидным стажем, это потомственные павианы. Они загрязнили всю Европу. Напрасно генерал уверяет, что мы идем в Германию за немецкими самками. Нас привлекают не гретхен, а те фрицы, которые оскорбляли наших женщин, и мы говорим напрямик, что этим немцам не будет пощады. Что касается немок, то они вызывают в нас одно чувство: брезгливость. Мы презираем немок за то, что они – матери, жены и сестры палачей. Мы презираем немок за то, что они писали своим сыновьям, мужьям и братьям: „Пришли твоей куколке хорошенькую шубку“. Мы презираем немок за то, что они воровки и хипесницы [60].

Нам не нужны белокурые гиены. Мы идем в Германию за

другим: за Германией. И этой белокурой ведьме несдобровать».

«Тотальная война или победа большевизма» – так заострил вопрос Геббельс. Напуганные немцы старательно воевали, трудились и страдали, чтобы не пустить большевиков в Германию. Не всему, к чему призывал Геббельс, верил немецкий обыватель. Но в сексуальную дикость русских верил. Пропаганда Геббельса на последнем своем издыхании работала над тиражированием мифа об агрессивной сексуальности солдат Красной Армии, о поголовных изнасилованиях немок на территориях, занятых «красными».

Установка на такой миф исходила от самого Геббельса: «В лице советских солдат мы имеем дело со степными подонками… В отдельных деревнях и городах бесчисленным изнасилованиям подверглись все женщины от 10 до 70 лет. Кажется, что это делается по приказу сверху, так как в поведении советской солдатни можно усмотреть явную систему».

А так как в рамках тотальной войны был провозглашен новый подход в подаче информации, суть которого в большей оперативности и откровенности, то миф о сексуальной агрессивности русских «раскручивали» оперативно и откровенно, с множеством «деталей». Репортерский подход для кинохроники перемежали пропагандистскими уловками. Агент распространял слух: «Большевики не причиняют никакого вреда населению в оккупированных ими районах рейха»[61], по которому били контрслухом: «Они совершают вопиющие сексуальные зверства». «Главное – создать мобилизующую атмосферу страха, возбуждаемого „большевистскими вакханалиями“», – требовал Геббельс. Компания страха, начатая в 1943 году, заполонила Германию в конце войны, в 1945-м. И порой русских, входивших в немецкий город, встречали трупы пожилых немцев, повесившихся в своих домах, – «лучше повеситься, чем погибнуть от рук зверей с востока».

Мифологию сексуальных зверств русских, крепко сколоченную немецкими профессионалами пропаганды на основе массовых случаев красноармейского сексуального распутства, подхватил в наше время британский историк Энтони Бивор. Немало эпизодов по этой части напихал он в свою книгу «Падение Берлина. 1945». Из ужасных, затмевающих фантазию, например, такой:

«Берлинцы помнят пронзительные крики по ночам, раздававшиеся в домах с выбитыми стеклами. По оценкам двух главных берлинских госпиталей, число жертв, изнасилованных советскими солдатами колеблется от 95 до 130 тысяч человек. Один доктор сделал вывод, что только в Берлине было

изнасиловано примерно 100 тысяч женщин. Причем, около 10 тысяч из них погибло, в основном в результате самоубийства. Число смертей по всей восточной Германии, видимо, намного больше, если принимать во внимание 1 миллион 400 тысяч изнасилованных в Восточной Пруссии, Померании и Силезии. Представляется, что всего было изнасиловано порядка 2 миллионов немецких женщин, многие из которых (если не большинство) перенесли это унижение по нескольку раз»[62].

Впечатляющая сексуальная бухгалтерия, мало согласующаяся с правдой тех дней и по количеству, и по мотивам «сексуальных» случаев. По крайней мере, если двигаться от наших архивов. Занятно и другое. Вероятно, трудно дается Бивору понимание широты русской страсти в ее сексуальном выражении, захлестнувшей женщин Европы, и чего скрывать – страсти, расположившей их к русскому солдату. Поэтому сексуальные контакты между советскими военными и женщинами в тех странах, куда пришла Красная Армия, были далеко не всегда насильственными, а скорее обоюдно согласными. Но как же это признать в отношении «детей степи – зверей с востока»? Да еще, как тонко замечает Бивор, не «имевших необходимого сексуального образования». Зверь, не имеющий сексуального образования, действительно не может без насилия. Секс обнажил натуру пришельца с Востока. И его надо поставить на место. Вот что в конце концов следует из сочинения Бивора.

Был бы жив Черчилль, скорее всего он попал бы под очарование книги Бивора, как в свое время попал под обаяние мифов Геббельса об ордах жестоких людей с Востока. Через четыре дня после капитуляции Германии, 12 мая 1945 года, в письме президенту США Трумэну он называет освобождение европейских стран от нашествия Гитлера – продвижением московитов[63] в центр Европы. Дословно это звучит так: «Генералу Эйзенхауэру придется принять все возможные меры для того, чтобы предотвратить новое бегство огромных масс германского населения на Запад при этом гигантском продвижении московитов в центр Европы»[64].

Историческая фраза Сталина, обращенная к своим маршалам – «Кто будет брать Берлин?» – имела далеко идущие последствия. Последствия, связанные не только с подготовкой и проведением Берлинской операции, после которой советские войска в апреле 1945 года овладели столицей фашистской Германии Берлином, но и повлиявшие на течение мировой истории. Союзники наши, американцы и англичане, были действительно напуганы наступательным порывом Красной Армии, неудержимо выдавливающей части гитлеровского вермахта из стран

Восточной Европы. Появление в Европе советских войск сильно встревожило Черчилля, единственного тогда европейского лидера, неформально пекущегося о судьбе стран европейского континента.

Озабоченный наступательными планами Сталина, Черчилль пишет президенту США Рузвельту: «Русские армии, несомненно, захватят всю Австрию и войдут в Вену. Если они захватят также Берлин, то не создастся ли у них слишком преувеличенное представление о том, будто они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу, и не может ли это привести их к такому умонастроению, которое вызовет серьезные и весьма значительные трудности в будущем? Поэтому я считаю, что с политической точки нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на восток и что в том случае, если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы, несомненно, должны его взять. Это кажется разумным и с военной точки зрения».

И пока Рузвельт пребывал в сомнениях, пока еще дымился поверженный Берлин, еще стояли наши танки среди городских руин, а Черчилль действовал. После 2000 года Великобритания отчасти рассекретила свои архивы того времени. И сегодня известно, что Черчилль тогда поручил своим военачальникам разработать операцию под названием «Немыслимое»[65]. Называя ее так, он будто боялся самого себя. Ибо было чего бояться. Операция эта, по сути, означала новую войну, теперь против Советского Союза. Лондонские генштабисты уже считали, насколько СССР истощен боевыми действиями за четыре года войны, насколько изношена его боевая техника, какие у него запасы продовольствия и медикаментов. Посчитав, они предположили, что Советский Союз вряд ли выдержит удар объединенной полуторамиллионной группировки, которую они сколачивали в спешном порядке. Ударную мощь этой группировки, по планам английских стратегов, должны были составить английские, американские и канадские части, польский экспедиционный корпус генерала Андерса и десять дивизий недобитого фашистского вермахта.

Уже десять дней как был подписан акт о капитуляции фашистской Германии, подписи под которым поставили маршал Жуков от СССР, главный маршал авиации Теддер от Великобритании, генерал де Латр де Тасиньи от Франции, генерал Спаатс от США. А в это время в английской зоне оккупации Германии были не расформированы, проходили переподготовку под руководством английских офицеров несколько десятков тысяч немецких солдат и офицеров. Десять

дивизий готовились снова воевать. Операцию «Немыслимое» планировалось начать 1 июля 1945 года.

Сводки Генерального штаба, направляемые Сталину, информировали об этом. Эти сводки подкреплялись данными разведки. Сталин тогда принял меры. И прежде всего дипломатические.

Вячеславу Молотову, министру иностранных дел, было сказано:

– Надо ускорить отправку нашей делегации в Контрольную Комиссию[66], которая должна решительно потребовать от союзников ареста всех членов правительства Деница[67], немецких генералов и офицеров.

Такой решительный демарш Сталина чуть не вернул Черчилля в то состояние психологического шока от действий советских армий, в котором он пребывал три месяца назад, когда эти армии, армии «московитов», за три с половиной недели взяли неприступную крепость Берлин. Советские маршалы чувствовали себя не гостями в Германии, а победителями, ответственными за ее разоружение, за ее немилитаристское будущее. И только с этих позиций они говорили с союзниками в тех органах, что создавались для управления разгромленной страной.

Часть 4
Советские женщины на продажу – отголоски немецкой оккупации в конце XX века

«Мы несем веселье в ледяную пустыню»

После бездарных событий августа 1991 года, похожих на путч, как пробки из шампанских бутылок разлетелись союзные республики, отшатнувшись от центра. Везде полезли предприимчивые люди из интеллигентского сословия и зараженной элиты, делая себе состояние на богатстве бывшего Союза. Народ нищал, а богатеи шли в рост.

Чувствительнее всех страдали девушки и женщины. Телеэкран манил прелестями рынка и ослепительной жизнью, а реальность лишала работы, заработка и нормальной жизни. И криво ухмыляясь, разворачивала к ремеслу, от которого столетиями бежали женщины – к проституции, загоняла в нее с неумолимой жестокостью свалившегося рынка. В Европу из республик поверженной «империи» хлынул живой товар для успокоения европейских сытых членов. Уже томились и Азия и Ближний Восток, предвкушая появление бывших советских гражданок. Среди них были внучки тех бабушек, которые уже однажды вынуждены были зарабатывать на хлеб своим телом во времена гитлеровского нашествия. Кто по нужде, а кто по охоте.

К вопросу сексуального обслуживания войск на оккупированной территории Советского Союза немецкие власти отнеслись серьезно, впрочем, как и ко всему, за что брались. В крупных городах российского Юга и Крыма, Украины и Белоруссии оккупационная власть возобновила работу ресторанов и кинотеатров, открыла казино, варьете и публичные дома. Там развлекались немцы, туда они приходили выпить и поесть, посмотреть представление, спеть свои песни и пощупать русских, украинских, или белорусских женщин, и закончить отдых в одной постели с кем-нибудь из них.

Немецкие офицеры из оккупационных частей и карательных подразделений выбирали себе наложниц из местных женщин. И здесь не было особых проблем. Эти женщины хотели просто выжить, примирившись хоть с чертом, хоть с дьяволом. От этой неуютной, голодной, пересыпанной доносами, облавами, расстрелами жизни хотелось бежать. Но бежать было некуда. И когда предлагали, молодые и незамужние отправлялись в услужение к немцам.

В Краснодарском крае в 1943 году зверствовала зондеркоманда СС 10-а, начальником которой был оберштурмбаннфюрер Курт Кристман. В наложницах у него была некая Тамара из местных краснодарских, не обделенная красотой брюнетка. Потом она за сожительство с карателем отсидела в

советском лагере. В 1962 году ее разговорил писатель Лев Гинзбург. Ему она изливала душу о поломанной жизни и о жизни с Кристманом.

> *«Каждый вечер он приходил ко мне, я женщина, мне об этом рассказывать неловко, но слушайте. Придет он ко мне, прижмется, притулится, а когда дело доходит до основного – раздевайся догола (это у них принято), обцелует, обмилует, а потом ни то ни се… Он, конечно, свое удовольствие делал, но по-скотски, не так, как люди… Женщина остается женщиной, и мне порой становилось обидно: никогда у него не было никакого угощения, чтоб выпить или сладости. Видимо, из жадности, я не знаю… Не было, чтоб он спросил хоть на ломаном языке или на мигах: „Как у тебя, Тома, что?“… Я была его наложницей, и он никогда не интересовался моим настроением, отношением, – раз сказал, значит, надо идти…*
>
> *Мне сейчас факты конкретных зверств над мирным населением перечислить трудно, потому что на операции я с ними не ездила, а вот возвращение их с операций, особенно из деревень, мне из окна приходилось наблюдать неоднократно. Въезжают во двор машины, все они высыпают, грязные, усталые. Тот тянет гуску, тот – курку, тот – какой-то мешок. Оружие на них на всех. Пух они обдирали с живого гуся, укладывали в конверт и посылали в Германию. Я никогда раньше не слыхала, чтоб с живого гуся пух обдирали, и возмущалась: как можно? Отправляли в Германию сало, суровое полотно выбеленное, трикотаж – целые свертки…».*

В Таганроге немцы открыли для себя театр-варьете. «Бюнте бюне» назывался, «Пестрая сцена». Примой там была певица, которую до войны хорошо знали на курортах Сочи, Гагр и Кисловодска. Хорошо у нее получалась популярная тогда песня «Чайка смело пролетела над седой волной…». Когда пришли немцы, она недолго мыкалась без работы. Те, кто уже сотрудничал с ними, рекомендовали ее по прямой специальности в открывшийся театр. Делами там заправлял некто Леберт, импресарио, связанный с СД (службой безопасности). Он и репертуар определял, и персонал подбирал. Женский персонал подбирал такой, чтобы всегда был готов разделить ложе с важными персонами из партера. Здесь сводником тот же Леберт выступал. Самыми завзятыми «театралами» там тогда были Зепп Дитрих, командир танковой дивизии СС «Адольф Гитлер»,

начальник гарнизона генерал Рекнагель, начальник гестапо штурмбаннфюрер Брандт. Леберт заботился о разнообразии женщин в их постелях, а доктор Рупп гарантировал чистоту их гениталий.

Так она и служила в этом заведении. А когда вал советского наступления докатился до Таганрога, любимый доктор Рупп вывез ее в Германию, порекомендовал в театр в Кельне. Когда война кончилась, вернулась в Таганрог и скромно работала в строительном тресте. У нее тоже были свои воспоминания.

> *«В театре служил тогда всякий народ, я по сравнению с ними была величина. Профессиональных артистов не осталось, шли безголосые девчонки, мелкие актеришки – лишь бы уцелеть, прокормиться. Работникам искусств давались кое-какие привилегии. В продовольственном смысле нас приравняли к полицаям, то есть мы получали триста граммов хлеба вместо ста пятидесяти и котелок супа. Но, конечно, главная радость была – банкеты. Как только премьера или приезд высшего начальства – сразу же банкет. Присутствуют генерал Рекнагель, начальник гестапо Брандт, все их командование. На столах – вино, деревянные тарелочки в виде дубовых листьев с сырами, колбасами, с сырым мясом. Ну, тут уж никто из нас не терялся: крали бутылки с коньяком, бутерброды, печенье, потом выменивали на базаре. В городе тогда ничего не продавалось за деньги, все меняли.*
>
> *Я участвовала во всех спектаклях. В „Бомбах и гранатах“ меня и девчонок одели в немецкую форму, мы пели их солдатскую песню „Лили Марлен“, но в основном репертуар был чисто любовного содержания. Немцы очень любят песни про любовь, тирольские песенки и еще „Мамахен, шенк мир айн пфердхен“, то есть „Мамочка, подари мне лошадку“…*
>
> *Я пользовалась большим успехом, была красива… мое особое положение в театре, мой успех избавляли меня от многих неприятностей… Голой я никогда не выступала, отказывалась наотрез, даже в „Рождении Венеры“, где я исполняла главную роль. Этот спектакль готовили специально для Зеппа Дитриха… Зепп приезжал всегда с целой сворой эсэсовцев – все в черных мундирах, проходил за кулисы, шлепал девчонок по мягкому месту и обязательно после спектакля увозил кого-нибудь к себе…».*

Через тринадцать лет после войны она неожиданно получила

письмо из Западной Германии, от доктора Руппа. Письмо пришло в Таганрог, и почта разыскала ее улицу и дом. Скорее с ведома местного отделения безопасности. С волнением, со страхом вскрывала конверт.

> *«Meine liebe, liebe Lapitschka! (Моя любимая, любимая лапочка!) Сегодня увидел тебя во сне и сразу же вспомнил и тебя, и наш Таганрог, и милый наш театр. Господи, как далеко ушло то золотое время, когда мы все были молоды, веселы и полны надежд! Где-то сейчас генерал Рекнагель, где Мария, где проказник Брандт, где все наши? Недавно я встретил… попробуй догадайся, кого? Беднягу Леберта! Он все такой же „красавчик“, правда, поседел, и седина его несколько облагородила. Добряк открыл варьете, и как, ты думаешь, назвал он свое заведение? „Бюнте бюне“! Так что „Бюнте бюне“ жива, только Венеру играет какая-то рыжая кляча. Мы со стариком выпили немного, вспомнили тебя и прослезились…»*[68].

И ее долго не отпускала ностальгическая круговерть. Но ответить не рискнула. Что наделал в Таганроге «проказник Брандт», – она-то знала. А вдруг докапываться начнут?

Судьба певицы в оккупированном городе – проституция под видом артистических занятий. Артистизм и певческий талант делали секс пикантным. Это цивилизованно, это по-европейски. Хотя, кто сказал, что публичные дома не европейская традиция? Как и театры, они тоже часть цивилизации. Немцы быстро продвинули эту часть в занятых российских городах. Нашлись добровольные помощники из местных, когда запахло деньгами.

Из сочинений хорошего русского писателя Александра Куприна можно узнать, что в начале двадцатого века, до революции 1917 года, продвижением публичного секса в Малороссии, то есть на Украине, занимался некто Семен Яковлевич Горизонт. Впрочем, как отмечает Куприн, «бог знает, как его звали: Гоголевич, Гидалевич, Окунев, Розмитальский». Тогда «он был одним из самых главных спекулянтов женским телом на всем юге России. Он имел дела с Константинополем и с Аргентиной, он переправлял целыми партиями девушек из публичных домов Одессы в Киев, киевских перевозил в Харьков, а харьковских – в Одессу».

Через тридцать с лишним лет после Сени Горизонта на оккупированной советской территории столицей секса для немцев стал Харьков. Там расцвели притоны и публичные дома, которые содержали местные армяне[69]. С одобрения и поощрения немецкой комендатуры они быстро наладили бизнес на женском

теле, недостатка в котором не испытывали. Слава о харьковских публичных домах и чудо-женщинах катилась по всем немецким частям от Орла и Белгорода до Ростова. Кузнецкая улица была на устах у всех отпускников – там сосредоточились бордели для офицеров и солдат. Подкормленные, знойные украинские женщины, отобранные владельцами заведений, старались вовсю, оставляя незабываемые впечатления у фронтовиков. Куда там было немецким «гретхэн»!

И когда однажды из-за вражды двух немецких ведомств девушкам из лучших публичных домов вручили предписание явиться на сборный пункт для отправки в Германию, их спасли их же клиенты и друзья из эсэсовского полка, стоявшего в окрестностях Харькова. Ночью, связав армейскую охрану, эсэсовцы освободили своих подруг и увезли к себе в казарму. Там забавлялись с ними, пока конфликт не был улажен.

А потом в город пришли наши, на сей раз окончательно. И еще долго после этого женщины с улицы Кузнецкой прятали модные прически по-парижски «валиком», заматывая головы неброскими платками, отвыкали говорить по-немецки, с грустью вспоминали своих клиентов. «Ох, где же ты теперь, проказник Ганс, милый Курт или Петер-весельчак?! Где вы, парни, Вилли, Фридрих, Карл?!»

Здесь, в Харькове, в конце 1943 года состоялся первый судебный процесс над карателями, убивавшими людей. Людей этих, среди которых были в основном евреи и коммунисты, брали в большинстве случаев по доносам соотечественников. Карательная группа из трех немцев и одного русского уничтожала обреченных в специально оборудованном автомобиле фирмы «Мерседес», где выхлопные газы подавались в герметичную камеру. «Фергазунгсваген» – называлась она, «газовый вагон». Около трех тысяч человек умертвили они. Карателей вешали на площади, прилюдно, по приговору суда. Начальник этой группы, капитан из зондеркоманды Вильгельм Лангхельд держался стойко и на суде, и в петле. Русский, шофер «душегубки», что подавал газ в камеру, падал от ужаса, как мешок. Только с третьего раза натянули на него удавку. Толпа на площади сосредоточенно молчала. Может быть, в ней стояли и доносчики, и те женщины с улицы Кузнецкой, которые выжили в умирающем Харькове, где в первую же военную зиму погибли от холода и голода тысячи жителей его.

Эту категорию женщин не обошло тогда перо неистового публициста Ильи Эренбурга. В 1943 году в своем памфлете «„Новый порядок“ в Курске» он представил воюющей стране девушку из курского публичного дома, что был на улице

Невского. Дом на улице Невского тоже неплохо знали в немецких частях.

> *«Смазливая девушка. Выщипанные брови. Карминовые губы. Прежде она была студенткой Курского пединститута. Ее соблазнили подачки немецких офицеров, французское шампанское. Ее соотечественники пятнадцать месяцев мужественно сражались. Люди отдавали свою жизнь, чтобы освободить Курск. А она услаждала палачей своего народа. Она сейчас сидит у меня в комнате и плачет. Позднее раскаяние. Измена, как ржа, разъела ее сердце. На улице праздник, люди смеются, обнимают бойцов. А она сидит в темной комнате и плачет. Она стала отверженной для себя самой, и нет кары тяжелее».*

А потом Эренбург пишет о немецком порядке в Курске, частью которого была эта студентка:

> *«Ресторан для немцев. Кино для немцев. Театр для немцев. Кладбище для немцев. Для русских? Ров в Щетинке – там зарывают расстрелянных…*
>
> *…Закрыли школы. Закрыли театры. Закрыли библиотеки. Что они открыли? Дом терпимости на улице Невского. Открыли торжественно. Герр доктор Фогт произнес речь: „Мы несем веселье в ледяную пустыню“.*
>
> *Они не принесли веселья. Они принесли заразу. Перед войной в Курске совершенно исчез сифилис. Немцы заразили Курск. По немецкой статистике среди гражданского населения регистрировалось в декаду от 70 до 80 случаев заболевания венерическими болезнями. Больных отправляли в городскую тюрьму. Свыше сотни из них немцы убили. Эти сифилитичные павианы оставили после себя не только развалины и ров в Щетинке. Они оставили страшную заразу».*

Вероятно, немало тогда появилось молодых женщин и девушек, сладко привечавших немцев, если гуляла по оккупированным землям безыскусная песня о них, сочиненная безвестным автором на мотив популярной довоенной «Спят курганы темные». Текст ее потом оказался в Белорусском музее истории Великой Отечественной войны.

> Лейтенантам-летчикам девушки любимые
> Со слезами верности о любви клялись,

Но в пору тяжкую соколов забыли вы
И за корку хлеба немцам продались.
…
Молодые девушки немцам улыбаются,
Позабыли девушки о своих парнях…
…
Но вернутся соколы, прилетят желанные,
С чем тогда вы, девушки, выйдете встречать?
Торговали чувствами, торговали ласками,
Невозможно, девушки, это оправдать.

Под немецких куколок вы прически сделали,
Ногти перекрасили, крутитесь юлой.
Но не нужно соколам ни ногтей, ни локонов,
И пройдет с презрением парень молодой.

Немало немцев запомнили сладостные дни, проведенные на той войне с подругами из Таганрога, Харькова и Курска, и еще из сотен городов и городков. А в 130 километрах от того же Таганрога, в 340 от Харькова, в городе Краснодоне, что в Ворошиловградской области, в один из вечеров декабря 1942 года на сцену городского клуба вышла восемнадцатилетняя Любовь Шевцова. Ее номер был третий в концерте. Пела она проникновенно, а потом самозабвенно била чечетку. Изголодавшиеся по дому, накачанные шнапсом и украинской самогонкой, немцы ревели от восторга.

Любовь Шевцова после школы, которую закончила здесь, в Краснодоне, прошла обучение радиоделу в спецгруппе НКВД в Ворошиловграде и была оставлена на подпольную работу под именем «Григорьева».

«Справка на радиста разведывательно-диверсионной резидентуры „Буря“ по Ворошиловградской области Шевцову Любовь Григорьевну… Окончила курсы с оценкой на „хорошо“. Тов. Шевцова обладает всеми необходимыми качествами для работы в тылу, а именно: сообразительная, находчивая, может выйти из затруднительного положения. Может быть зачислена в группу „Кузьмина“ для оставления в г. Ворошиловграде. Начальник отделения… л-т госбезопасности Горюнов».

Ее предали дважды. Сначала командир ее группы «Кузьмин», который сбежал, когда немцы заняли город. Тогда она стала сама искать связь с подпольем. И скоро вышла на «Молодую гвардию»,

ту «Гвардию», о которой роман Александра Фадеева, выброшенный в начале 90-х годов из школьных программ по литературе. «Молодую гвардию» создали десятиклассники краснодонских школ. Сами создали. Как-то не прониклись они тогда идеей цивилизации, которую несли германские солдаты и чиновники. Сталин, впоследствии прочитав роман Фадеева, удивился, что «сами», без подсказки и помощи старших товарищей. Поправил Фадеева, и тому пришлось вводить в роман фигуру коммуниста Лютикова. А ведь вождь мог гордиться этим упрямым, новым, самостоятельным поколением, воспринимавшим страну как свою родину, готовым сложить голову за нее. Это было первое поколение, воспитанное советской властью, и оно отличалось от отцов в определенной мере. Страна и победу-то в войне одержала благодаря прежде всего этому поколению: из каждых ста человек рождения 1922–1925 годов лишь трое вернулись с фронта. Но и в нем вместе с героями обжились и предатели, правда, числом значительно пожиже.

В краснодонскую подпольную организацию входил 71 человек, 47 юношей и 24 девушки, самому младшему – 14 лет. Гитлеровцам они не дали спокойной оккупационной жизни в Краснодоне: жгли склады, жгли зерно, отправляемое в Германию, расклеивали листовки о ситуации на фронтах, сожгли биржу труда, где сгорели списки граждан, приговоренных к отправке в Германию, подняли на городских зданиях советские красные флаги в день Октябрьской революции.

Шевцова занималась разведкой, выведывала у немцев сведения об укрепрайонах и расположении частей, налаживала связь между организацией и партизанами. Да и другие дела числились за ней – диверсионные вылазки прежде всего.

«Молодую гвардию» предали. Местное СД и украинская полиция разгромили ее – взяли половину организации. Другую половину – не смогли. Из арестованных никто ничего не сказал. Не выдал, хотя пытали зверски. Из документов допросов бывших полицаев, из актов эксгумации трупов известно: били, ломали кости, вырезали звезды на груди и спине, сажали на раскаленную плиту, выжигали глаза, отрубали руки и ноги.

Любовь Шевцову предали второй раз. Предал тот, с кем училась в спецгруппе НКВД. Ее долго выслеживало СД, и, наконец, взяло 1 января 1943 года. Она тоже прошла все круги ада – пытки и издевательства. Особенно старались украинские полицаи. Не выдала никого, от сотрудничества отказалась. 8 февраля радистку «Григорьеву» расстреляли. У большинства молодогвардейцев конец был одинаков – шурф заброшенной шахты, куда побросали их тела.

На оккупированной территории выбор, оказывается, был. Одни шли в полицаи и проститутки, другие в подпольные организации. Обыватель, правда, оставался посередине. И как всегда был прав. Когда наступили незабвенные «демократические» времена, его голос оказался решающим, чтобы забыть или опошлить тех, погибших в январе и феврале 1943 года в Краснодоне.

Но зато обыватель знал как распорядиться советской и оккупационной валютой, которая с разрешения немецких властей ходила параллельно на захваченной советской территории. Рубль был законным платежным средством, и хозяйственные банки, которые возникли взамен отделений советского Госбанка, вели с ним денежные операции. Когда армии Гитлера успешно наступали и давили советские войска, обыватель охотился за немецкими марками, охотно менял на них рубли, часто с наценкой 10–20 процентов. Но когда под Сталинградом Красная Армия измолотила армию Паулюса, доверие обывателя к марке зашаталось. Всеми правдами и неправдами он старался обменять ее на рубли. Владельцы публичных домов еще предпочитали марки, а их «труженицы» уже спешили менять немецкую валюту на советские дензнаки.

Оккупационные власти предлагали обывателю спасение от беспросветной жизни. На стенах окоченевших домов и заборов забелели листовки.

> *«Германия зовет тебя!*
>
> *Ты живешь в стране, где фабрики и заводы разрушены, а население пребывает в страшной нищете. Поехав на работу в Германию, ты сможешь изучить прекрасную страну немцев, познакомиться с просторными предприятиями, чистыми мастерскими и с работой домашней хозяйки в ее уютном жилище.*
>
> *Отход первого транспорта последует в ближайшем времени, о нем будет своевременно объявлено. Будь готов к поездке. Возьми с собой ложку, нож, вилку…».*

Ладно работали немецкие пропагандисты, они были настоящие профессионалы. Но людей отправляли не спрашивая, есть ли желание поработать на «просторных предприятиях». Повезло больше всего тем, кто сумел записаться на «немецкую» работу по месту жительства. Тех не отправляли.

В начале января 1942 года, в только что освобожденной Феодосии, лейтенант госбезопасности перебирает бумаги на столе у бургомистра города, назначенного немцами. И говорит в сердцах надоедливому корреспонденту:

– Бургомистр, сволочь, не успел сбежать, схватили. Начальника полиции тоже. Но вот с этими что делать!? Две недели назад перед Новым годом немцы набирали женщин в публичный дом. И десятки заявлений! – Лейтенант машет пачкой листов из школьных тетрадей. – Что с этими гражданками делать? Расстрелять, посадить?! Но «статьи» для этого нет, – сокрушался лейтенант.

Надоедливым корреспондентом был известный уже тогда поэт и драматург Константин Симонов. По поводу гражданок, написавших заявления в публичный дом, и людей оставшихся в оккупированных городах сцепился он как-то с главным редактором своей газеты «Красная звезда» Давидом Ортенбергом. Симонов написал очерк об инженере-коммунальщике и машинистке райисполкома, которые пошли служить немцам в городе Одоеве, что в Тульской области. Инженер наладил коммунальное хозяйство по требованию оккупационных властей, что оказалось полезным и для населения города, а машинистка пошла работать в городской магистрат, чтобы прокормить своих детей. Когда город освободили от немцев, и инженера и машинистку приравняли к изменникам. Это и возмутило Симонова, и свое возмущение он передал в очерке «В освобожденном городе». Эренбург в своем памфлете о Курске возмущался немцами и пошедшими к ним в услужение гражданами, Симонов возмущался в своем очерке произволом и дубовой прямолинейностью нашей власти.

Ортенберг очерк Симонова отверг, сказав при этом:

– Подарок для немцев твой очерк. Они его перепечатают в своих оккупационных листках, чтобы граждане наши поняли, что работать на немцев – это не страшно, и советская власть их поймет и простит, если вернется.

– А правильно всех одним аршином мерить? Что заставило того или иного человека идти служить немцам – надо понять! – сердился Симонов.

– В отношении каждого работает один принцип: служил у немцев или нет? Здесь не получится «с одной стороны», «с другой стороны». После победы будем заниматься этой диалектикой, – отвечал Ортенберг.

– А что же должен был сделать, по-твоему, этот инженер-коммунальщик?

– Надо было уходить из города, а раз остался – пусть и разгребает дерьмо, в которое влип из-за своего решения.

– Уходить из города, говоришь. Но этот инженер и другие граждане не виноваты, что мы отступили до Москвы. Мы отступили, а они пусть разгребают? Чем они виноваты? Немецкие

танки летом по сорок километров делали в день, разве тут успеешь убежать на восток?!

– Не ко времени ты этот разговор затеял. Сейчас без однозначных решений, без железной руки мы не вернем, то, что отдали, а то, что еще не отдали – можем отдать – заключил Ортенберг.

Война и беспощадная власть военного времени определяли решения и судьбы людей, в том числе и дорогу для женщин в публичные дома. Кому из-за куска хлеба, кому из-за приглянувшегося ремесла. А на 2-м Белорусском фронте во фронтовую армейскую газету пришло письмо от солдата-пехотинца:

«Я сотни немцев перебил, а она их теперь распложает. Я кровь проливал, а она гуляла с фрицем, изменяла родине! Полтавская область, Кременчугский р-н, Краснознаменский сельсовет, Фенька Ивановна Горб. Пусть про ее все знают, пропишите!».

…Но вот минуло почти пятьдесят с лишним лет. Рухнул Советский Союз. Рынок и деньги теперь управляли людьми. Они теперь тащили девушек и женщин в отшлифованный столетиями бизнес на теле. Когда государство не смогло платить зарплату своим подданным, мужчины ушли в теневой бизнес, а женщины в проституцию. На Украине люди которые не могли прожить за счет одной зарплаты или которым не платили в течение долгого времени, искали дополнительную работу. А работу можно было найти только в новых развивающихся приватизированных, преступных секторах. К 1995 году объем теневой экономики насчитывал 50 процентов валового национального продукта[70]. Результатом чего стала криминализация экономики и расширение организованных преступных групп.

Дело Горизонта в эпоху глобализации

Кто же продолжил дело Горизонта и армянских деловых людей, когда кончился Советский Союз, пришли свобода и рынок? Самым колоритным продолжателем оказался некто Д. С. О нем достаточно много писали в 90-е и в начале 2000-х годов. Пусть он остается пока господином Д. С. Причина в том, что одна столичная газета достаточно полно представила его дела, а спустя неделю дала краткую справку, в которой говорилось, что редакция и автор не располагают документальными подтверждениями того, что данные сведения соответствуют действительности. Конечно, суд выносит окончательное решение. А затеянное журналистское расследование должно располагать фактами, которые выведут на определенного персонажа. А пока можно говорить о неком современном дельце, зарабатывающем деньги в том числе и на торговле женским телом. И таких дельцов, составляющих определенный тип, нынешняя действительность являет уже немало, особенно в сравнении с началом века двадцатого, где властвовал Горизонт. Итак, делец, реально существующий, как современный тип Горизонта.

> *«Д. С. – криминальный авторитет, связанный с международной преступной группировкой. Год рождения – 1946. По образованию экономист, окончил университет. В начале 90-х годов эмигрировал в Израиль, где получил гражданство. Сфера предпринимательской деятельности на грани закона и за гранью: торговля нефтью, лесом, драгоценными камнями, антиквариатом. Женившись на гражданке сопредельного государства, получил новое гражданство и начал активно скупать оборонные и ювелирные заводы».*

Сила Д. С. и таких как он, в параллелях. Торгуя нефтью, лесом и бриллиантами, он параллельно преуспел в торговле женским телом. Начал с поставок женщин в Прагу и Будапешт, а потом продвинулся в Западную Европу. Женщин из России, Украины и Молдавии его люди нелегально вывозили в Германию, Голландию, Италию, Испанию, Португалию. Соединив столицы этих стран, Д. С. проложил маршруты европейского «секс-туризма». Сеть ночных клубов, которую он набросил на Будапешт, Варшаву, Прагу, Киев и Ригу, позволила вести ему масштабный первичный отбор товара и нелегальную отправку его. Этот процесс он замкнул на себя, и скоро весомо обогатился,

благодаря относительной дешевизне и доступности российских, украинских, молдавских, латышских и чешских девушек. Почти 1 миллиард долларов принес ему этот «проституированный» бизнес, который всегда шел параллельно с его основным бизнесом. Сегодня его главный легальный бизнес – энергоресурсы. А девушки для души. Но масштабы этой «душевной» торговли весьма заметны на европейском подпольном рынке, где трудится масса предпринимателей.

На их фоне Д. С. – один из первых и самых удачных. Благодаря ему на западном, а теперь уже и мировом рынках секс индустрии особую ценность приобрели женщины из Польши, Украины и России[71]. По оценкам Международной организации по миграции между 1991 и 1998 годами, 500 тысяч украинских женщин были вывезены на Запад[72]. К 2000 году Украина «обошла» Россию, став, пожалуй, одним из самых больших поставщиков девушек и женщин для проституции. В целом количество женщин из бывшего Советского Союза, Центральной и Восточной Европы, занимающихся проституцией в странах Европейского Союза, доходит до полумиллиона[73]. Подпольные бизнесмены к 1998 году обеспечили такую статистику: 87,5 процента женщин, завезенных в Германию, были из Восточной Европы, 17 процентов из Польши, 14 процентов из Украины, 12 процентов из Чешской Республики и 8 процентов из Российской Федерации[74].

По интенсивности эксплуатации женского тела впереди идут украинки. И хотя они «трудятся» в Турции, Греции, на Кипре, в Италии, Испании, Югославии, Боснии и Герцеговине, в Венгрии Чехии, Хорватии, Германии, Объединенных Арабских Эмиратах, Сирии, Китае, Голландии, Канаде и Японии[75], по географии эксплуатации женского тела россиянки выглядят масштабнее: они занимаются проституцией в более чем 50 странах[76].

Кто же так помог Д. С. развернуть бизнес на женском теле? Выходит, что сами государства, образовавшиеся после Советского Союза, власть, которую там организовали политики распада. Переход от прежней экономической системы к новой, то есть к дикому рынку, породил экономическую разруху и гиперинфляцию. Сбережения людей рухнули в одночасье, а следом пожаловала безработица. В середине 90-х годов в той же Украине оказалось более 60 процентов безработных женщин. А среди тех людей, кто потерял работу с 1991 года, 80 процентов – это тоже женщины. К 1997 году средняя зарплата в Украине держалась на уровне около 30 долларов в месяц, а в маленьких городах – наполовину меньше[77]. Женщин унизили, лишили самоуважения и надежды. Депрессия и психологический стресс

открыли дорогу вербовщикам от «проституированного» секса. И они начали охоту на безработных. Их неутомимой деятельностью одна треть молодых женщин, не имевших работы, оказалась вовлеченной в нелегальный сексбизнес[78]. Те режимы, что воцарились в государствах постсоветской эпохи, сформировали отношение к женщине как к товару, который может быть продан, куплен, сексуально использован. А параллельно власть развратила и саму женщину, подвергшуюся унижению. С молчаливого согласия власти в обществе укрепилось мнение, что публичный секс, то есть секс за деньги, это дело добровольное, и почему бы не торгануть телом, если оно у тебя привлекательное и готово принести доход.

Теперь женщин брали обманом. Их не просили писать заявления в публичный дом по типу найденных на столе у бургомистра Феодосии в 1942 году. Их заставляли лечь в постель, обманывая нагло и цинично. Кто-то обманываться рад, но большинство приходит в ужас, когда начинают понимать, что их ждет. Главные обманщики – это вербовщики, торговцы и сутенеры. Сексуальный рынок регулярно требует свежих поставок, что делает вербовку и торговлю женщинами делом прибыльным. И здесь вербовщики, торговцы и сутенеры, под руководством своих «менеджеров», выработали стандартные технологии.

Все начинается с объявления в газете, с предложения хорошо оплачиваемой работы за границей. Предлагают попробовать себя в качестве официантки или няни, а для симпатичных лицом и фигурой предлагают выступить танцовщицами или барменшами. Первая наводка для вербовщиков – фотоконкурсы, конкурсы моделей. Вербовщик велеречив, он авторитетно лжет, убеждая женщин, что возможность трудоустройства реальна[79]. Почти четверть обманутых женщин были завербованы через объявления в прессе. Но нынешними сексменеджерами отработаны приемы и посложнее. Это использование «брачных агентств» или международных служб знакомств, действующих по принципу «невеста по почте». За этими агентствами чаще всего маячит фигура вербовщика. Он роется в их клиентуре, откапывая любительниц путешествий, желающих эмигрировать посредством замужества. Вербовщику хорошо платят – от 200 до 5000 долларов США за каждую завербованную женщину[80].

Они опробовали уже вербовку группами. Однажды такую группу навербовали во Львове – всем фигуранткам втолковали, что в Чехии они нужны как домработницы. Стоило им только пересечь границу, как вербовщики отобрали у них паспорта и невольниц продали сутенерам по 300–700 долларов за каждую

живую душу. А сутенеры скоро выставили их на чешско-немецкой трассе[81]. Рангом повыше от трассы считается работа на улице, еще выше продажа себя в барах, массажных салонах и борделях. Отбор бесцеремонен. Женщин даже выставляют на аукционах. Известен случай, когда в итальянском Милане в декабре 1997-го полиция накрыла преступную группу, проводившую аукционы женщин, вывезенных из бывшего Советского Союза. Женщин раздевали, демонстрировали и продавали в среднем за 1000 долларов[82].

Сексуальный бизнес преступных синдикатов нацелен в Европе прежде всего на Голландию и Германию, где «проституированный» секс легализован. Голландский Фонд против торговли женщинами (STV) исследовал ситуацию в секс-индустрии Голландии. Выяснилось, что у 80 процентов женщин паспорта были отобраны, их изолировали и принуждали к многочасовой работе без оплаты. Они вынуждены были терпеть издевательства сутенеров, торговцев и клиентов[83]. По сути, их превратили в сексрабынь. В Германии проституция является легальным делом для граждан Европейского Союза, но нелегальным для граждан других стран. Поэтому мужчины, покупающие проституток, и сутенеры, содержащие бордели, действуют законно, а нелегально привезенные женщины, которых заставляют в этих борделях заниматься проституцией, попадают под статьи уголовного кодекса.

А истории жертв похожи одна на другую. И хорошо известны общественным организациям, журналистам и полиции.

> *Ирина, 18 лет, прочитала объявление в киевской газете об образовательных курсах в Берлине. Она выехала в Берлин, где узнала, что курсы закрыты. Но, заботясь о ней, «организаторы» курсов направили ее в Брюссель, на работу. Когда она нашла месторасположение этой работы, ей сказали, что теперь нужно заплатить долг в размере 10 тысяч долларов за все переезды. А зарабатывать придется проституцией. Паспорт у нее забрали. Чтобы она не возмущалась, ее избили и изнасиловали. После этого она начала работать. Когда доход от нее упал, ее продали бельгийскому сутенеру, который работал на Рю Д'аршот в квартале красных фонарей в Брюсселе. Скоро ее арестовали, потому что у нее не было документов. Медицинское обследование установило следы издевательств на ее теле[84].*
>
> *Татьяна, 20 лет, из маленького городка Луганской области, что на Украине. Она не могла найти работу,*

так как там позакрывались предприятия. А потом познакомилась с женщиной, которая рассказала, что ее дочь неплохо устроилась в Греции, имеет приличный заработок. Когда Татьяна приехала в Грецию, паспорт у нее отобрали. А ее поместили в комнату в борделе, охраняемую собаками. Ее заставляли обслуживать клиентов каждый вечер и каждую ночь. Чудом ей удалось бежать[85].

А вот коллективный портрет. Город женщин – Иваново, ехать ночь от Москвы. Город ткачих. Но ткачихам теперь делать нечего, фабрики стоят. А на тех единичных, что работают в частных руках, зарплата менее 50 долларов в месяц – 1300–1500 рублей. Тот, кто не может прожить на эти деньги или вообще не нашел занятия, тянутся в Москву на заработки или в «сферу обслуживания», про которую известно, что это скрытая форма свободного секса за деньги. В 2005 году число ивановских «ткачих», жаждущих приобщиться к этой сфере, увеличилось в три раза[86]. Безработные ткачихи и студентки – ударная группа «сферы обслуживания». «Если бы более или менее достойная зарплата или стипендия – разве пошли бы торговать своим телом?» – говорят они. И тут появляется очередной Д. С. и предлагает поработать официантками, гувернантками, танцовщицами в далекой стране Малайзии. И поехали студентки и ткачихи. Потом их спасали люди из ФСБ, которые прихлопнули бизнес Д. С. В уголовном деле показания одной из жертв.

«В Бангкоке нас встретил Гриша, которого все называли Майкл. Мы все мылись в душе, после этого он нас осматривал в обнаженном виде. Объявил, что мы будем работать проститутками. Я отказалась. Тогда он меня избил и тут же изнасиловал. После этого позвонил Славе в Москву. Слава сказал, что, если я буду упираться, меня могут и убить. Я была вынуждена работать в качестве проститутки, обслуживая в день по пять человек. С каждого клиента мы получали по 10 долларов США. Однако нам их не выдавали, пообещав расплатиться в Москве. В Бангкоке я была задержана полицией, и меня депортировали в Россию».

Главное втянуться – вещают дипломированные психиатры. И тогда не всегда деньги стимул. Выше денег становится потребность в необычном сексе, или в большом количестве половых контактов. Спихнем все на порочность натуры. Ученый муж говорит: «Не верьте, что нужда. Ведь не подъезды пошли

мыть, а выбрали легкий вид заработка. На панель их толкает темперамент, жадность и комплексы. Неуверенность в себе и ранимость присущи всем проституткам. Секс для них – это еще и способ самоутвердиться».

Но все же, кто стимулировал такую странноватую форму самоутверждения? Никак не скрыть влияние ситуации и среды. Тут же и медиа, нахрапом насаждающие модель поведения, и наличие Д. С. в нужное время. И все под флагом свободы. Свободный человек волен сам определять свою судьбу. Но почему-то женщина при этой свободе всегда остается жертвой, понимающей или непонимающей. Жертвой обманутой, желавшей работы, но оказавшейся втянутой в проституцию. Жертвой развращенной: треть сознательно ориентируется на работу проститутками. При этом не предполагают, что над ними будут так издеваться, так их унижать и оскорблять. История, показанная в фильме «Красотка», многих свела с ума, но в жизни не повторилась. Продавая себя, ни одна не нашла своего рыцаря. Жертва поздно понимает, что она не может контролировать свою жизнь, не может влиять на свой заработок, не может противостоять насилию, сексуальной эксплуатации[87]. Выход – петля или побег.

Но сутенеры жестко контролируют поведение женщин и жестоко расправляются с непокорными. В Италии в месяц одна проститутка оказывается убитой[88]. Уровень насилия над женщинами, дискриминации их в Европе являются экстремальными. Контроль сутенеров отсекает возможность поддержки и помощи от общественных или социальных служб. Власти страны, куда привезли этих несчастных для сексуальной эксплуатации, обращаются с ними как с преступниками или нелегальными эмигрантами. Когда их обнаруживают во время полицейских облав, их арестовывают и отправляют в тюрьму, где они ждут депортации. Это еще везенье, если на бедную женщину наткнутся полицейские и приволокут в участок.

Но трудно убежать от сутенера, пока тебя не выжали всю. Вербовщики и сутенеры получают от эксплуатации каждой женщины в 5, а то и в 20 раз больше, чем заплатили за нее первоначально[89]. Прибыли огромны и растут. В Израиле российская или украинская женщина зарабатывает преступному синдикату, который ее контролирует, от 50 тысяч до 100 тысяч долларов в год. Сама при этом получает жалкие гроши. В Германии посчитали, что каждая встреча с проституткой обходиться клиенту в 30–50 немецких марок. Но женщина, продавшая свое тело, мало что получает. Потому что она уже должна торговцу или вербовщику от 3 до 30 тысяч долларов США

своей стоимости и дорожных расходов, потому что она должна заплатить за свою комнату и место в борделе, которые стоят 280 немецких марок в день, плюс гонорары сутенеру, адвокату, врачу, плюс расходы на пропитание и одежду. Так она попадает в финансовый омут[90]. А уж если долг выплачен, то теперь ликует сутенер – женщина должна отдавать ему от 50 до 75 процентов своих заработков[91]. За три месяца нахождения в Германии по туристической визе женщина зарабатывает сутенеру 20 тысяч долларов. Если сутенер работает на своего могущественного босса, то почти две трети идет хозяину. Можно предположить, что хозяин средней руки получает прибыль от такого бизнеса до 230 тысяч долларов в год. А хозяин более могущественный?

Майкл Платцер из центра по международному предотвращению преступности считает, что по сравнению с торговлей наркотиками, «торговля белыми рабами приносит преступным группам в Восточной Европе наибольшие деньги»[92]. Эти деньги потом отмываются через банковские счета хозяев криминального секса в банках Западной Европы, США, через оффшорные счета[93]. С начала 1998 до середины 1999 года 10 миллиардов долларов было отмыто через Банк оф Нью-Йорк. Счет принадлежал все тому же Д. С., который, по сведениям израильской полиции, занимался торговлей драгоценностями и параллельно торговлей женщинами. Отмытые «грязные деньги» использовались для покупки теперь уже относительно законного бизнеса и собственности.

Глобализация, столь свойственная современной экономике, все больше пропитывается генами теневого бизнеса, транснациональных преступных организаций, в том числе специализирующихся на криминальном массовом сексе и «порнопроизводстве». Для этого они задействуют транснациональные связи, обусловленные туризмом и миграцией.

Однажды Д. С. задумался над тем, что в России, и на Украине десятки тысяч девушек мечтают выйти замуж за иностранцев и уехать с ними в их сытые и благополучные страны. А иностранцы из сытых и благополучных стран жаждут секса с молодыми россиянками и украинками. Если втянуть в этот взаимный интерес брачные агентства в России и в Украине, то может получиться хороший бизнес под названием «сексуально-романтический тур». Скоро идея Д. С. обрела жизненную перспективу. Нашлись брачные агентства, которые стали арендовать апартаменты в гостиницах Москвы и действовать по программе. Первый день – вечер знакомств и банкет с иностранными «женихами». Девицы, пришедшие на встречу с озабоченными сексом иностранными мужчинами по

пригласительным билетам агентств, прохаживаются по залу, и активно крутят бедрами, демонстрируя свою сексуальность. Выбранных приглашают за столик: «С вами желает познакомиться вот этот господин». Второй день – совместная прогулка по столице, а на третий день занятия себе определяют сами – «невеста» и «жених». Но все три вечера и две ночи безудержный секс, в котором «невесты» выкладываются так, чтобы произвести впечатление на партнера. А вдруг возьмет замуж? Но тур заканчивается, и счастливый «жених» отваливает домой, где в кругу друзей и собутыльников будет долго и смачно рассказывать о возможностях российских девушек в постелях, демонстрируя их фотографии. И где-то в конце рассказа ввернет: «Как хорошо, что Россия стала цивилизованной страной, и там можно делать секс-туры».

Но туризм – это «легкая» транснациональная проституция. А вот обеспечение такой проституции за счет мигрирующего населения – несомненно следующий этап развития преступного бизнеса. Организованные преступные группы устанавливают связи с добровольными пособниками в диаспорах по всему миру и работают внутри мигрирующего населения, выстраивая транснациональные преступные сети. Это не масштабы Сени Горизонты начала XX века. Нынешние покруче, поглобальнее.

Тот же Д. С. оседлал компьютерные технологии. Этот технологический аспект глобализации позволяет работать масштабно, с размахом как в деле отбора товара, обеспечения его разнообразия, насыщения им различных районов мира, так и в отмывании денег, в управлении финансовыми потоками. Стихийно, но упрямо складывается транснациональная система сексуального бизнеса.

Уже в середине века прошлого ловкие дельцы, опираясь на силу германского оружия, пытались оживить его на советской оккупированной территории. Но золотые времена настали, когда обрушился Советский Союз. Поверженный Союз расплачивался с западной цивилизацией нефтью, газом, лесом, алмазами, металлом и женщинами. Последним товаром – нелегально.

В 1945 году публицисты западной школы приписали Красной Армии до 1 миллиона изнасилований. Для «красных варваров», заполонивших Европу, меньше и не грело по расчетам тамошних пропагандистов. Через 50 лет «варваров» заменили их внучки. 500 тысяч нелегально завезенных в Европу для сексуального удовлетворения мужского населения. Это данные не пропагандистов, а относительно серьезных организаций – Международной организации по миграции. Ирония истории: побежденная страна расплачивается женским телом, если не

может платить по счетам, если не может защитить своих граждан. Тогда она отдает их на заклание бессовестным медиа и дельцам типа Горизонта и Д. С. Гримаса.

notes

Примечания

1

Hans Grundig. Zwischen Karneval und Aschermittwoch. Erinnerungen eines Malers. Dietz Verlag, Berlin, 1958, s. 48–50).

2

Райх В. Психология масс и фашизм. Санкт-Петербург, 1997, с. 196.

3

«Молодая гвардия», 1923, № 3, с. 122.

«Рабочий суд», 1926, № 5, с.366.

«Смена», 1926, № 7, с. 14; № 11, с. 12.

6

ЦГА ИПД. Ф.К-202, Оп. 2. Д. 12. Л. 56.

ЦГА ИПД. Ф.К-156, Оп. 1а. Д. 9. Л. 93–94.

8

Кетлинская В., Слепков Вл. Жизнь без контроля. М., 1929, с. 37–45.

По данным Н. Лебиной.

10

Гельман И. Половая жизнь современной молодежи. М., 1923, с. 65–71.

11

Романов П. С. Избранные произведения. М., 1988, с.187–189.

Смена, 1926, № 4, с.12.

13

Цит. по: Воспоминания о В. И. Ленине. В 2-х томах. М., 1957. Т. 2. с. 483–484.

Залкинд А. Б. Половой вопрос в условиях советской общественности. Сб. ст. Л., 1926.

15

Там же, с. 57.

16

Смирнова Л. Моя любовь. М., 1997, с. 98.

17

РГАСПИ, Ф.17. Д. 48. Оп. 161. Л. 13.

18

ГАРФ. Ф.7523. Оп. 23. Д. 209. Л. 60.

19

Елагин Ю. Б. Всеволод Мейерхольд. Темный гений. М. 1998, с. 246–248.

20

Там же.

21

Скорятин В. Тайна гибели Владимира Маяковского. М., 1998, с. 37.

22

В. Катанян. Лиля Брик. Жизнь. М., 2002, с. 76–77.

23

Зудин И., Мальковский К., Шаламов П. Мелочи жизни. М.—Л., 1929, с. 39.

Народное хозяйство. 1932. № 3–4, с. 170–192.

25

РГАСПИ. Ф. 669. Оп. 1. Д. 30. Л. 113–114.

26

РГАСПИ. Ф. 669. Оп. 1. Д. 14. Л. 63–64.

27

Микоян А. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999, с. 298.

28

Там же.

29

Сталинское политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М., 1995, с. 172.

30

«В чьи руки вручим эстафету нашего великого дела?». Речь И. В. Сталина на пленуме Центрального Комитета КПСС 16 октября 1952 года. – «Советская Россия», 13 января 2000 г.

31

РГАСПИ – Ф. 589. Оп. 3. Д. 6188. Л. 12–26.

32

«В чьи руки вручим эстафету нашего великого дела?». Речь И. В. Сталина на пленуме Центрального Комитета КПСС 16 октября 1952 года. – «Советская Россия», 13 января 2000 г.

33

Татьяна Окуневская «Я не постарела, как мои сверстницы, просто у меня стало лицо другое». – Известия, 03.03.2004.

34

Там же.

35

Толстой А. Н. Сочинения: в 10 томах. М., 1958–1961. Т. 10, с. 482–483.

36

Толстой А. Н. Полное собрание сочинений: в 15 томах. М., 1946–1953. Т. 13, с. 207.

37

Шолохов М. Собр. соч. в восьми томах. Том 7. М.: 1975, с. 579.

38

ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 216–217.

39

ЦАМО. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 78. Л. 30–32.

40

Основной смысл Приказа Военного Совета 2-го Белорусского фронта № 006 от 21.01.45 года: «Мародеров и насильников расстреливать на месте».

41

Плимак Е. На войне и после войны. Записки ветерана. М.: 2005, с. 20.

42

РГВА, ф. 32925, оп. 1, д. 10, л. 184–186.

43

ЦАМО, ф. 233, оп. 24966, д. 2, лл. 117–120.

44

РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 321, лл. 164–174.

45

РГВА, ф. 32925, оп. 1, д. 146, лл. 48, 77, 148.

Слуцкий Б. Записки о войне. Санкт-Петербург.: Logos, 2000, с. 178.

Там же, с. 46–47.

Там же, с. 107.

49

Там же.

Малапарте К. Шкура. – Иностранная литература, № 5, 2005, с. 40.

51

СС Адольфа Гитлера. / Пер. с англ. М. Иванова. М., 1997, с. 99.

Там же, с. 99–100.

53

Цит. по: Мэнвелл Р., Френкель Г. Гиммлер. / Пер. с англ. П. В. Рубцова. М., 2000, с. 204.

Ремарк Э. Время жить и время умирать. М.: 1992, с. 331.

Слуцкий Б. Записки о войне, с. 71.

Герцштейн Р. Э. Война, которую выиграл Гитлер. / Пер. с англ. А. Л. Уткина, А. В. Бушуева, И. С. Соколова под общей редакцией Г. Ю. Пернавского. Смоленск: Русич. 1996, с. 440.

Там же, с. 443.

58

Цит. по: Герцштейн Р. Э. Война, которую выиграл Гитлер, с. 447.

Герцштейн Р. Э. Война, которую выиграл Гитлер, с. 473.

60

Хипесница – проститутка, обкрадывающая своих клиентов (из воровского жаргона, распространенного в 20–40-е годы).

61

Там же, с. 517.

62

Бивор Э. Падение Берлина. 1945. / Пер. с англ. Ю. Ф. Михайлова. М., АСТ: Транзиткнига, 2005, с. 530–531.

63

Московиты – жители государства, которое называлось в иностранных источниках XVI–XVII веков Московией. Запад страшило государство Ивана Грозного, расширявшее свои владения покорением Казанского, Астраханского и Сибирского ханств. Уже в XVI веке в Европе появляется трактат, в котором ставится вопрос, а являются ли московиты христианами, не есть ли они варвары, забывшие о христианстве? О московитах в Европе говорят, что это племя хитрое, что оно «жульнически обходится с товарами», что нет другого народа более послушного своему государю, готового умереть за него. Женщины-московитки на пиршествах ежечасно переодеваются в богатые наряды, но дома неопрятны. В глазах западного либерала поздних времен имидж московитов все более обрастает представлениями, что это племя «степное», агрессивное, отставшее в культуре, а потому опасное. И Александр Блок вроде подтверждает: «Азиаты, с раскосыми и жадными очами».

Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3-я, М.: 1991, с. 633.

Ржешевский О. А. Секретные военные планы У.Черчилля против СССР в мае 1945 г. – Новая и новейшая история, 1999, № 3, с. 99.

66

Контрольная комиссия – коалиционный орган государств-союзников, победителей в войне, осуществлявший власть на территории Германии.

67

Перед самоубийством Гитлер своим преемником, канцлером Германии назначил гросс-адмирала Деница, и определил министров его правительства.

Гинзбург Л. В. Бездна. М.: 1966, с. 126–127, 130.

Семиряга М. И. Коллаборационизм. М.: 2000, с. 680.

Тарас Кузио. Украина во время политических реформ Кучмы, экономических преобразований и политика безопасности в независимой Украине. – Нью-Йорк: St. Martin’s Press, 1997, p. 152.

71

Майкл Спектер. Новый товар для торговцев: наивные славянские женщины. – Нью-Йорк таймс, 11 января 1998 года.

72

Крис Берд. 100 000 украинских рабынь в Западной секс-индустрии. – Рейтер, 6 июля 1998 года.

73

Рональд-Пьер Паринго. Проституция поворачивает на Запад. – Ле Монд, 24 мая 1998 года.

74

Большинство иностранных проституток в Германии прибыло из Восточной Европы. – ИТАР-ТАСС, 15 ноября 1999 года.

Катерина Левченко. Борьба с торговлей женщинами и принужденной проституцией: Украина, отчет по стране. – Вена: Институт Прав Человека Людвига Больцмана, сентябрь 1999 года.

Институт МираМед. «Кто вывозит женщин СНГ?». Предварительный отчет по торговле секс-товаром в СНГ. – Москва: Институт МираМед, июнь 1999.

Международная организация по миграции. Информационная кампания против торговли женщинами из исследований в Украине (Женева, Швейцария: Международная Организация по Миграции, июль 1998 года, стр. 9–11.

Катерина Левченко, Борьба с торговлей женщинами и принужденной проституцией: Украина, отчет по стране. – Вена: Институт Прав Человека Людвига Больцмана, сентябрь 1999 года.

Институт МираМед, Предварительный отчет.

Катерина Левченко. Борьба с торговлей женщинами и принужденной проституцией: Украина, отчет по стране. – Вена: Институт Прав Человека Людвига Больцмана, сентябрь 1999 года.

81

Лили Хайд и Марианна Денисенко. «Современное рабство для местных женщин». – Киев, Пост. 9 октября 1997.

82

Майкл Спектер. «Новый товар для торговцев: наивные славянские женщины». – Нью-Йорк таймс, 11 января 1998 года.

83

Лили Хайд и Марианна Денисенко. «Современное рабство для местных женщин». – Киев, Пост. 9 октября 1997.

84

Рональд-Пьер Паринго «Проституция поворачивает на Запад» – Ле Монд, 24 мая 1998 года.

85

Крис Берд. «100 000 украинских рабынь в Западной секс-индустрии» – Рейтер, 6 июля 1998 года.

Князев В., Мартьянов В. На панель, как на фабрику. – Труд, 29.09.2005.

87

Сексуальная эксплуатация подразумевает ситуацию, когда определенное лицо получает сексуальное удовлетворение, финансовую прибыль или выгоду путем употребления или эксплуатации сексуальности другого лица, нарушая право этого лица на достоинство, равенство, самостоятельность, физическое и психическое благосостояние. Сексуальная эксплуатация подразумевает торговлю женщинами, проституцию, секс-туризм, торговлю невестами «по почте», избиение, инцест, изнасилование и сексуальные домогательства.

88

Майкл Спектер. «Новый товар для торговцев: наивные славянские женщины» – Нью-Йорк таймс, 11 января 1998 года.

89

Катерина Левченко. Борьба с торговлей женщинами и принужденной проституцией: Украина, отчет по стране. – Вена: Институт Прав Человека Людвига Больцмана, сентябрь 1999 года.

Международная организация по миграции. Информационная кампания против торговли женщинами из исследований в Украине (Женева, Швейцария: Международная организация по миграции, июль 1998 года).

91

Катерина Левченко. Борьба с торговлей женщинами и принужденной проституцией: Украина, отчет по стране. – Вена: Институт Прав Человека Людвига Больцмана, сентябрь 1999 года.

92

Рональд-Пьер Паринго «Проституция поворачивает на Запад» – Ле Монд, 24 мая 1998 года.

Ернесто У. Савона «Организационные рамки европейской преступности в процессе глобализации» (Токио, Япония: 108-й Международный семинар по проблемам борьбы с организованной преступностью, 27 февраля 1998 года) – опубликовано на http://www.jus.unitn.it/transcrime/papers/wp20.html.